

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

Предлагаемыя записки архимандрита Владимира Терлецкаго, доктора богословія и медицины, любопытны во многих отношеніяхъ. Изображая въ послѣдовательномъ разсказѣ бурную жизнь бывшаго польскаго революціонера, затѣмъ уніатскаго агитатора, протекшую, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, Римѣ, въ продолжительныхъ странствованіяхъ на востокъ, въ Галичинѣ и Угорщинѣ, наконецъ, архимандрита—въ лонѣ православной церкви мирно окончившаго жизнь въ Россіи, записки Терлецкаго представляютъ грустную картину безплодныхъ попытокъ одного человѣка достигнуть того, о что тщетно разбивались, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, усилія многихъ святителей церкви,—соединенія западной и восточной церквей. Въ запискахъ этихъ разъяснена понятная только для западно-русскаго человѣка метаморфоза одного изъ дѣятелей польскаго возстанія 1831 года, яраго католика, чрезъ посредствующее звено уніи, въ монаха греко-россійской церкви, православнаго архимандрита и убѣжденнаго русскаго патріота. Поучительна судьба архимандрита Владимира не только для всѣхъ колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ умовъ западной и югозападной Россіи, но и для немногочисленной, правда, но все-таки заявляющей о своихъ притязаніяхъ, польской интеллигенціи въ западной окраинѣ,—этою наростѣ на здоровомъ ядрѣ вскопи русскаго края.

Архимандритъ Владиміръ, на склонѣ своихъ лѣтъ, проживалъ на покой въ Одессѣ. Находясь съ этимъ многоиспытаннымъ старцемъ въ дружескихъ отношеніяхъ и зная съ давнихъ поръ, не только на основаніи личнаго съ нимъ общенія, но и продолжительной переписки, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся обстоятельства его жизни, я рѣшился, по его просьбѣ, принять на себя трудъ редактировать записки нынѣ уже покойнаго о. Владимира и предложить ихъ на судъ русской публики, помѣстивъ оныя на страницахъ уважаемаго изданія «Русской Старины».

Д. Лопатиновій.

Пятигорскъ, 11 января 1889 г.

I.

Дѣтство.—Кременецкій лицей.—Виленскій университетъ.

Я родился въ 1808 году, въ селеніи Волицѣ-Дубиской, Волынской губерніи, Станиславинскаго уѣзда, отъ отца Андрея Васильевича и матери Франциски изъ Оснѣнскихъ Терлецкихъ. Фамилія Терлецкихъ принадлежитъ къ древнему червоно-русскому дворянскому роду, выводящему свое происхожденіе изъ села Терло, близъ Перемишля, стольнаго города Перемишльскаго княжества, входящаго теперь въ составъ Галиціи. Къ этой фамиліи принадлежало нѣсколько униатскихъ епископовъ, и, между прочимъ, печальной памяти Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, одинъ изъ самыхъ главныхъ поборниковъ униі, кромѣ того, Меодій Терлецкій, епископъ Холмскій и другіе. Въ настоящее время многіе представители фамиліи Терлецкихъ проживаютъ въ Галиціи; одни, придерживаясь униі, остались вѣрными русской народности, а другіе, измѣнивши родной вѣръ и окатоличившись вполне, превратились въ настоящихъ поляковъ. Къ разряду послѣднихъ принадлежали и мои родители, вслѣдствіе чего я получилъ св. крещеніе по римско-католическому обряду: имя мнѣ было наречено Ипполитъ. Мнѣ пошелъ 9-й годъ и уже должно было подумывать о моемъ воспитаніи. Между тѣмъ, у моихъ родителей не было средствъ для того, чтобы меня отправить въ лицей. Къ счастью, въ это время родной братъ моего отца, Стефанъ Терлецкій, содержалъ въ г. Кременцѣ пансіонъ, въ которомъ воспитывались сыновья богатыхъ польскихъ помѣщиковъ; онъ взялъ меня къ себѣ, и я сталъ посѣщать тамошнюю гимназію, преобразованную впоследствии въ лицей.

Кременецкій лицей сдѣлался въ то время умственнымъ центромъ для всего юго-западнаго края. Духъ этой школы, закрытой вслѣдствіе польскаго мятежа 1831 года, былъ либерально-шляхетскій; культъ польской народности былъ на первомъ планѣ, а религіозно-нравственная сторона въ воспитаніи юношества была въ полнѣйшемъ загонѣ. По какой-то непонятной близорукости тогдашняго русскаго правительства, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Адама Чарторыйскаго, сперва министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ попечителя виленскаго учебнаго округа, вся западная Россія, край искони русскій, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, съ небольшою литовскою примѣсью въ сѣверо-западной окраинѣ, былъ отданъ въ руки польскаго шляхетства, составляющаго ничтожное меньшинство, но сильнаго богатствомъ, дарованными ему привилегіями и крупною земельною собственностью. Что же представляло изъ себя подавляющее своимъ числомъ большинство русскаго элемента? Это были чуть ли не исключительно закрѣпо-

щенные крестьяне, почитаемые польским шляхетством «быдломъ», а тогдашней русской интеллигенцией—разновидностью польского племени. Въ силу подобныхъ взглядовъ правительства и русскаго общества, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа всецѣло царилъ польскій языкъ, онъ былъ языкомъ преподаванія и особенное вниманіе обращалось на польскую исторію и литературу. Польша представлялась въ умѣ учениковъ земнымъ раемъ, идеаломъ свободы, просвѣщенія, всеобъемлющей любви и всеобщаго благоденствія, къ которому должны стремиться и тѣ молодые сердца и всѣ ихъ помышленія. Русскій же языкъ, съ литературой, и исторія Россіи занимали, въ числѣ преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ, если не меньшее, то во всякомъ случаѣ и не болѣе значительное положеніе, чѣмъ другіе иностранные языки, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что за послѣдними признавалось высокое культурное значеніе, тогда какъ Россія съ ея языкомъ считалась чѣмъ-то варварскимъ, грубымъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Вотъ какимъ направленіемъ отличался Кременецкій лицей! Подобные взгляды были результатомъ польской исключительности и нетерпимости, но главнымъ образомъ они были привиты этой школѣ ея основателемъ Фаддеемъ Чацкимъ, однимъ изъ самыхъ главныхъ колонизаторовъ южно-русскаго края. Онъ сумѣлъ подобрать для школы учителей, вѣрно придерживающихся даннаго ей направленія. Вотъ, между прочимъ, слѣдующій прихѣрь: въ законоучители низшихъ классовъ былъ имъ назначенъ уніатскій священникъ Собкевичъ, человекъ честный и прямодушный, но не отличавшійся знаніями. Итакъ, когда онъ когда нибудь говорилъ или читалъ о страстяхъ Іисуса Христа, то онъ вспоминалъ, что часто случалось, и о покойной Рѣчи Посполигой. Польше, и при томъ всенепременно заливался горькими слезами, что, разумеется, не могло не производить глубокаго впечатлѣнія въ сердцахъ дѣтей. Весь учебный годъ дѣтямъ не приходилось слышать что бы то ни было про Россію, напоминающее имъ о томъ, что они живутъ въ русскомъ краѣ,—въ умахъ и сердцахъ учащихся и учащихся царилъ Польша; только къ концу учебнаго года, на публичномъ актѣ, во время чтенія рѣчи, нѣсколькими лестными словами вспоминалось о государѣ императорѣ. Такіе же или приблизительно такіе порядки господствовали и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ западной окраины Россіи, и потому не удивительно, что этотъ край высылалъ столь многочисленный контингентъ польскихъ матежниковъ. Когда же послѣ 1820-хъ годовъ въ школьномъ управленіи ненадежные элементы были замѣнены другими,—болѣе испытанной вѣрности, то это не принесло желаемыхъ плодовъ, такъ какъ учителя остались почти тѣ же самые, а вкоренившійся въ учащуюся молодежь духъ шляхетско-польскій перешелъ по преемству отъ одного поколѣнія къ другому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ польско-патріотическое направленіе въ воспитаніи молодежи какъ въ Кременецкомъ лицей такъ, какъ кажется, и въ другихъ учебныхъ

заведеніяхъ западнаго края, сопровождалось другимъ еще болѣе вреднымъ направленіемъ, — религіознымъ индифферентизмомъ. Правда, ученики были обязаны ходить въ костелъ въ будни на тихую мшу, а по воскресеньямъ и праздникамъ на спѣваную, но вся окружающая ихъ, такъ сказать, атмосфера дышала непростительнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, которое незаметно проникало въ душу неопытныхъ юношей. Всѣ заботы учебнаго начальства были направлены къ умственному развитію учащейся молодежи; религіозное же воспитаніе ограничивалось въ низшихъ классахъ двумя уроками въ недѣлю, весьма недостаточно преподаваемыми о. Собкевичемъ, а въ высшихъ классахъ, называемыхъ курсами, одной лекціей для всѣхъ курсовъ виѣстѣ, читаемой по воскресеньямъ даровитымъ проповѣдникомъ лица, іеромонахомъ ордена капуциновъ. Могла ли эта крупца, бросаемаѣ отъ времени до времени на неблагоприятную почву религіознаго индифферентизма, противоѣдствовать виѣдрившемуся глубоко въ сердцахъ юношей злу? Потому неудивительно, что какаѣя нибудь антирелигіозная книжка, или насмѣшка надъ религіознымъ чувствомъ какаго нибудь вольнодумца окончательно разрушали въ средѣ учениковъ основанную на шаткихъ убѣжденіяхъ вѣру. Это случалось съ большею частью молодежи, и, разумеется, должно было случиться со мною. Прочтенная мною книга Вольнеѣ (Volney) «Руины Пальмиры», любезно сообщенная мнѣ однимъ польскимъ помѣщикомъ-патріотомъ, разбила всю мою вѣру, распатанную всей антирелигіозной обстановкой, и повела меня на бездорожья, изъ которыхъ выбраться на путь, болѣе здравый и правильный, было уже очень трудно. Послѣ удаленія Чарторыйскаго отъ занимаемой имъ должности попечителя и назначенія на его мѣсто Новосильцева стали вводить болѣе цѣлесообразное преподаваніе Закона Божія, но было поздно: зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни!

Въ 1825 году я окончилъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ Кременецкомъ лицѣ, и, благодаря денежному пособію, которое мнѣ выдавалъ дядѣ Стефанъ, я отправился въ Вильну для поступленія въ тамошній университетъ. Тотъ же самый польско-патріотическій духъ, что и въ Кременцѣ, господствовалъ и въ виленскомъ университетѣ; той же ненавистью и такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому дышала большая часть преподавателей и почти вся учащаяся молодежь. Въ университетѣ поступилъ я на второй курсъ медицинскаго факультета, такъ какъ окончившіе курсъ въ Кременецкомъ лицѣ освобождались отъ слушанія естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ на первомъ курсѣ медикамъ. Въ университетѣ пробылъ я до конца 1830 г., въ которомъ я окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Вспынувшій въ это время польскій мятежъ воспрепятствовалъ мнѣ сдать строгія испытанія (ригороза) на полученіе степени доктора медицины.

II.

Польскій мятежъ.—Сраженіе при Боремлѣ.—Перевозка раненныхъ.—Заговоръ въ Дубнѣ.

Изъ Вильны я отправился въ Волынскую губернію не безъ тайнаго намѣренія примкнуть къ мятежу. По прибытіи на родину, я навѣстилъ въ мѣстечкѣ Радомыслѣ, Луцкаго уѣзда, богатую польскую помѣщицу Гуцинскую, къ которой я ѣздилъ обыкновенно на вакаціи съ ея сыновьями еще изъ Кременца.

Налишне прибавлять, что вся шляхетскопольская стихія относилась съ полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Принимали участіе въ немъ только самые рьяные, принимая къ мятежникамъ то отдѣльными единицами, то небольшими отрядами; большинство же сомнѣвалось въ успѣхѣ возстанія, сохраняло наружный видъ покорности русскому правительству и ограничивалось только тайной поддержкой мятежнаго движенія. Сначала власти относились къ движенію довольно индифферентно; но, наконецъ, правительство рѣшилось съ своей стороны принять нѣкоторыя мѣры: арестовано было нѣсколько болѣе горячихъ головъ и усилены вообще полицейскія строгости. Съ первымъ проявленіемъ дѣятельности правительства польское дворянство всполошилось: всѣ беспокоились за свою личную безопасность. Точно также и упомянутая выше помѣщица Гуцинская, опасаясь за себя, збрала съ собой дочерей и младшаго сына и уѣхала въ Галицію, предоставивъ старшихъ сыновьямъ надзоръ за хозяйствомъ. Осталась въ домѣ одна молодежь. Въ одну ночь послышался необыкновенный стукъ въ двери господскаго дома. Всѣми нами овладѣлъ какой-то необъяснимый страхъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго; но вскорѣ страхъ смѣнился неистовою радостью, когда мы увидѣли входящихъ кракусовъ. Это былъ патруль отряда генерала Дверницкаго, которому удалось пробраться на Волынь и занять позицію въ Боремлѣ, отстоящей 14 верстъ отъ Радомысла. Съ кракусами и я отправился въ Боремль и представился Дверницкому, который, узнавъ отъ находящихся уже тамъ моихъ товарищей по Вильнѣ, что я окончалъ курсъ медицины, назначилъ меня врачомъ при своемъ отрядѣ.

На слѣдующій день началось сраженіе. Польскій отрядъ былъ расположенъ въ весьма выгодной позиціи; артиллерія заняла высоты надъ рѣкой Стрыменъ какъ разъ у дворца гр. Миханя Чацкаго. Русскія же войска занимали низменный берегъ съ противоположной стороны рѣки. Весь день продолжалась пальба орудій и ружейная перестрѣлка. Тутъ и тамъ падали раненные; ихъ уносили въ дворецъ Чацкаго. Осмотромъ раненныхъ занимался

я, вмѣстѣ съ другими бывшими въ отрядѣ врачами. Вечеромъ того же дня призвалъ меня къ себѣ генералъ Дверницкій и велѣлъ перевезти способныхъ къ передвиженію раненыхъ въ мѣстечко Гороховъ, недалеко отъ галиційской границы, принадлежащее графу Ивану Тарновскому, куда уже раньше отправлено было нѣсколько больныхъ и раненыхъ изъ его отряда. Я назначенъ былъ врачомъ при тамошнемъ временномъ лазаретѣ.

Другой день сраженія рѣшилъ судьбу мятежниковъ. Русская конница, переправившись ночью чрезъ рѣку, ударила во флангъ мятежниковъ и нанесла имъ полное пораженіе. Дверницкій принужденъ былъ быстро отступать, придерживаясь границы Галиціи. Однако, русскія войска, наступая со всѣхъ сторонъ тѣсною цѣпью, все болѣе и болѣе сжимали желѣзное кольцо вокругъ него, и, наконецъ, заставили его искать спасенія въ предѣлахъ Галиціи.

На пути слѣдованія Дверницкаго находился уніатскій Почаевскій монастырь. Расскажу нѣсколько словъ о немъ. Въ описываемое мною время въ Почаевской лаврѣ сосредоточивалось главное управленіе греко-уніатскаго монашества чина св. Василія, — базиліанъ, давно уже въ ловкихъ рукахъ іезуитовъ ополеченныхъ до мозга костей и сдѣлавшихся орудіемъ къ латинизаціи и ополеченію западно-русской окраины. Почаевскіе монахи, въ значительной части даже польскаго происхожденія, твердо вѣря, что Дверницкій съ своими ничтожными силами нанесетъ смертельный ударъ Россіи, приняли его съ большимъ радушіемъ, снабдили деньгами и всякими припасами, а многіе даже изъ болѣе молодыхъ вступили въ ряды мятежниковъ. Вскорѣ, однако, изъ радости смѣнилась печалью: послѣ разгрома мятежа, Почаевскій монастырь былъ закрытъ, уніатскіе монахи были выдворены, а ихъ мѣста заняли православные инокѣ.

Возвращаясь къ прерванному разсказу о судьбѣ порученныхъ мнѣ раненыхъ. Благополучно доставилъ я ихъ въ мѣстечко Гороховъ, гдѣ нашелъ я и прежде оставленныхъ Дверницкимъ больныхъ и раненыхъ, вмѣстѣ съ которыми я помѣстилъ и вновь прибывшихъ. Всѣхъ было слишкомъ 60 человекъ. Лазаретъ содержался отчасти на средства графа Тарновскаго, принимавшаго къ Дверницкому съ снаряженнымъ имъ отрядомъ въ 30 или 40 человекъ, отчасти же на добровольныя пожертвованія жителей мѣстечка.

Въ Гороховѣ не имѣлось никакихъ извѣстій о судьбѣ Дверницкаго и его отряда. Отъ времени до времени небольшіе русскіе отряды посѣщали мѣстечко и всякій разъ осматривали лазаретъ. Наконецъ, по истеченіи трехъ съ небольшимъ недѣль, вступила туда бригада русской кавалеріи. Генералъ, фамиліи не помню, призвалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что лазаретъ долженъ быть перемѣщенъ въ Дубно. На мое возраженіе, что въ немъ есть тяжело раненые, генералъ, какъ бы сомнѣваясь въ правдивости моихъ словъ, отправилъ для осмотра лазарета своихъ врачей. Оказалось девять человекъ такихъ раненыхъ, которыхъ перевозка могла бы повредить. Въ виду ихъ

немногочисленности, на слѣдующій день были приготовлены подводы и раненые были отправлены, подъ эскортой айтырскихъ гусаръ, вѣстѣ со мною въ качествѣ военнопленнаго, въ г. Дубно. Благополучно мы прибыли въ городъ Дубно, гдѣ было собрано изъ перевезенныхъ изъ Горохова и другихъ мѣстъ свыше 200 человекъ раненыхъ мятежниковъ, при конѣ состояло четыре фельдшера. Мнѣ вѣрно было исполнять должность врача этого госпиталя, конечно, безъ жалованья и съ оставленіемъ подъ надзоромъ полиціи.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ Дубна затѣвалась новая вспышка. Помѣщики съ нѣмъ офиціалистами стали сговариваться съ цѣлю напасть на Дубно, овладѣть городомъ, а затѣмъ распространить мятежъ по всей Волыни. Къ этому заговору примкнули также и нѣкоторые поляки, находившіеся на русской штатской и даже военной службѣ. Объ этомъ заговорѣ я ничего не зналъ; мнѣ сказано было только не выписывать, по возможности, выздоравливающихъ. Я не могъ не слѣдовать данному мнѣ указанію, что и навлекло на меня подозрѣніе; состоялось распоряженіе осматривать почаще раненыхъ русскими врачами, и отправлять выздоравливающихъ партіями въ 20 и больше человекъ, кажется, на Кавказъ. Готовившійся мятежъ не вспыхнулъ, такъ какъ значительное большинство польскаго элемента стало уже сомнѣваться въ успѣхѣ польскаго дѣла, и поэтому во-время отшатнулось отъ рискованнаго предпріятія. Однако, болѣе скомпрометированные, всего семь человекъ, въ числѣ которыхъ было пять офицеровъ, одинъ юнкеръ и одинъ чиновникъ, рѣшились бѣжать за границу; а такъ какъ и меня увѣряли, что съ послѣднимъ транспортомъ выздорѣвшихъ раненыхъ буду и я отправленъ на Кавказъ, то и я примкнулъ къ нимъ.

III.

Бѣгство за границу.—Обратный переходъ чрезъ границу Царства Польскаго на театръ военныхъ дѣйствій.—Переправа чрезъ Вислу.

Въ назначенный для бѣгства день мы всѣ вышли подъ вечеръ изъ города. Шли мы, конечно, не толпой, но по одиночкѣ или по два вѣстѣ. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ сосѣдній съ городомъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу ждала насъ уже повозка одного полковаго врача, на которую мы и уѣхали и отправились дальше по изправленію къ границѣ. Въ лѣсу мы встрѣтили одного помѣщика, нарочно выѣхавшаго намъ на встрѣчу. Онъ забралъ насъ всѣхъ въ свой большой возъ, запряженный четырьмя лошадьми, и отвезъ насъ въ пасѣку одного шляхтича, находящуюся въ лѣсу близъ австрійской границы. Здѣсь мы оставались цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи двинулись къ границѣ. Договоренный раньше проводникъ перевелъ насъ благо-

получно чрезъ границу. Такимъ образомъ, мы очутились на территоріи другого государства, въ предѣлахъ Галиціи. Отдохнувши нѣкоторое время въ ближайшей корчмѣ, расположенной вдали отъ селенія, въ полѣ, мы нашли пріютъ въ домѣ мѣстнаго помѣщика, графа Комаровскаго. Здѣсь случилась довольно смѣшная исторія: въ имѣніи графа были минеральныя воды, кажется желѣзистыя. На другой или на третій день нашего пребыванія на этихъ водахъ намъ предложили принять ванны въ купальномъ заведеніи, куда мы и отправились. Не успѣли мы войти въ ванны, какъ раздался голосъ: «бѣгите, прячьтесь, васъ ищутъ австрійскіе солдаты въ домѣ графа». Мы, какъ были нагѣ, такъ и выскочили, бросившись въ огороды, чтобы скрыться въ высокой тычнѣ фасоли. Тамъ мы наскоро одѣлись и, прикорнувши, кое какъ просидѣли до глубокой ночи. Уже ночью насъ провели заданіи въ усадьбу, гдѣ мы для большей безопасности спали на сѣновалѣ. Имѣніе графа Комаровскаго хотя находилось и въ Галиціи, но входило въ черту вольноторговаго округа (порто-франко) города Бродовъ. Ввозить въ этотъ городъ можно было что угодно, но при вывозѣ приходилось уплачивать пошлины, притомъ, всѣ уѣзжающіе изъ черты города подвергались осмотру. Нужно было и намъ принять мѣры, чтобы какъ нибудь перебраться чрезъ таможенную границу. Мы прибѣгнули къ слѣдующей уловкѣ: графъ съ женой выѣхали въ каретѣ подъ предлогомъ посѣщенія сосѣдняго помѣщика, живущаго по ту сторону таможенной черты. На козлахъ сидѣлъ кучеръ, а на запяткахъ два лакея, все это были перодѣтые бѣглецы. Двухъ другихъ взялъ къ себѣ въ повозку въ качествѣ слугъ состоящій при имѣніи графа мандаторъ (вотчинный судья), а я ѣхалъ въ бричкѣ съ сосѣднимъ врачомъ, приглашеннымъ для этой цѣли наканунѣ графомъ, въ качествѣ его фельдшера. Такимъ образомъ, мы очутились внѣ этой черты. Въ какомъ-то мѣстечкѣ, названія не припомню, мы распростались съ графомъ Комаровскимъ. Оттуда насъ отправили на подводахъ, отъ одного помѣщика къ другому, къ границѣ Царства Польскаго, гдѣ еще возстаніе было въ полномъ разгарѣ. Изъ этого видно, что два театра войны сообщались между собою чрезъ австрійскую территорію; этимъ путемъ перевозились также и бѣглецы изъ Волыни въ Конгесовку. Не задерживаемые никѣмъ, мы прибыли въ имѣніе Нароль гр. Лоса. Пока было еще свѣтло, мы оставались на пасѣхъ въ лѣсу и только вечеромъ насъ провели въ усадьбу, гдѣ мы нашли человекъ тридцать, желавшихъ, подобно намъ, присоединиться къ мятежникамъ. Всѣмъ намъ роздали ружья, снабдили всѣмъ необходимымъ, дали проводниковъ, — однимъ словомъ, снарядили въ походъ. Мы двинулись къ близкой границѣ. Пограничная австрійская стража не сдѣлала никакихъ препятствій, потому ли, что она руководилась какими нибудь секретными инструкціями, или потому, что нашъ отрядъ былъ довольно внушительный; — теперь этого вопроса рѣшать не берусь. Австрійцы ограничились только тѣмъ, что послѣ совершеннаго уже нами вполне благополучно перехода чрезъ гра-

нищу подняли крикъ, стали кричать «вэр-даа?» (кто идетъ?), а такъ какъ съ польской стороны не было никакой стражи, то мы безпрепятственно добрались до первой деревушки. Было уже далеко за полночь. Утомившись отъ продолжительнаго перехода по разнымъ бездорожьямъ, мы всѣ чувствовали настоящую необходимость поддержиться чѣмъ нибудь. Съ этою цѣлью мы отправились въ ближайшую корчму, разбудили шинкаря-еврея и стали требовать чего нибудь съѣстнаго. На это еврей заявилъ намъ, что нѣтъ ни водки, ни хлѣба, ни даже молока, такъ какъ проходившій наканунѣ черезъ деревню отрядъ казаковъ истребилъ всѣ его припасы снѣди и напитковъ. Вѣсть о появленіи казаковъ сильно насъ всѣхъ смутила. Наше смущеніе увеличилось еще извѣстіемъ, сообщеннымъ намъ евреемъ, а затѣмъ еще однимъ крестьяниномъ, — что войска мятежниковъ отгнаны за Вислу, и что, такимъ образомъ, весь правый берегъ этой рѣки занятъ русскими. Мы находимся въ недоумѣніи, какъ поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи. По совѣту знающихъ мѣстность людей мы рѣшились взять проводника и черезъ лѣса, придерживаясь австрійской границы, пробираться до Вислы. Путь этотъ мы дѣлали частью пѣшкомъ, частью же на подводахъ. На пути намъ встрѣтился небольшой польскій отрядъ, скрывавшійся въ лѣсу; въ другомъ же мѣстѣ, отдыхая недалеко отъ большой дороги въ чащѣ лѣса, въ какихъ нибудь двадцати шагахъ отъ насъ, мы имѣли случай видѣть развѣздъ русской кавалеріи. Наконецъ, послѣ различныхъ мытарствъ и всевозможныхъ приключеній, намъ удалось добраться ночью до берега Вислы. По сую сторону этой рѣки видѣлись костры русскихъ карауловъ, а съ другой стороны, подъ Завихостомъ, стояли войска мятежниковъ. Какъ намъ ни хотѣлось перебраться скорѣе на ту сторону, но приходилось дожидаться разсвѣта. На зарѣ подали паромъ и мы стали переправляться на тотъ берегъ. Мы уже были въ среднѣмъ русла рѣки, когда къ намъ подскочили казаки и дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, никакого вреда.

IV.

Корпусъ генерала Шептицкаго.—Конница Ружицкаго.—Переправа русскихъ войскъ черезъ Вислу.—Приключеніе въ Опатовѣ.

Лѣвый берегъ Вислы занималъ отрядъ мятежныхъ войскъ, принадлежавшій къ небольшому, впрочемъ, корпусу генерала Шептицкаго, котораго вскорѣ смѣнилъ генералъ Самуэль Ружицкій. Весь корпусъ состоялъ изъ одного полка пѣхоты, изъ баталіона такъ называемой «легіи литовско-русской», изъ конницы (язды) подольской и коннаго полка (язды) Волинскаго. Всего насчитывалось около 5,000 человекъ.

Полкъ jazdy волынской былъ сформированъ на Волыни капитаномъ наполеоновскій войскъ Карломъ Ружицкимъ и состоялъ приблизительно изъ 300 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ; все это были малороссы, крестьяне и дворовые, которыхъ ихъ помѣщики поляки заманили принять участіе въ возстаніи; офицерами, разумеется, были тѣ же помѣщики. Этому Ружицкому удалось пробраться, на пути изъ Волыни къ Вислѣ, черезъ цѣпь русскихъ войскъ, сдѣлать нѣсколько удачныхъ нападеній на небольшіе русскіе отряды, и, наконецъ, проникнуть въ крѣпость Замостье. Тамъ Ружицкій рѣшился дать своему конному отряду продолжительный отдыхъ, одѣлъ его въ мундиръ и наименовалъ «яздой русской». Въ награду за это, революціонное правительство назначило его полковникомъ сформированнаго имъ полка и повелѣло ему отправиться за Вислу для пополненія небольшого корпуса генерала Шептицкаго. Между прочимъ, въ этомъ полку былъ поручикомъ шуринъ Ружицкаго Михаилъ Чайковскій, впоследствии одинъ изъ выдающихся польскихъ беллетристовъ, а затѣмъ турецкій сановникъ Садыкъ-паша, о которомъ намъ придется говорить много разъ. Въ тотъ же полкъ я былъ опредѣленъ врачомъ, какъ уроженецъ той провинціи, гдѣ онъ былъ набранъ.

Не долго спустя, русскій корпусъ, подъ начальствомъ, если не ошибаюсь, генерала Ридигера, началъ свою переправу черезъ Вислу. Напрасно пытался отрядъ генерала Ружицкаго воспрепятствовать этой переправѣ; онъ караулилъ всю ночь на лѣвомъ берегу, но русскіе переправились въ другомъ мѣстѣ, и ему пришлось отступить безъ боя. При отступленіи въ мѣстечкѣ Опатовѣ случилось грустное приключеніе. Поздно ночью вступилъ туда отрядъ генерала Ружицкаго, мы отдохнули немного, и еще до утренней зари получили приказъ къ выступленію. Вслѣдствіе этого, Волынскій полкъ, который стоялъ за городомъ въ аріергардѣ, перешелъ черезъ городъ и расположился въ оврагѣ, по ту сторону города. Полковникъ уѣхалъ въ мѣстечко къ генералу. Въ томъ предположеніи, что стоявшая по сю сторону города пѣхота еще не сняла карауловъ, позволено было слѣзть съ лошадей. Усталый до крайности народъ уснулъ. Тѣмъ временемъ подкрался потихоньку взводъ русской конницы, кажется, казаки и стали стрѣлать и рубить проснувшихся волынцевъ. Пошла тревога, и казаки, увидѣвши значительный отрядъ, усаkali казадъ. Погнались волынцы въ догонку за ними, но уже не успѣли нагнать русскихъ. Волынцы поплатились за свою безопасность относительно значительнымъ числомъ раненыхъ: вышло изъ строя 2 офицера, одинъ вахмистръ и нѣсколько солдатъ.

V.

Мятежъ клонится къ паденію.—Стычка подъ Илжой и Липскомъ.—Случай со мною.—Вступленіе отряда Ружицкаго въ Галицію.

Мятежъ видимо сталъ клониться къ паденію. Отрядъ Ружицкаго, тѣснимый подавляющими русскими силами, избѣгалъ большихъ сраженій. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ настигнутъ подъ мѣстечкомъ Илжой русскимъ отрядомъ. Не смотря на храбрый отпоръ, со стороны волынцевъ, атаки драгунъ, Ружицкій долженъ былъ отступить, успѣвши едва увести съ собою своихъ раненыхъ, около 60 человекъ. Въ скоромъ времени послѣ этого сраженія пришла грустная для мятежниковъ вѣсти объ осадѣ Варшавы, бѣгствѣ Чарторыйскаго въ корпусъ Ромарина и объ отступленіи этого корпуса по направленію къ австрійской границѣ. Вслѣдствіе этого, и отрядъ Ружицкаго сталъ приближаться къ той же границѣ чрезъ краковское воеводство (нынѣ Кѣлепкая губернія). Однако, русскіе еще разъ настигли нашъ отрядъ недалеко отъ мѣстечка Липска. На пространствѣ какихъ нибудь десяти верстъ онъ отступалъ съ соблюденіемъ величайшаго порядка, прикрываясь своей конницей и отстрѣливаясь, въ каждой удобной для этого мѣстности, артиллеріей, состоявшей всего изъ шести пушекъ. Все это извѣдилось, когда мы подошли къ мѣстечку, миновать которое не было никакой возможности. Итакъ, по случаю, какъ утверждали нѣкоторые, неточной передачи приказаній генерала, въ тѣснотѣ улицъ замедлилось отступление, начатое съ такимъ порядкомъ; вслѣдствіе этого, русскій отрядъ, который былъ отъ насъ на почтительномъ разстояніи, сталъ настѣдать все болѣе и болѣе и, наконецъ, съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ принялся изъ своихъ 16 пушекъ громить картечью прикрывавшую отступление кавалерію, выстроенную въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окружавшей мѣстечко ограды. Картечныя пули такъ и сыпались, поражая людей и лошадей. Я стоялъ первымъ на правомъ крылѣ, а въ то мгновеніе, когда я хотѣлъ о чемъ-то доложить полковнику, я вдругъ повалился на зень вѣстѣ съ лошадыю. Сначала я не могъ сообразить, что со мной случилось, но скорѣе я почувствовалъ гнущую меня тяжесть: сраженная картечною пулею лошадь привалила меня своимъ тѣломъ такъ, что я не могъ изъ-подъ нея высвободить правой ноги. Въ эту минуту раздается команда отступить, а между тѣмъ не кому было мнѣ помочь выкарабкаться изъ-подъ лошади. Послѣ продолжительныхъ усилій удалось мнѣ, наконецъ, извлечь свою ногу, но уже безъ сапога, оставшагося подъ лошадыю. Поднявшись, я увидѣлъ на не далекомъ отъ себя разстояніи русскихъ, а нашего отряда и слѣдъ простылъ. Бѣжать по дорогѣ въ мѣстечко было далеко и при томъ опасно: въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ меня я замѣтилъ высокій заборъ. Страхъ придавъ мнѣ силъ — и однимъ прыжкомъ я очутился на заборѣ; перекинувшись на ту сторону, я повисъ въ воздухѣ, такъ какъ португез сабли зацѣпилась о гвоздь. Съ большимъ трудомъ я отстегнулъ ее и повалился всею тяжестью на землю. Въ страхѣ я быстро вскочилъ на ноги; оказалось, что я во дворѣ корчмы. Мигомъ я бросился въ открытыя ворота и выбѣжалъ на улицу. Тутъ же бродило безъ своихъ ѣздовъ нѣсколько лошадей: я вскочилъ на первую изъ нихъ; однако, она оказалась раненой. Я долженъ былъ соскочить съ нея и бросился бѣжать нао всѣхъ ногъ въ поле. За мѣстечкомъ я уже нагналъ свой полкъ.

Это было послѣднее сраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіе Ружицкаго. Не тревожимый русскими, онъ двинулся къ Вислѣ, черезъ которую и переправился востѣ села Баторская Воля и вступилъ въ предѣлы Галиціи. На границѣ отрядъ былъ обезоруженъ австрійцами. Сейчасъ же отдѣлили солдатъ отъ офицеровъ; послѣднихъ оставили въ деревнѣ, а солдатамъ велѣли стать лагеремъ по близости. Въ непродолжительномъ времени ихъ отправили обратно въ Россію, а офицерамъ опредѣлили жалованье по одному цванцигеру въ день (около четвертака). Тонинные бездѣйствіемъ, офицеры предались азартной игрѣ, спускали свои деньги и австрійское жалованье: все это попадало въ руки налетѣвшимъ со всѣхъ сторонъ шулерамъ по своей профессіи

VI.

Отъѣздъ въ Краковъ.—Знакомство съ домомъ профессора Шугта.—Дипломъ на докторіи медицины.

Наше положеніе вдругъ улучшилось. Нѣкоторые офицеры получили разрѣшеніе отправиться во Францію, остальныхъ же до рѣшенія ихъ судьбы перевели въ Подгорье (Podgorze), предмѣстье Кракова по ту сторону Вислы, принадлежащее Австріи, между тѣмъ какъ Краковъ былъ свободнымъ городомъ, управляемый сенатомъ съ президентомъ во главѣ.

Посѣщая Краковъ, я познакомился въ кофейнѣ съ двумя учениками тамошней гимназіи братьями Шугтами, сыновьями профессора краковского университета. Разговорившись съ ними, я намекнулъ, что въ моемъ теперешнемъ положеніи нѣтъ другаго выхода, какъ искать убѣжища за границей, въ качествѣ эмигранта, на что я рѣшусь неохотно. «Отчего же вамъ не остаться здѣсь?» спросили они.—«Да, оттого, сказалъ я въ отвѣтъ, что у меня нѣтъ средствъ къ жизни и притомъ нѣтъ знакомыхъ въ Краковѣ». Наши родители, безъ сомнѣнія, примутъ насъ съ большимъ удовольствіемъ въ свой домъ; мы сейчасъ объ этомъ съ ними поговоримъ.—Сказавъ это, молодые люди ушли и,

спустя полчаса, возвратились съ приглашеніемъ отъ родителей, явиться въ ихъ домъ. Лишившись съ убитою лошадыю всѣхъ своихъ пожитковъ, я, въ чемъ былъ, явился въ домъ Шугтовъ, гдѣ былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ.

Семейство Шугта состояло изъ старика профессора, уроженца прусскихъ провинцій, переселившагося еще въ молодые годы, вслѣдствіе французской революціи, въ Галицію. Здѣсь онъ женился на дворянкѣ, знатной польской фамиліи, Оеклѣ Ромеръ, переселился въ Краковъ и получилъ каведру ринской и греческой словесности въ Ягеллонскомъ краковскомъ университетѣ, которую уже занималъ 20 лѣтъ. Кромѣ жены, у него было два сына и три дочки, изъ которыхъ старшая Анна не только отличалась красотою среди краковскихъ дѣвицъ, но и своимъ образованіемъ. Потому не удивительно, что я съ перваго знакомства почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе; въ свою очередь, я замѣтилъ, что и она не равнодушна ко мнѣ.

У Шугтовъ проживалъ въ то время польскій эмигрантъ графъ Старжинскій, человѣкъ уже не первой молодости, который былъ принятъ родителями Анны, польщенными графскимъ титуломъ и мнимымъ его богатствомъ, какъ женихъ, не смотря на полное нерасположеніе къ нему самой Анны. Въ числѣ польскихъ офицеровъ, находившихся еще въ Подгорьѣ, были товарищи и знакомые Старжинскаго. Они-то однажды, посѣщая древній Вавель (старинный замокъ польскихъ королей) вѣстѣ со мною и братьями Анны, проговорились, что Старжинскій женатъ и что онъ все свое имѣніе уже промоталъ. Объ этомъ братья Анны сообщили своимъ родителямъ и по ихъ просьбѣ я пригласилъ одного изъ этихъ офицеровъ, чтобы онъ высказалъ это ему прямо въ глаза. Старжинскій былъ изобличенъ; съ большимъ смущеніемъ онъ призналъ правдивость этихъ фактовъ и вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ уѣхать.

Мои отношенія къ семейству Шугта стали мало по малу выясняться. Оставалось только приобрести болѣе прочное общественное положеніе и достигнуть ученой степени, которой я не успѣлъ запасть въ виленскомъ университетѣ, вслѣдствіе сообщенной раньше причины. Къ счастью, у меня завязались кое-какія связи съ краковскимъ университетомъ. Въ это время въ немъ состоялъ профессоромъ Михаилъ Вишнявскій, бывшій прежде учителемъ Кременецкаго лицей, близкій другъ моего дяди. Онъ-то меня натолкнулъ на мысль держать экзаменъ на доктора медицины въ Краковѣ. Конечно, это вошло въ мои планы, но у меня не было никакого свидѣтельства объ окончаніи курса медицинскаго факультета въ Вильнѣ, а приобрести такое нормальнымъ путемъ не было возможности по понятной причинѣ. Изъ этого затрудненія меня выручило другое знакомство. Итакъ, профессоромъ анатоміи въ краковскомъ университетѣ былъ д-ръ Вирковскій, пріѣзжавшій съ дипломомъ, кажется, берлинскаго университета въ Вильну, чтобы подвергнуться тамъ повѣреннымъ испытаніямъ для полученія русскаго докторскаго диплома. Я былъ

тогда на пятомъ курсѣ и мы часто встрѣчались въ клиникахъ. Онъ сейчасъ же, при первой встрѣчѣ, узналъ меня и вызвался вмѣстѣ съ профессоромъ Вишневскимъ поручиться предъ университетской конференціей (сенатомъ) въ томъ, что я дѣйствительно окончилъ курсъ медицинскіхъ наукъ. Этого было вполне достаточно, и меня допустили къ испытаніямъ (ригоровамъ) на пріобрѣтеніе степени доктора медицины. Мои занятія по приготовленію къ экзаменамъ прерваны были серьезной болѣзнью—тифомъ, сопряженной съ кровоизлияніемъ, послѣ которой я выздоравливалъ весьма медленно. Такимъ образомъ, только въ началѣ 1834 года я добился докторскаго диплома.

VII.

Женитьба на Аннѣ Шугтъ.—Польская поэтесса «Анна изъ Кракова».—Пржевременная смерть жены.—Беспорядки въ вольномъ городѣ Краковѣ и прекращеніе его политическаго существованія.—Выдвореніе эмигрантовъ.—Отправка въ Триестъ.

Пріобрѣтши ученую степень, съ упроченнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, я уже могъ добиваться руки Анны. Желанной цѣли я достигъ на слѣдующій годъ. Повѣнчавшись съ Анной Шугтъ, я къ зимѣ того же года уѣхалъ одинъ въ Галицію для присканія себѣ мѣста. Мѣсто нашлось въ восточной (русской) части Галиціи, гдѣ я и поселился и сталъ заниматься врачебной практикой. Весной я намѣревался перевезти жену на мѣсто моего жительства, какъ вдругъ извѣстіе объ ея внезапной болѣзни отозвало меня въ Краковъ.

Кстати будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о моей женѣ, до замужества Аннѣ Шугтъ. Это не будетъ нескромностью съ моей стороны, въ виду того, что она какъ украшающими ее нравственными качествами, такъ и своими замѣчательными умственными дарованіями пользовалась въ это время широкой извѣстностью. Итакъ, она была выдающейся польской поэтессой, извѣстной подъ псевдонимомъ «Анны изъ Кракова». Въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ появлялись ея стихотворенія и читались на расхватъ: они дышали какой-то плѣнительно-нѣжной, въ высшей степени симпатичной искренностью чувства, хватающей поневолѣ за душу и оставляющей поэтому неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ читателя. Ея поэтическое дарованіе сказывалось также и въ умѣннѣхъ импровизировать на какую угодно тему. Въ противорѣчіи въ этихъ богатыхъ сокровищахъ ея ума и сердца была слабость ея физическаго сложенія и какая-то нервная чуткость и напряженность всего ея организма. Между прочимъ, это проявлялось въ одномъ странномъ явленіи ея душевнаго міра, а именно въ сновидѣніяхъ. Итакъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ ея жизни, начиная съ ранняго дѣтства, ей являлась во снѣ старушка, которую она

величала «бабушкой»; она предсказывала ей все, что должно было случиться съ ней или съ близкими ей людьми. Предсказанія эти исполнялись всегда съ необыкновенною точностью. Всѣ члены семьи, не исключая и отца, вовсе нерасположеннаго къ вѣрѣ во что нибудь сверхъестественное, или даже къ суевѣрію, а также и знакомые не сомнѣвались въ правдивости этихъ предсказаній. Между прочимъ, бабушка предсказала Аннѣ, въ первые дни послѣ моего прибытія въ Краковъ, что я буду ея мужемъ; она же и предсказала ей кончину. Анна записала это грустное предсказаніе, не сказавъ никому ни слова и только послѣ ея смерти нашли между ея бумагами это предсказаніе. Являясь ей во снѣ, бабушка разрѣшала нѣныя предсказанія сообщать другимъ, а иногда запрещала сказывать кому бы то ни было. Эти вѣдѣнія имѣли неотразимую власть надъ душою Анны: она ихъ слушалась, да и, по восприимчивости своей впечатлительной натуры, не могла не слушаться.

Черезъ годъ послѣ женитьбы моя жена послѣ трудныхъ родовъ скончалась отъ внутренняго (кровоотеченія) кровоизліянія, едва успѣвши прижать къ груди новорожденного младенца. Потрясенный до глубины души, я оставилъ Краковъ, поручивъ единственнаго сына на попеченіе бабушки и дѣда. Должность я получилъ домашняго врача у князя Адама Сапѣги, принимавшаго участіе въ польскомъ мятежѣ и, вслѣдствіе этого, переселившагося изъ Россіи въ Галицію. Спустя полгода, я получилъ другое болѣе выгодное мѣсто, въ Крешовицахъ, нѣмѣнн вдовы графа Артура Потоцкаго.

Однако, не суждено мнѣ было найти мирный пріютъ послѣ столькихъ испытанныхъ мною тревогъ. Въ это время Галиція и преимущественно вольный городъ Краковъ кишѣли польскими эмигрантами, которые съ свойственнымъ имъ народу легкомысліемъ увлекались несбыточными мечтами возстановленія Польши отъ моря до моря при помощи Франціи и Англіи. Эти мечты находили свое выраженіе въ образованіи многочисленныхъ тайныхъ обществъ масоновъ и карбонаріевъ, въ которыя вовлекли и меня, хотя моя вѣра въ цѣлесообразность этихъ заговоровъ уже начала пошатываться. Стоять въ сторонѣ отъ этого движенія мнѣ и нельзя было: участіе въ мятежѣ палагало на меня извѣстныя обязанности. Ко мнѣ, въ Крешовицы, навѣдывались отъ времени до времени эмигранты, преимущественно демократической партіи; пользуясь нѣкоторою отдаленностью этого богатаго нѣмѣня Потоцкихъ отъ наблюденій иностранныхъ консуловъ, искали даже пріюта личности, болѣе скомпрометированныя. Къ тому времени страшась бѣда надъ Краковымъ. Въ 1836 году случилось политическое убійство, найденъ убитымъ комиссаръ полиціи. Какъ это возмутительное преступленіе, такъ и сумасбродное поведеніе эмигрантовъ. поддерживаемыхъ жителями вольнаго города и терпимыхъ мѣстными властями. показалось покровительствующимъ державамъ опаснымъ для спокойствія смежныхъ съ Краковымъ провинцій и поэтому, послѣ предварительныхъ переговоровъ, союзныя войска вступили въ городъ, предоставивъ эмигрантамъ

отправиться въ пограничное мѣстечко Галиціи, а оттуда на свой счетъ, въ случаѣ же неимѣнія средствъ—на издержки австрійскаго правительства во Францію. Не сознавая за собою какой нибудь вины въ возникновеніи послѣднихъ смутъ и будучи далекъ отъ прямого участія въ безпорядкахъ, вызвавшихъ строгія мѣры покровительствующихъ державъ, я обратился къ австрійскому консулу съ запросомъ, не могу ли я остаться на своей должности подъ покровительствомъ австрійскаго правительства? Съ такой же просьбой обратились также къ консулу и крестьяне изъ деревень, пользовавшихся столь часто моею врачебною помощію; но все это ничего не помогло! Я долженъ былъ отправиться въ Австрію, и вмѣстѣ съ другими я былъ препровожденъ подъ военной эскортой въ г. Триестъ и водворенъ въ тамошней цитадели. Сынъ же мой, которому еще не было года, остался въ Бравовѣ, на попеченіи родителей моей покойной жены.

VIII.

заключеніе въ Триестъ.—Отправка эмигрантовъ въ Марсель.—Буря на Адриатическомъ морѣ.—Прибытіе во Францію.—Перевѣздъ въ Монпелье.—Религіозныя сомнѣнія.—Новое направленіе религіозныхъ взглядовъ.—Янскій.

Изъ Триеста австрійское правительство отправило эмигрантовъ моремъ во Францію. По невѣстному для меня причинѣ, нѣсколько заключенныхъ, занимавшихъ высшее положеніе, какъ по образованію, такъ и по общественнымъ условіямъ, оставлены долѣе всѣхъ въ крѣпости; въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Нѣсколько разъ подвергали насъ допросамъ; наконецъ, кажется, въ началѣ августа мѣсяца того-же года, отправили насъ на тосканскомъ парусномъ суднѣ въ Марсель.

При противномъ вѣтрѣ мы отплыли въ Адриатическое море. Впередъ мы подвигались очень медленно; сильные порывы вѣтра насъ бросали то къ берегамъ Италіи, то къ Далматійскимъ островамъ. При входѣ въ Средиземное (Ионическое) море поднялся ужасный штормъ. Это было вечеромъ. Сѣверный вѣтеръ, хотя и попутный намъ, ударилъ съ такой силой и такъ неожиданно, что матросы не успѣли стануть верхняго малаго паруса: буря сорвала его и понесла въ море. Ужасное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественное зрѣлище, которое представляла буря, было для меня ново; мнѣ хотѣлось посмотрѣть опасности прямо въ глаза, и я остался на палубѣ, крѣпко прижавшись къ большой мачтѣ (флагмачтѣ). Всѣ обуревавшія меня въ эту минуту ощущенія описать трудно. Точно также не поддается описанію и картина разъяренной стихіи: скрепящая то тутъ, то тамъ молнія освѣщала вершины пѣнящихся водяныхъ горъ, на которыя нашъ корабль то поднимался, то опять погружался, точно въ преисподнюю. Насъ гнало чрезвычайно быстро, — больше

16 морских миль въ часъ. Буря стала стихать, когда мы повернули къ сивилійскому берегу. При входѣ въ Мессинскій проливъ намъ пришлось три дня дожидаться попутнаго вѣтра. Наконецъ, оказались возможность войти въ проливъ. Однако, все какъ будто сговорилось противъ насъ; подойдя къ Мессинѣ, мы встрѣтили полнѣйшій штиль. Такимъ образомъ, намъ пришлось почти недѣлю простоять, въ обществѣ нѣсколькихъ десятковъ кораблей, въ виду Сициліи и Калабрін, наслаждаясь видомъ совершенно неподвижной, точно зеркальной поверхности моря. Послѣ 33-хъ-дневнаго плаванія, истомившись духомъ и тѣломъ, мы достигли цѣли путешествія—Марсели, столицы Средиземнаго моря. Единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ продолжительномъ и скучномъ путешествіи были нон бесѣды съ капитаномъ и матросами везшаго насъ судна. Все это были далматинцы изъ Бокки-Каторской, сосѣдней съ геройской Черногоріей. Они къ намъ, какъ къ славянамъ, относились въ высшей степени дружелюбно, а когда узнали, что я врачъ, то не отходили отъ меня съ уговорами посвятить свои силы служенію славянской странѣ и поселиться на Черной горѣ.

По прибытіи въ Марсель, мы явились къ французскимъ властямъ. Правительство опредѣлило намъ поселиться въ южной Франціи въ городѣ Валансъ на Ронѣ. Я подалъ прошеніе о разрѣшеніи мнѣ заниматься врачебной практикой. Случилось то, что я и предвидѣлъ: мнѣ вѣстили въ обязанность отправиться въ Монпелье, чтобы въ тамошнемъ медицинскомъ факультетѣ подвергнуться вторично испытаніямъ и защитить диссертацию на степень доктора медицины. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, не признаются иностранные дипломы врачей, а для приобрѣтенія правъ на практику приходится держать экзамены въ мѣстныхъ факультетахъ. Я отправился въ Монпелье. Безѣдное существованіе мнѣ было обезпечено: какъ бывшему польскому врачу-эмигранту правительство французское назначило пенсію въ 60 франковъ въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ можно было съ большимъ удобствомъ предаться научнымъ занятіямъ. Однако, вскорѣ меня отвлекли отъ труда мечты, волновавшія въ-это время меня и всѣхъ моихъ товарищей.

Живя на чужбинѣ, среди чуждыхъ намъ интересовъ страны, хотя дружелюбно къ намъ расположенной, но не имѣющей съ нами ничего общаго, какъ по образу жизни и привычкамъ, такъ и по языку, мы всѣ увлекались мечтами о скоромъ осуществленіи нашего политическаго идеала, рассчитывая на ожидаемое въ близкомъ будущемъ европейское столкновеніе. Я и мои товарищи по путешествію прикнули къ демократической партіи эмиграціи. Пріверженцы этой партіи составили въ Монпелье общество, въ число членовъ котораго мы и вписались. Однако, въ скоромъ времени, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, это общество распалось на два довольно враждебно относящихся другъ къ другу лагеря: одно съ оттѣнкомъ крайнихъ убѣжденій, а другое, хотя и исходящее изъ демократическихъ началъ, но съ болѣе умѣреннымъ

направленіемъ; къ послѣднему примкнулъ и я. Понятно, что, среди броженія политическихъ страстей, нельзя было сосредоточиться на научномъ трудѣ, требующемъ полного равновѣсія умственныхъ и нравственныхъ силъ. При томъ, какъ я сказалъ выше, моя душа обуреваема была религіозными сомнѣніями. зародившимися еще на школьной скамьѣ и пустившими глубокіе корни въ водоворотѣ послѣдующей жизни. Но не къ тому веду я рѣчь. Дѣло было не въ научныхъ занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что я два года спустя, все-таки достигъ своей цѣли. Я хочу, излагая всѣ эти подробности, дать заглянуть читателю въ свою душу, чтобы онъ могъ понять какинъ образомъ одно неважное съ виду обстоятельство могло дать моей жизни совсѣмъ другое направленіе. Это тѣмъ болѣе удивительно, что избавленіе отъ угнетающихъ мою душу сомнѣній я нашелъ на чужбинѣ.

Возвращаюсь къ изложенію причинъ, повліявшихъ на зарожденіе во мнѣ религіознаго индиферентизма. При томъ не боюсь повтореній, такъ какъ все это весьма важно для объясненія моей послѣдующей дѣятельности.

Кременецкій лицей, какъ я говорилъ раньше, охлаждалъ, мало по малу, вынесенное изъ родительскаго дома религіозное чувство. Чтеніе французскихъ энциклопедистовъ, а въ числѣ ихъ и Вольтера, притѣръ равнодушныхъ и невѣрующихъ товарищей поколебалъ еще болѣе всѣ основы вѣры и подготовилъ почву для полного невѣрія. Знакомство съ упомянутымъ выше сочиненіемъ Вольнея довело дѣло до разрушенія. Но какъ странно: въ этой разрушительной работѣ, опрокидывающей стройное зданіе религіи, въ тайникахъ моей души теплился все-таки слабый огонекъ невольнаго влеченія къ поэтической сторонѣ обрядностей церкви, и это-то необъяснимое чувство вызвало къ жизни послѣдовавшую только теперь реакцію. Впрочемъ, если вѣра въ авторитетность проповѣдниковъ отрицательныхъ началъ поколеблется, то и эти начала теряютъ свою привлекательную сторону.

Расскажу сначала. За годъ или за два до окончанія курса наукъ въ Кременцѣ я отправился на вакаціи къ моей матери, овдовѣвшей уже въ это время; она арендовала небольшой участокъ земли у польскаго пошѣщика, бывшаго капитаномъ польскихъ войскъ, недалеко отъ Старокопстантинова; я счелъ своимъ долгомъ его посѣтить. Онъ меня принялъ весьма дружелюбно; его патриотизмъ и либерализмъ дѣйствовали на меня съ неотразимой силой, и я сталъ его ежедневнымъ гостемъ. Я пользовался книгами изъ его библіотеки. состоявшей, по большей части, изъ польско-патріотическихъ и французскихъ книгъ, антирелигіознаго направленія. Онъ далъ мнѣ въ руки «Руины Пальмиры» Вольнея. На первыхъ порахъ, не смотря на мою холодность къ религіи, я не былъ въ состояніи прочесть втораго тома этого сочиненія, отрицающаго всякую религію; но любопытство преодолѣло: я взялъ книжку опять въ руки и прочелъ ее. Помимо всякой бездоказательности и даже несостоятельности его аргументаціи, она произвела глубокое впечатлѣніе на молодой и не

окрѣпшіи въ своихъ убѣжденіяхъ умъ, и, такимъ образомъ, уничтожила во мнѣ окончательно всякое религіозное чувство. Тѣмъ не менѣе, помѣщикъ-либераль палъ нязко съ своего пьедестала и я потерялъ къ нему всякое уваженіе. Причина этому была слѣдующая: за какую-то пустячную провинность онъ велѣлъ нещадно бить кнутомъ своего крестьянина, весь домъ оглашался воплями бѣднаго «хлопа», а эти вопли раздавались въ моихъ сердцахъ отголоскомъ протеста противъ явной неправды. Перехожу къ виленской жизни.

Среди университетской молодежи господствовали матеріалистическія убѣжденія и вполне равнодушное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Конечно, и я раздѣлялъ эти взгляды. Однажды я присутствовалъ на похоронахъ лучшаго друга, Лучинскаго, студента-медика. По неловкости гробовщиковъ, опускавшихъ гробъ въ могилу, тѣло покойника выпало и покатилося на дно могилы. Я вскрикнулъ въ яму, чтобы вложить тѣло въ гробъ, и тогда только поразила меня мысль или скорѣе недоумѣніе: можетъ-ли быть, чтобы послѣ этого столь любимаго мною человѣка не осталось ничего болѣе, кромѣ этихъ подвергшихся уже тлѣнію останковъ? Научныя занятія и атмосфера окружающей меня среды заглушили, правда, эту мимолетную мысль, но зародышъ поворота къ лучшему сталъ все-таки цѣлиться отъ времени до времени въ глубинѣ моей души. Въ Краковѣ я сталъ уже читать святое Евангеліе, и меня стала поражать высоко нравственная сила изложеннаго въ немъ ученія; но божественной стороны этого ученія я еще въ немъ не усматривалъ: мой умъ еще не прозрѣлъ! Живя въ Монпелье, какъ я сказалъ выше, въ чуждой для меня средѣ, душѣ и стремленія которой мнѣ были несимпатичны, среди поляковъ, разбитыхъ на партіи и ненавидящихъ другъ друга, съ ихъ несбыточными мечтами и легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, на меня нашло уныніе и моею душою овладѣла какая-то неопредѣлимая тоска. Въ минуту такого тягостнаго настроенія я проходилъ какъ-то вечеромъ мимо костела и, услышавъ женское пѣніе, зашелъ туда. Совершалось вечернее богослуженіе. Пѣніе, довольно стройное и весьма трогательное, возбудило во мнѣ воспоминаніе чего-то знакомаго съ ранняго дѣтства и какъ будто роднаго, и навѣяло на меня какое-то раздумье, въ которое я погрузился до такой степени, что забылъ обо всемъ. Народъ уже вышелъ изъ церкви, стали тушить свѣчи, а я все продолжалъ стоять какъ-будто въ какомъ-то оцѣпенѣніи, опершись о колонну. Ко мнѣ подошелъ сторожъ и разбудилъ меня изъ моей задумчивости, сказавъ, что пора запереть церковь. Тогда я спросилъ его, нѣтъ ли въ церкви священника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился въ ризницу. Найдя тамъ священника, я попросилъ его выслушать мою исповѣдь. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ: до такой степени казалось ему страннымъ, что интеллигентный мужчина выразилъ желаніе исповѣдываться. Въ это время во Франціи только немногіе бывали у исповѣди и приобщались Святымъ Тайнамъ, предоставляя эту христіанскую обязанность только женщинамъ. Онъ попросилъ меня зайти

на слѣдующій день утромъ. Больше 16 лѣтъ не былъ я у св. исповѣди, да если и былъ предъ вѣнчаніемъ, то святотатственно и только для вида, потому что это требовалось по закону. Принявъ исповѣдь, священникъ, подвергая меня испытанію, долго не давалъ мнѣ разрѣшенія отъ грѣховъ, и только послѣ двѣнадцатаго, кажется, посѣщенія его онъ разрѣшилъ меня и я могъ причаститься Св. Тайнамъ.

Не скажу, чтобы этотъ случай сдѣлалъ меня уже вполне вѣрующимъ человѣкомъ. Не смотря на всю искренность моего обращенія, у меня не было еще той непоколебимой, твердой вѣры, не допускающей никакого сомнѣнія. Пока еще она у меня сливалась съ политикой, рисовалась въ моихъ мысляхъ какъ бы самымъ крѣпкимъ ея двигателемъ, однимъ изъ могучихъ средствъ для образованія и поднятія простаго народа. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ всѣ эти политическія партіи польской эмиграціи, съ ихъ несбыточными мечтами, казались мнѣ уже дѣтской игрушкой: я сталъ къ нимъ равнодушнымъ. Случилось, что въ это время заявилъ о себѣ еще другой сподвижникъ на томъ же религіозномъ поприщѣ. Нѣкто Янскій, человѣкъ честный и умный, поднялъ среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ знамя религіознаго движенія. Онъ не примкнулъ ни къ одной политической партіи, и, оставаясь со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, собралъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ разныхъ партій. Среди болѣе молодыхъ изъ числа своихъ приверженцевъ онъ подыскивалъ подходящихъ лицъ для образованія изъ нихъ эмиграціоннаго духовенства; съ этою цѣлью онъ выслалъ двухъ изъ нихъ въ Римъ для обученія богословію. Почти вся демократическая партія обрушилась съ ненавистью на это религіозное движеніе. Не многимъ лучше было отношеніе партіи князя Чарторыйскаго; не смотря на нѣкоторую предупредительность, она отнеслась къ нему съ недовѣріемъ. Я вошелъ въ сношенія съ Янскимъ и его товарищами. Съ тѣхъ поръ всѣ мои дѣйствія ознаменованы были религіознымъ характеромъ, а выказываемыя мною политическія убѣжденія носили уже христіанскую подкладку. Хотя всѣ проживающіе въ Монпелье эмигранты относились къ дѣламъ вѣры равнодушно, если не сказать, — съ пренебреженіемъ, но все таки мое выступленіе въ роли явнаго католика, смутившее сначала всѣхъ и даже поразившее, вслѣдствіе уваженія, которымъ я пользовался среди польскихъ выходцевъ, не навлекло на меня вражды съ ихъ стороны.

IX.

Французскій дипломъ на доктора медицины.—Поѣздка въ Парижъ. — Отъѣздъ въ деревню.—Рѣшеніе сдѣлаться священникомъ. — Поступленіе въ духовную академію въ Римѣ.—Конгрегація Змартвыхъстанцевъ.

Въ 1838 году я сдалъ всѣ экзамены на степень доктора медицины, и, защитивъ диссертацию, получилъ дипломъ, съ правомъ заниматься медицинскою практикою. Однако, всѣ мои помыслы были направлены на религіозные вопросы. Черезъ своихъ знакомыхъ я вылопоталъ себѣ разрѣшеніе отправиться въ Парижъ, куда я и уѣхалъ. По прибытіи туда, желая укрѣпиться въ вѣрѣ, я принялся за чтеніе богословскихъ сочиненій, главнымъ образомъ, догматическихъ и полемическихъ. Само собою разумѣется, что и кругъ моихъ знакомствъ значительно расширился: всѣ выдающіяся личности польской эмиграціи, а также нѣсколько представителей французскаго общества были въ числѣ моихъ знакомыхъ, какъ, напр., польскіе поэты Мицкевичъ и Богданъ Залесскій, глава польско-аристократической партіи князь Чарторыйскій и вождь французской католическо-клерикальной партіи графа Монталамберъ (Montalambert) и многіе другіе.

Хотя мои мысли получили совершенно иное направленіе я въ моемъ умѣ рисовался другой родъ дѣятельности, нежели тотъ, къ которому я приготовлялся своими научными занятіями, но все-таки я не могъ сидѣть безъ дѣла. Въ Парижѣ видовъ на медицинскую практику не было никакихъ, и поэтому я рѣшился, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поселиться въ деревнѣ, въ одномъ изъ департаментовъ средней Франціи. Тамъ я сблизился съ сельскимъ священникомъ и нашелъ въ немъ не только друга, но и весьма образованнаго человѣка. Въ его домѣ я столовался и былъ поэтому его ежедневнымъ собесѣдникомъ.

Расскажу при этомъ одинъ забавный случай, который имѣлъ весьма печальныя послѣдствія.

Однажды батюшка (кюре) отправился въ гости къ одному изъ своихъ сосѣдей. На обратномъ пути онъ нашелъ въ лѣсу множество красныхъ грибовъ и, думая, что они годятся въ пищу, чѣмъ бы могли воспользоваться бѣдные его прихожане, онъ набралъ изъ полную корзину. По возвращеніи домой, онъ велѣлъ своей сестрѣ, управлявшей домашнимъ хозяйствомъ, женщины уже немолодой и болѣзненной, приготовить изъ къ ужину. Когда я вечеромъ пришелъ къ нему, то онъ меня встрѣтилъ радостнымъ возгласомъ:

— Я набралъ въ лѣсу грибовъ; сдѣлаемъ опытъ, не годятся ли они въ пищу?

На мой вопросъ, не было ли на нихъ бородавокъ или пятенъ, онъ отвѣчалъ, что нѣчто въ этомъ родѣ было, но при томъ прибавилъ:

— У тебя, вѣдь, есть рвотное; стало быть, помочь себѣ можешь въ случаѣ надобности; когда же грибы окажутся хорошими, то подумай, сколько юльзы мы принесемъ бѣднымъ! Этими грибами лѣсъ почти усѣянъ.

Подали ужинъ; привлекательный запахъ грибовъ возбуждалъ аппетитъ и мы принялись за ѣду. Сестрѣ, страдавшей желудкомъ, кюрэ далъ только съѣсть одинъ небольшой грибъ, а мы скушали таки довольно, записавъ хорошимъ виномъ, а затѣмъ, выпивши по чашкѣ кофе, принялись играть въ шахматы. Сыгравъ двѣ партіи, я ушелъ на свою квартиру. Вдругъ я почувствовалъ себя дурно: охъаненіе было столь сильно, что я позабылъ о рвотномъ; едва успѣвши раздѣться, я бросился на кровать и уснулъ мертвецкиимъ сномъ. Разбудилъ меня сильный стукъ въ дверь; протеревъ глаза, я услышалъ голосъ священника:

— Живъ ли ты?

Я отвѣчалъ: «кажется, живъ», и отворилъ дверь. Солнце стояло уже высоко. Кюрэ разсказалъ мнѣ, что скоро послѣ моего ухода его сестра почувствовала себя дурно, явилась рвота и она пришла въ себя. Вскорѣ послѣ этого и онъ почувствовалъ себя дурно и, вложивши палецъ въ ротъ, вызвалъ рвоту, послѣ чего дурнота прошла.

— Но что съ тобой было? продолжалъ спрашивать батюшка.

— Какъ видишь, я спалъ великолѣпно!

— Ну, сказалъ онъ, нечего и говорить—сѣверный медвѣдь!

Грибы оказались просто мухоморами.

Селеніе, въ которомъ я проживалъ, было, правда, не богатое, но все-таки я зарабатывалъ своею практикою столько, что я могъ имѣть скромное, но вполне достаточное для одинокаго человѣка содержаніе. Однако, скорѣ этотъ утомительный, при томъ весьма однообразный, родъ жизни мнѣ сталъ надоедать. Жизнь въ глуши, при томъ на чужбинѣ, стала терять для меня всякій смыслъ. Моя душа жаждала другой дѣятельности, нѣкую связь съ интересами родины, болѣе замѣтной и плодотворной по своимъ результатамъ. Кромѣ того, принималось еще мое тщеславіе, отъ котораго я не могъ избавиться и въ болѣе поздніе періоды своей жизни. Тутъ была и частичка честолюбія, которое страннымъ образомъ мирилось во мнѣ съ религіознымъ направленіемъ моей души. Не безъ вліянія оказались и совѣты друзей. Всѣ эти обстоятельства влекли меня къ принятію духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что мнѣ казалось, что я скорѣ буду въ состояніи быть полезнымъ обществу, соединивши съ призваніемъ врача обязанности священника. Вслѣдствіе этого, я отправился въ Парижъ и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ цѣлью приготовиться къ предстоявшей мнѣ дѣятельности, въ 1839 году уѣхалъ

въ Римъ для поступленія въ духовную академію (коллегію), съ цѣлью изученія богословскихъ наукъ.

Въ Римѣ я нашелъ нѣсколько поляковъ, жившихъ тамъ для той же цѣли и учившихся богословію въ римской Kollegii, а именно Семененка, Кайсовича, Дунскаго и Казановскаго. Въ этой Kollegii всѣ профессора были іезуиты и между ними извѣстный богословъ Перона. Средства къ содержанію доставлялись богачами изъ числа польской эмиграціи и заѣзжими путешественниками. Съ самаго начала нашего совмѣстнаго обученія въ академіи мы устроили между собою общеніе съ монастырскими порядками. Когда же Семененко и Кайсовичъ были уже рукоположены въ священники, то мы занялись мыслію составить новую конгрегацію, нѣчто въ родѣ монашескаго ордена. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній мы занялись редакціей устава, написали его въ окончательной формѣ и приняли названіе для вновь создаемаго ордена «Змартвыхвстанцы». Къ тому времени прибылъ въ Римъ Янскій, но уже съ зачатками грудной болѣзни, сведшей его вскорѣ въ могилу. Настоятелемъ вновь образовавшейся конгрегаціи былъ избранъ Семененко.

Уже въ это время какое-то внутреннее, неопредѣленное чувство меня влекло къ восточному обряду. Быть можетъ, это было послѣдствіемъ воспоминаній ранняго дѣтства, когда я часто ходилъ въ деревенскую церковь, не сознавая особенной разницы между обрядностью римско-католической и греко-православной и привязавшись къ послѣдней, какъ къ незабвенному забытку дорогой родины; быть можетъ, въ этомъ сказывалась привязанность къ простому народу въ южно-русскомъ краѣ, который былъ сплошь православнаго вѣроисповѣданія; наконецъ, не безъ вліянія были и мечтанія проявить на этой почвѣ свою дѣятельность. Все это послужило мотивомъ для сдѣланнаго мною предложенія образовать въ конгрегаціи змартвыхвстанцевъ два отдѣленія: латинское и греко-уніатское; однако, мое предложеніе не было принято.

Х.

Посвященіе въ священники.—Приобрѣтеніе ученой степени доктора богословія.—Отъѣздъ въ Вѣну.—Прибытіе въ Парижъ.—Священническое служеніе.—Хлопоты по устройству пріюта.—Кончина Наполеоноваго генерала Малаховскаго.

Въ 1842 году я окончилъ курсъ духовной академіи и былъ рукоположенъ въ священники; въ слѣдующемъ же году я достигъ ученой степени доктора богословія. Въ томъ же году съ графиней Ледоховской, матерью извѣстнаго архіепископа Познанскаго, а послѣ кардинала, привезшего въ Римъ своего сына для опредѣленія его въ духовную академію, я отправился въ Вѣну. Цѣлью моего путешествія было посѣтить Краковъ и взять съ собою

воспитывался тамъ моего сына. Въ Вѣнѣ я помѣстился въ домѣ княгини Виртембергской, родной сестры князя Адама Чарторыйскаго, гдѣ я прожилъ три недѣли. Въ то время въ Австріи господствовали большія полицейскія стѣсненія: безъ спеціальнаго разрѣшенія полиціи нельзя было отправиться въ Краковъ. На мое прошеніе министръ полиціи сообщилъ мнѣ, что онъ не можетъ ни подъ какими предлогами разрѣшить мнѣ эту поѣздку, и что я долженъ немедленно оставить Австрію. Не понятно, чѣмъ руководствовались австрійскія власти, не давая мнѣ позволенія навѣстить роднаго сына. Я даже былъ стѣсненъ въ исполненіи священническихъ обязанностей. Итакъ, я, нѣтя разрѣшеніе отъ вѣнскаго архіепископа служить обѣдню, не могъ имъ воспользоваться: чрезъ двѣ недѣли оно было взято назадъ. Только папскій нунцій князь Альтиери позволялъ мнѣ служить обѣдню въ своей домашней церкви. Въ концѣ концовъ, приходилось покидать Австрію, чтобы отправиться снова во Францію, а между тѣмъ у меня совершенно не было средствъ. О состояніи моихъ финансовъ зналъ только домашній священникъ княгини Виртембергской, монахъ ордена маріанитовъ, Дзевульскій. Желая помочь горю, онъ собралъ среди знакомыхъ ему поляковъ нѣсколько сотъ австрійскихъ гульденовъ. Это дало мнѣ возможность отправиться въ дальній путь. По дорогѣ я остановился на одну недѣлю въ Мюнхенѣ. Здѣсь я свелъ знакомство съ двумя выдающимися дѣятелями клерикальной партіи въ Германіи съ Гэрресомъ (Görres) и Дэллингеромъ (Döllinger), основателемъ нѣмецко-католической партіи и другими. Чрезъ Швейцарію, Базель и Страсбургъ я благополучно прибылъ въ Парижъ.

Члены конгрегации смартыхъ встанцевъ, жившіе въ Парижѣ, находились въ вѣдѣніи парижской епархіи. Имъ разрѣшалось епархіальнымъ начальствомъ служить для польской эмиграціи обѣдню и проповѣдывать по праздникамъ и воскресеньямъ въ костелѣ св. Роха, въ назначенные для этого дни. Эмигранты, по преимуществу изъ партіи Чарторыйскаго, довольно въ большомъ числѣ посѣщали эти богослуженія. Особеннымъ краснорѣчіемъ въ своихъ проповѣдяхъ отличался Кайсевичъ. И мнѣ приходилось служить въ этой церкви отъ времени до времени. Однако, меня влекло къ болѣе дѣятельной жизни. Поэтому я, съ согласія своихъ товарищей, предпринималъ лѣтомъ 1844 и 1845 годовъ миссіонерское путешествіе по разнымъ городамъ Франціи, чтобы проповѣдывать и будить религиозное чувство среди поляковъ, разбросанныхъ по всему пространству пріютившаго ихъ края. Результаты были утѣшительныя. Въ каждомъ изъ посѣщаемыхъ мною городовъ послѣ нѣсколькихъ проповѣдей являлись къ исповѣди, а затѣмъ и пріобщались святымъ тайнамъ болѣе или менѣе значительная группа вѣрующихъ, доходившая иногда до нѣсколькихъ десятковъ. Зимой же я раздѣлялъ, какъ сказано было выше, труды товарищей, совершая богослуженіе и проповѣдуя по воскресеньямъ и праздникамъ въ самомъ Парижѣ. Кругъ моихъ знакомствъ, какъ среди эмиграціи, такъ и французскаго

общества, само собою разумеется, значительно расширился. Благотворительное общество польских дамъ, подъ предсѣдательствомъ княгини Чарторыйской, пригласило меня въ число своихъ членовъ; какъ кажется, мои связи съ богѣе бѣдной частью польской эмиграціи были мотивомъ моего избранія. Какъ членъ благотворительнаго общества, я сталъ собирать среди эмиграціи посильную лепту на устройство пріюта для вышедшихъ уже изъ больницы, но съ неокрѣпшимъ еще здоровьемъ и временно, до полного выздоровленія, не могущихъ заняться какимиъ нибудь трудомъ. По положенію, реконвалесценты должны были заниматься какимиъ нибудь легкимъ рукодѣліемъ. Мои хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: пріютъ былъ открытъ и сталъ дѣйствовать не безъ пользы для страждущаго человечества.

Случилось мнѣ какъ-то быть у генерала Малаховскаго, жившаго въ окрестностяхъ Парижа въ какомъ-то мѣстечкѣ, названіе котораго теперь не припомню, какъ разъ въ день его ангела. Это былъ старикъ, 84 лѣтъ, дослужившійся въ арміи Наполеона отъ простаго солдата до ранга генерала и бывшій подъ конецъ мятежа 1830—31 г. главнокомандующимъ польскихъ войскъ. Я не былъ съ нимъ ближе знакомъ, но какая-то внутренняя симпатія влекла насъ другъ къ другу. Генералъ страдалъ старческой чахоткой и все предвѣщало его близкій конецъ. Возвращаясь послѣ его посѣщенія въ Парижъ, я просилъ одного изъ проживающихъ тамъ поляковъ дать мнѣ знать, если болѣзнь приметъ неблагоприятный оборотъ. Спустя нѣсколько недѣль я получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни генерала и сейчасъ поспѣшилъ взять мѣсто въ diligencъ; желѣзной дороги еще не было. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ. Пріѣхавши въ мѣстечко въ 10 часовъ вечера, я, прежде чѣмъ направиться въ домъ генерала, зашелъ въ сосѣднюю лавочку и оттуда послалъ предупредить генеральшу о своемъ пріѣздѣ. На это чрезъ бывшаго адъютанта Малаховскаго она попросила меня отложить посѣщеніе до утра слѣдующаго дня, такъ какъ старикъ слишкомъ слабъ и она боится, чтобы мое позднее посѣщеніе не отразилось гибельно на его здоровьи. Не вѣсивъ весь день, я отправился къ одному знакомому, чтобы сѣсть чего либо, и лишь только я успѣлъ откушать стаканъ чая, какъ явился отъ генерала посланецъ съ приглашеніемъ явиться къ нему. Вотъ что случилось. Послѣ моего пріѣзда больной сказалъ своей женѣ, чтобы она напомнила ему утромъ слѣдующаго дня о какомъ-то важномъ дѣлѣ, о которомъ онъ ей хочетъ сообщить. «За-чѣмъ откладывать? Сообщи сейчасъ же!» отвѣчала жена. Сначала старикъ упрямился, но спустя нѣсколько минутъ сказалъ, что чувствуетъ себя весьма слабымъ и что поэтому слѣдуетъ исполнить предсмертную обязанность. «Когда только проснешься», добавилъ старикъ, то напиши о Терлецкому (именно я пришелъ на мысль умирающему), чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе! «Онъ здѣсь; онъ только что пріѣхалъ», было отвѣтомъ жены. Послала сейчасъ за мною. Когда я вошелъ, то умирающій обратился ко мнѣ сейчасъ

съ вопросомъ, будетъ ли онъ имѣть время приготовиться достойнымъ образомъ къ смерти? Я его успокоилъ и выслушалъ его исповѣдь, къ которой онъ былъ хорошо приготовленъ. Вслѣдъ затѣмъ я поѣхалъ къ приходскому священнику, чтобы онъ явился къ умирающему съ святыми тайнами, по принятіи которыхъ я самъ совершалъ елеосвященіе. На слѣдующій день, въ полдень, генералъ Малаговскій тихо скончался.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. А. Лапатинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

БЫВШАГО ГРЕКО-УНИАТСКАГО МИССИОНЕРА,

1808—1868.

XII ¹⁾.

Товянскій и его секта.—Игуменья Макрина.

Въ срединѣ 1840-хъ годовъ появился въ Парижѣ пріѣхавшій изъ Литвы Товянскій. Онъ былъ мистикъ, имѣлъ много послѣдователей высказываемыхъ имъ религіозныхъ взглядовъ и, такимъ образомъ, сталъ во главѣ основанной имъ секты, отъ него же получившей свое названіе. Про этого Товянскаго рассказывали, что онъ еще на своей родинѣ былъ преданъ мистицизму, занимался магнитизмомъ, иногда ночи проводилъ на кладбищахъ и т. д. По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ прежде всего явился къ польскому поэту Адаму Мицкевичу, котораго тогда постигло большое несчастье: жена его помѣшалась. Товянскій пожелалъ ее видѣть, и вмѣстѣ съ Мицкевичемъ отправился въ домъ для душевно-больныхъ, гдѣ она была помѣщена. Съ полчаса поговорилъ съ ней наединѣ Товянскій и она совершенно выздоровѣла. Вслѣдствіе этого, Мицкевичъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ Товянскаго, сталъ его ревностнымъ ученикомъ и привлекъ къ основанной имъ религіозной сектѣ многихъ польскихъ выходцевъ, между прочими поэтовъ Горецкаго, который, впрочемъ, вскорѣ отсталъ, Гошинскаго, полковника Рожницкаго и много другихъ. Сектанты принимали все ученіе христіанское, не отвергали таинствъ, исповѣдывались и причащались, но полагали главную суть религіи въ восторженномъ настроеніи человѣческаго духа, въ силѣ внутренняго воодушевленія, и потому они раздѣлялись на духовъ высшихъ и низшихъ. Всѣ же

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXIII, іюль, стр. 1—26.

догматическія различія христіанскихъ вѣроисповѣданій они считали маловажными, хотя выше другихъ ставили католичество; жидовъ они признавали высшими духами и принимали ученіе о переселеніи душъ. Къ сектѣ приникнулъ, между прочимъ, упомянутый выше священникъ о. Дунскій, оставившій орденъ Змартвыхстанцевъ, очень хорошій, впрочемъ, человекъ, и нѣсколько французовъ. Нѣкоторое время эта секта крѣпко держалась и имѣла свою долю вліянія не только на нравственный складъ польской эмиграціи, но и на литературное направленіе; но послѣ изгнанія изъ Парижа Товянскаго и его переселенія въ Швейцарію рвеніе сектантовъ стало холодѣть, а затѣмъ и совсѣмъ остыло, когда Мицкевичъ отступился отъ этого ученія. Наконецъ, перестали и говорить о сектѣ. Разрывъ Мицкевича съ Товянскимъ произошелъ по слѣдующему случаю. Впрочемъ, за вѣрность разсказа не ручаюсь; самъ Мицкевичъ мнѣ объ этомъ не рассказывалъ; я только *relata refero*: 1847 или 1848 года Мицкевичъ отправился въ Швейцарію къ Товянскому, который не только предсказалъ ему близкую его смерть, но и назначилъ день и даже часъ. Мицкевичъ сталъ готовиться къ смерти, исповѣдывался и причастился; въ опредѣленный день и часъ облекся въ одежду, въ которой желалъ быть похороненнымъ, и легъ въ кровать, дожидаясь смертнаго часа. Назначенный часъ ударилъ, а, между тѣмъ, смерть не приходитъ; проходитъ четверть и другая, и, наконецъ, цѣлый часъ, а смерти нѣтъ, какъ нѣтъ..... Раздосадованный Мицкевичъ всталъ и, обличивъ Товянскаго во лжи, оставилъ его и отправился въ Римъ.

Въ 1845 или 1846 году появилась въ Парижѣ монахиня Макрина Мечиславская, выдававшая себя за игуменью униатскаго мннскаго женскаго монастыря. Она рассказывала о немнѣрныхъ будто-бы гоненіяхъ униатовъ и о насильственномъ изъ обращеніи въ православіе; въ частности же она передавала о мученіяхъ, которымъ будто бы подвергались монахини ея обители. Мало образованная, не знавшая никакого другаго языка, кромѣ польскаго, не умѣвшая даже читать церковныхъ книгъ, напечатанныхъ кириллицей, что кажется немнѣрнымъ въ униатской игуменѣ, своимъ простодушіемъ и врожденной ей ловкостью въ обращеніи съ людьми она сдѣлалась весьма многими сбита съ толку такъ, что даже самое невѣроятное въ ея разсказахъ принималось большинствомъ за неоспоримую истину. Была ли она избрана и подготовлена къ тому, чтобы разыграть впослѣдствіи роль мученицы, и кто ее предназначилъ для этой роли, быть можетъ, раскроетъ болѣе или менѣе отдаленное будущее; но во всякомъ случаѣ, она сдѣлалась въ рукахъ поляковъ сильнымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію противъ Россіи враждебныхъ чувствъ на западѣ и распространенію въ обществѣ превратныхъ сужденій о мѣропріятіяхъ русскаго правительства противъ польско-католической агитаціи. Неисчерпаемой темой ея разсказовъ послужили испытанныя ею будто бы гоненія. Она рассказывала, наприимѣръ, какъ ее и

другихъ монахинь истязали и били, завязали въ шѣшокъ и, завезши на средину озера, погружали съ головой въ воду, требуя отреченія отъ уни; сверхъ того, она передавала о многихъ другихъ нечестностяхъ въ этомъ родѣ. Избраннымъ же лицамъ, и то подъ секретомъ, она сообщала о доставшихся на ея долю откровеніяхъ и даже о томъ, что она сподобилась видѣть Іисуса Христа во время гоненій. Чудеснымъ образомъ она, будто бы, бѣжала изъ темницы съ двумя монахинями въ Познанскую провинцію, а оттуда разными путями въ Парижъ. Куда же дѣвались спутницы Макрины? Этихъ вопросовъ заинтересовались даже въ Римѣ. Папа повелѣлъ вѣнскому нунцію провѣстивъ самые тщательные розыски, но изъ нельзя было нигдѣ розыскать; вѣроятно же всего, ихъ и не было! Макриною, какъ въ высшей степени подходящимъ религиозно-агитаціоннымъ средствомъ, воспользоваться одинъ изъ умартывивстанцевъ, — есеидъ Яловицкій, стоявшій ближе всѣхъ къ партіи Чарторыйскаго. Онъ навязался ей въ духовники, и послѣ провожалъ ее въ Римъ для представленія вновь избранному папѣ Пію IX. По пути въ большіе города, какъ въ Лионѣ, Авиньонѣ, Марсальи и др., онъ задерживался и въ костелахъ держалъ проповѣди. Въ яркихъ краскахъ онъ рассказывалъ о претерѣваемыхъ католиками въ Россіи гоненіяхъ и указывалъ на святость присутствующей мученицы, не понимавшей, впрочемъ, ни слова изъ расточаемыхъ ей похвалъ. Толпы слушателей наполняли церкви. Посыпались обильныя подаянія въ пользу несчастной страдальцы. Газеты подхватили благодарную для публицистики тему, подняли страшный гвалтъ и трезвонили по всей Франціи и чуть ли не по всему свѣту о варварствѣ Россіи и о свирѣпыхъ гоненіяхъ современныхъ Нероновъ и Діоклетіановъ.

Служъ о Макринѣ и Яловицкомъ опередилъ ихъ въ Римѣ. Непогрѣшимый папа принималъ подъ свое покровительство страдальцу и похѣстилъ ее въ римскомъ французскомъ монастырѣ *Sacre Coeur* на холмѣ св. Троицы (*monte trinita*). Яловицкій остался въ Римѣ и сдѣлался постояннымъ духовникомъ Макрины. Вдругъ пошли слухи о чудесахъ и слава о нихъ распространилась широко, въ особенности между поляками. Люди стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы ея молитвами получить облегченіе въ своихъ недугахъ или испросить какихъ нибудь вещественныхъ благъ. Тогда папа назначилъ трехъ священниковъ: Яловицкаго, іезуита Рыло и одного священника въ славянъ, воспитанника конгрегаціи *de propaganda fide*. Они допросили Макрину, записали ея показанія о чудовищныхъ гоненіяхъ и отпечатали на разныхъ европейскихъ языкахъ. Папское правительство позаботилось о распространеніи тысячей экземпляровъ этой брошюры. Въ отвѣтъ на это появлялись въ нѣкоторыхъ газетахъ опроверженія со стороны русскаго правительства; выяснилось впоследствии, что въ Минскѣ не существовало даже униатскаго женскаго монастыря. Однако, западный міръ желалъ быть обманутымъ, и обманъ довольно прозрачный и бьющій даже въ глаза, восторжествовалъ. *Mundus*

vult decipi, ergo decipiat! Такиѣ образомъ, нелѣпая басня нашла вѣру въ западной Европѣ, столь легко вооружающейся противъ православной Россіи.

Авторитетъ Макрины былъ уже внѣ всякаго сомнѣнія. Между прочимъ, и Мицкевичъ увлекся ею настолько, что когда въ 1848 г. онъ рѣшился примириться съ церковью, то просилъ Макрину избрать ему духовника. Она указала на Яловицкаго. Хотя Мицкевичъ былъ личнымъ врагомъ Яловицкаго, вслѣдствіе нанесеннаго ему имъ публично въ какомъ-то польскомъ кружкѣ оскорбленія, но рекомендація Макрины подѣйствовала: Яловицкій сдѣлался духовникомъ Мицкевича. Наконецъ, Макрина добилась немовѣрной чести: самъ непогрѣшимый папа удостоилъ ее своего посѣщенія!

Макрина отнеслась весьма холодно къ находившимся въ Римѣ уніатскимъ іеромонахамъ, бѣжавшимъ изъ Холмской епархіи, о. о. Домбровскому и Краевскому, да и они выказывали недовѣріе къ мнимой уніаткѣ и къ испытаннымъ ею страданіямъ. Это недовѣріе подтверждалось также и тѣмъ, что она придерживалась латинскаго обряда, присутствуя въ костелѣ на всѣхъ богослуженіяхъ и причащаясь подъ однимъ видомъ. Только предо мною она жаловалась на Яловицкаго за деспотическое съ ней обращеніе; она ставила ему въ вину то, что онъ приневоливалъ ее къ латинскому обряду, наконецъ она увѣряла меня, что съ моимъ поселеніемъ въ Римѣ она окончательно возвратится на лоно уніатской церкви. Между прочимъ, она мечтала основать въ Римѣ греко-уніатскій женскій монастырь. Послушницъ она пріискала быстро: заявило желаніе поступить въ монастырь нѣсколько дѣвушекъ изъ простаго званія, а именно горничныхъ живущихъ въ Римѣ польскихъ аристократовъ, которые всѣ были безъ ума отъ Макрины. Ея мечта была уже близка къ осуществленію, тѣмъ болѣе, что нашлось помѣщеніе въ небольшомъ женскомъ монастырѣ, куда переселилась Макрина съ своими новобранками. Однако, въ непродолжительномъ времени возникли какія-то несогласія между Макриной и Яловицкимъ. По крайней мѣрѣ, я, во время моего путешествія на востокъ, получалъ въ Адрианополѣ письмо отъ Макрины, умоляющее меня возвратиться непременно въ Римъ, чтобы ее вырвать изъ желѣзныхъ когтей Яловицкаго. Тогда мнѣ не до того было, да и слава Богу, потому что вскорѣ я получалъ другое ея письмо съ извѣщеніемъ, что ея колебанія прекратились; она окончательно перешла въ католичество.

Лишь только Яловицкій пересталъ руководить дѣйствіями Макрины, то прекратились и всѣ толки о чудесахъ Макрины. Вскорѣ она оказалась даже неспособной управлять общиной. Оказалось необходимымъ назначить для заведыванія небольшой общиной какую-то латинскую монахиню, оставивъ Макрину только номинальной настоятельница, такъ сказать, выѣской, необходимой для отведенія глазъ. Какъ-то въ 1850-хъ уже годахъ, пріѣхавши изъ Парижа, я навѣстилъ еще разъ Макрину. Затѣмъ я ее потерялъ изъ вида, и дальнѣйшая судьба всей латино-польской комедіи съ ней мнѣ не извѣстна.

XIII.

Новыя вѣянія въ западной церкви съ вступленіемъ на папскій престолъ Пія IX.—Проектъ воссоединенія церквей.—Аудіенція у папы.

Въ 1846 году занялъ папскій престолъ Пій IX. Съ самаго начала своего управленія западной церковью, нововзбранный папа, задумавъ помирить католичество съ распространившимися въ западной Европѣ либеральными принципами, высказалъ нагѣренное управлять церковью и папской областью въ духѣ правды, справедливости и политической свободы. Повѣяло какъ бы новымъ духомъ: зашевелились новыя идеи, стали высказываться и пробиваться наружу зародившіяся раньше мечты. Не удивительно, что при измѣнившихся обстоятельствахъ и мнѣ показалось возможнымъ привести въ исполненіе давно занимавшую меня и наполнявшую мою душу мысль о соединеніи церквей. Дѣло это великое, превышающее силы одного человѣка, требующее для своего выполненія дружной работы цѣлыхъ поколѣній и выходящее за предѣлы, быть можетъ, цѣлыхъ столѣтій, казалось мнѣ въ это время не настолько труднымъ и вполне осуществимымъ. Но вѣрна ли была моя точка зрѣнія на задачи соединенія церквей? Обученный въ одностороннемъ латинскомъ богословіи, въ которомъ все истолковывалось въ пользу папства, все же противорѣчащее ему и несогласное съ нимъ или замалчивалось, или подгонялось съ іезуитской ловкостью къ ученію о главенствѣ римскаго понтификата, не чуждый отчасти римской гордости и относящійся, поэтому, съ недоверіемъ и даже съ презрѣніемъ ко всему православному,—я смотрѣлъ на соединеніе церквей не какъ на союзъ равноправныхъ восточныхъ церквей съ западною, но какъ на присоединеніе или скорѣе подчиненіе послѣднихъ первой. Я не допускалъ даже возможности, чтобы схизматики, какъ я ихъ тогда величалъ, были въ состояніи представить какія нибудь вѣскія доказательства въ защиту своей обособленности, а тѣмъ болѣе самостоятельности. Усвоенная мною точка зрѣнія была чисто римская; я расходился только съ господствующими въ римской церкви взглядами на ея отношенія къ восточнымъ церквамъ, и, не одобряя практикуемыхъ при сношеніяхъ съ ними пріемовъ, добивался полной для нихъ внутренней автономіи съ сохраненіемъ обрядности и выработанныхъ временемъ особенностей. Оставалось только предать роившимся въ моей головѣ мыслямъ письменное выраженіе и облечь ихъ въ форму проекта. Съ этою цѣлью я заперся на 15 дней въ монастырѣ Лазаристовъ и, поработавъ усердно надъ письменнымъ изложеніемъ задуманнаго мною плана, рѣшился отправиться въ Римъ, чтобы представить его святѣйшеству готовый уже проектъ соединенія церквей.

Около половины декабря я отправился въ путь, и къ празднику Рождества Христова уже былъ въ Римѣ. Послѣ святаго Богоявленія я просилъ аудіенціи, которая и была мнѣ предоставлена въ 8 часовъ вечера.

Въ это время въ Римѣ все кипѣло: народъ, обуреваемый политическими страстями, волновался все болѣе и болѣе, а борьба партій стала принимать чудовищные размѣры. Уступки, сдѣланныя напою въ пользу политической свободы, разнуздали всѣ элементы, бывшіе до сихъ поръ подъ спудомъ. Прикрываясь именемъ папы и устраивая въ его честь разнаго рода манифестаціи, агитаторы добивались еще болѣе уступокъ съ цѣлью низверженія существующаго порядка. Тѣмныя личности, ставшія во главѣ движенія, знали отлично слабость характера папы и, поэтому, было основаніе опасаться, что ихъ проски не встрѣтятъ надлежащаго отпора и дѣйствительно, въ 1848 году, дѣла стали принимать даже угрожающій характеръ,—но всего этого я не намѣренъ касаться.

Не удивительно, что среди этихъ тревоженій его святѣйшество было обремененъ множествомъ чисто правительственныхъ заботъ: слышались съ разныхъ сторонъ проекты и представленія. Въ назначенный для аудіенціи вечеръ мнѣ пришлось таки порядкомъ дожидаться. Когда же меня позвали, въ 10 часовъ вечера въ кабинетъ папы, то я засталъ только нѣсколько чиновниковъ съ связками бумагъ подъ мышкой. Представъ предъ его святѣйшествомъ, я началъ излагать на словахъ всю суть моего дѣла. Прежде всего я указалъ на грустные послѣдствія разьединенія церквей, а затѣмъ упомянулъ о томъ, что съ ихъ воссоединеніемъ нанесенъ былъ бы рѣшительный ударъ разнымъ ересямъ; дѣло распространенія христіанской вѣры по всей вселенной было бы двинуто впередъ свѣжими силами; что западная и восточная церкви по главнымъ раздѣляющимъ ихъ вопросамъ, а именно о происхожденіи Духа Святаго и о главенствѣ папы не слишкомъ отстоятъ другъ отъ друга; о желаніи соединенія обѣихъ церквей сомнѣваться нельзя, тѣмъ болѣе, что греческая церковь ежедневно молится о соединеніи церквей; наконецъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что господствующее въ настоящее время на западѣ движеніе умовъ весьма благопріятствуетъ поднятію этого вопроса, и что, быть можетъ, Господь Богъ предназначаялъ его святѣйшеству довести до благополучнаго окончанія это богоугодное дѣло, успѣшно довершить то, чего не удалось сдѣлать на флорентійскомъ соборѣ, тѣмъ болѣе, что воля божественнаго Основателя нашей церкви есть: дабы было едино стадо и одинъ пастырь и дабы всѣ были, яко Отецъ и Сынъ едино суть...

Я хотѣлъ еще дальше продолжать свою рѣчь, и сказать кое-что о средствахъ къ осуществленію этого дѣла, когда папа перебилъ меня словами:

— «Дѣло это весьма важно: вдрутъ разобрать его, а тѣмъ болѣе рѣшить не возможно, время уже позднее, а меня еще ждутъ другіе. Если вашъ проектъ изложенъ на бумагѣ, то подайте мнѣ его!»

«Святѣйшій отецъ», рѣшился я сказать, «дѣйствительно, этотъ проектъ у меня изложенъ на бумагѣ; но я боюсь, что при множествѣ занятій вашего святѣйшества онъ будетъ какъ нибудь заброшенъ и не будетъ удостоенъ въ послѣдствіи вашего вниманія»

— «Не безпокойся; дай его сюда, я буду о немъ помнить!»

Я передалъ бумагу, и такимъ образомъ окончилось мое первое представленіе папѣ:

Главные пункты моего проекта были слѣдующіе:

1) подъ главенствомъ папы римскаго восточныя церкви должны сохранять ненарушимость своихъ обрядовъ; обряды латинской церкви не должны пользоваться никакими преимуществами предъ обрядами восточными, имъ должно быть оказываемо со стороны западной церкви всевозможное почитаніе;

2) въ коллегіи кардиналовъ должны быть члены восточныхъ церквей, преимущественно же представители греко-славянскаго обряда;

3) всѣ латинскія миссіи между восточными христіанами должны быть упразднены и заѣняты миссіями изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ народностямъ востока; почему необходимо въ Римѣ основать восточную мисіонерскую семинарію съ неуклоннымъ въ ней сохраненіемъ правилъ и каноновъ восточныхъ церквей;

4) главное вниманіе должно быть обращено на славянъ, пользующихся на востокѣ преобладающимъ вліяніемъ, и съ этою цѣлю долженъ быть созданъ русско-славянскій патріархатъ на правахъ другихъ патріаршихъ престоловъ;

5) всѣ нововведенія, сдѣланныя подъ вліяніемъ латинянъ по образцу римскаго обряда въ восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквахъ, должны быть устранены, и такимъ образомъ возстановлена первоначальная чистота восточнаго обряда;

6) должно быть разрѣшено всѣмъ, предки которыхъ перешли въ латинство, возвратиться безъ всякихъ затрудненій на лоно пражней своей церкви;

7) должно поднять блескъ и обаяніе восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей дарованіемъ имъ духовенству всѣхъ преимуществъ и привилегій, какими пользуется духовенство латинское, и распространеніемъ среди духовенства на Востокѣ большаго просвѣщенія; почему слѣдуетъ основать въ Римѣ отдѣльную для восточныхъ языковъ типографію;

8) въ виду того, что безъ благодати Божіей нельзя рассчитывать на успѣхъ, слѣдовало бы завести братства, имѣющія цѣлю молиться о соединеніи церквей, и призвать всѣхъ католиковъ къ участию въ оныхъ;

9) наконецъ, для болѣе успѣшнаго веденія этого дѣла я просилъ для себя позволенія возвратиться къ обряду моихъ предковъ,—т. е. къ греко-славянскому.

Само собою разумѣется, что я принялся за это столь непосильное для

одного человека дѣло съ безъотчетнымъ увлеченіемъ; возможность неудачи представлялась мнѣ неправдоподобной. Я твердо надѣялся на согласіе римской церкви или, по крайней мѣрѣ, самого папы на мои предложенія. Тѣмъ не менѣе, уже и тогда бросались мнѣ въ глаза и даже поражали меня нѣкоторыя явленія въ римской церкви, не вполне согласныя съ духомъ христіанства. Но объ этомъ теперь не время говорить.

XIV.

Княгиня Зинаида Волконская.—Епископъ Люке.—Учрежденіе Восточнаго общества.

Въ это время жила въ Римѣ княгиня Зинаида Волконская, нѣкогда великосвѣтская дама, красавица, въ гостиницѣ которой рѣшались судьбы Европы. На старости лѣтъ она перешла въ католичество и, поселившись въ Римѣ, вся предалась благочестію. Въ высокое общественное положеніе, набожность и добродѣтели снискали ей уваженіе папскаго двора. Вела она жизнь скромную, но не замкнутую; у нея въ домѣ собирались всѣ лица, отличающіяся своимъ благочестіемъ или какою-нибудь выдающеюся дѣятельностью на пользу церкви, и всѣ миссіонеры. Не смотря на свой переходъ въ латинство, она сохранила въ своемъ сердцѣ любовь къ прежнему своему обряду и своей народности. Понятно, что она не дала себя опутать сѣтями іезуитства. Однажды она сказала папѣ, котораго она обожала, что она готова возвратиться къ греко-славянскому обряду, если это принесетъ церкви какую нибудь пользу. Я былъ съ ней знакомъ и прежде, но теперь, узнавъ о моихъ предположеніяхъ, она приняла меня съ еще большимъ радушіемъ, чѣмъ обыкновенно. Немедля она посѣтила меня познакомить съ епископомъ Люке (Luquet). французомъ, занимавшимся точно также вопросомъ о соединеніи церквей. Люке прибылъ въ Римъ изъ Индіи, гдѣ онъ состоялъ миссіонеромъ, индійскій климатъ оказался вреднымъ для его здоровья и поэтому онъ переехалъ въ Римъ въ качествѣ прокуратора миссіи. Будучи еще въ Индіи простымъ миссіонеромъ, онъ подалъ папѣ Григорію XVI записку, въ которой доказывалъ необходимость завести вездѣ народное духовенство, за что и былъ возведенъ въ санъ епископа. Новому папѣ онъ, подобно мнѣ, намѣревался изложить свои планы на счетъ занимавшей его идеи соединенія церквей.

Итакъ, мы познакомились въ домѣ княгини Волконской. Скоро мы сошлись, такъ какъ мы оба стремились къ одной цѣли почти что одинаковыми средствами. Поэтому мы рѣшили дѣйствовать сообща. Прежде всего мы условились основать общество подъ именемъ Восточнаго, члены котораго своими ежегодными взносами и молитвами содѣйствовали бы преданіямъ

ченной цѣли. Дѣятельность общества должна была исходить, направляться, сосредоточиваться въ комитетѣ, составленномъ на половину изъ членовъ латинскаго обряда и на половину изъ членовъ восточныхъ церквей подъ председательствомъ кардинала-префекта могущественной пропаганды (*congregatio de propaganda fide*). Последняя уступка была сдѣлана съ цѣлью предотвращения возможнаго противодѣйствія со стороны этого учрежденія.

Комитетъ составилъ. Между прочими въ его составъ вошли прелаты: Корболи, секретарь конгрегации по особымъ дѣламъ, самый приближенный къ папѣ; Граціози, духовникъ папы; ученый французскій священникъ, впоследствии епископъ Жербё (*Gerbet*); Феррари, помощникъ секретаря вышеупомянутой конгрегации; священникъ Тайнеръ; князь Шампани дэ Кадоръ (*Champagnie de Cador*), пэръ Франціи, и другіе. Кромѣ того, вошли въ составъ комитета находившіеся въ Римѣ епископы и священники восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей. Предсѣдателемъ былъ, какъ сказано выше, префектъ пропаганды Франсони; канцлеромъ епископъ Люке, а секретаремъ по восточнымъ дѣламъ выбрали меня, получившаго уже дозволеніе папы на возвращеніе къ обряду своихъ предковъ,—къ греко-русскому; секретаремъ по дѣламъ латинской церкви священникъ кн. Липновскій, а должность казначея принялъ на себя кн. Кадоръ.

Такимъ образомъ, дѣла основаннаго, но еще не разрѣшеннаго общества подвигались успѣшно впередъ. Оставалось только получить какой нибудь отвѣтъ на поданную папѣ записку. Прошло уже почти три мѣсяца тягостнаго ожиданія, а между тѣмъ, о моемъ проектѣ ни слуху—ни духу. Я рѣшился опять просить аудіенціи, и какъ-то скоро получилъ ее. Представъ предъ папой, я сказалъ: «три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ счастье представить вашему святѣйшеству записку, касающуюся соединенія церквей, и вы благоволили обѣщать обратить на нее свое вниманіе!» Папа сейчасъ вспомнилъ и сталъ ее искать вездѣ между бумагами, но не могъ ее найти. Тогда онъ велѣлъ мнѣ разсказать, въ чемъ дѣло. Я изложилъ устно мой проектъ. Выслушавъ все, папа, видимо тронутый, всталъ и благословилъ начинающееся дѣло и меня столь умильно и столь чувствительными словами, что я прослезился. По желанію его святѣйшества, я передалъ ему снова проектъ, изложенный на бумагѣ.

Тѣмъ временемъ дѣла общества назрѣли уже настолько, что оказалось возможнымъ на 19-е іюня мѣсяца 1847 года собрать первое засѣданіе. Засѣданіе открылъ предсѣдатель Франсони. Началось оно съ нападокъ на общество со стороны самого предсѣдателя. Итакъ, кардиналъ Франсони выражалъ съ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ свое несогласіе съ цѣлями общества и выставлялъ на видъ его бесполезность и даже вредъ, могущій произойти отъ конкуренціи съ дѣятельностью пропаганды, но въ концѣ концовъ сдался на доводы, представленные со стороны членовъ, о пользѣ и даже

необходимости такого общества. Онъ общался доложить папѣ объ устройствѣ комитета и цѣляхъ, преслѣдуемыхъ обществомъ. Не замедлило послѣдовать официальное его утвержденіе. На второмъ засѣданіи оно уже выступило подъ именемъ «Восточнаго». Епископъ Люке напечаталъ отъ комитета воззваніе, приглашающее вѣрующихъ къ поступленію въ члены общества съ подробнымъ изложеніемъ его цѣлей. Это воззваніе разослано во всѣ католическія государства, ко всѣмъ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ, а также и мірянамъ, выдающимся по своему общественному положенію.

Открытіе Восточнаго общества и возбужденіе вопроса о соединеніи церквей побудило папу издать и разослать по всѣмъ восточнымъ церквамъ энциклику, приглашающую ихъ къ соединенію съ римскою церковью и обещающую ненарушимость восточныхъ обрядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, папа упоминаетъ въ энцикликѣ о составленіи въ Римѣ Восточнаго общества. Окружное это посланіе папы, составленное обыкновеннымъ официальнымъ слогомъ папскихъ энциликъ, съ чисто римскою надменностью и бросающимися въ глаза желаніемъ господства, а не, какъ слѣдовало, въ духѣ христіанской любви, не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на восточныхъ христіанъ и вызвало только знаменитый отвѣтъ восточныхъ патріарховъ ¹⁾.

XV.

Хлопоты по устройству миссіонерскаго заведенія.—Отъѣздъ на востокъ чрезъ Лоретто, Анкону и Корфу.

Въ поданномъ мною папѣ проектѣ предлагалось, какъ упомянуто было раньше, открытіе въ Римѣ заведенія, въ которомъ могли бы подготовляться для миссіонерства юноши, вызванные изъ тѣхъ же странъ востока, которыми они должны впослѣдствіи посвятить свою дѣятельность. Такое заведеніе я считалъ необходимымъ для успѣха затѣяннаго мною дѣла. Поэтому я рѣшился отправиться на востокъ и въ Австрію, чтобы подыскать, если окажется возможнымъ, нѣсколько молодыхъ людей для поступленія въ открываемое заведеніе, а также и раздобыть средства, необходимыя на его устройство и первоначальное обзаведеніе. Папа заявилъ на это свое согласіе и велѣлъ пропагандѣ выдать мнѣ нужныя бумаги, паспортъ, дипломъ на миссіонера и проч. Все было готово; недоставало только денегъ на путевыя издержки. Просить папы я не хотѣлъ, чтобы этимъ не затормозить всего дѣла. Есть поговорка, что въ Римѣ даютъ сколько угодно благословеній, нидуль-

¹⁾ Исполненный силы и достоинства отвѣтъ восточныхъ патріарховъ на «Окружное посланіе папы Пія IX» напечатанъ въ Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ за 1848-й годъ. Л.

генцій и т. п., но о деньгахъ нельзя заикаться: все равно не дадутъ. Тогда нѣкоторые изъ моихъ друзей, а именно известный польскій поэтъ Богданъ Залесскій и его братъ Иосифъ, сдѣлали складчину и передали мнѣ собранные 400 франковъ. Съ этими небольшими средствами я рѣшился выѣхать. Съ своей стороны, и папа, не зная ничего о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, торопилъ меня къ отъѣзду. Заинтересовавшись дѣломъ, папа выказывалъ и мнѣ особенное расположеніе. Итакъ, на одной изъ аудіенцій, когда я, намекая о могущихъ мнѣ встрѣтиться опасностяхъ въ предстоящемъ пути, упомянулъ о томъ, что я оставилъ въ Краковѣ своего малолѣтняго сына чуть ли не на произволъ судьбы, его свѣтѣйшество изволилъ сказать: «напишите немедленно въ Краковъ, чтобы его прислали сюда: я ему буду вѣсто отца и сдѣлаю для него все, что только буду въ состояніи».

На прощальной аудіенціи папа меня благословилъ на путь двумя серебряными на черномъ деревѣ распятіями и молитвенными четками. Выѣздъ я назначилъ на 25 іюля мѣсяца. Все уже было готово. Пришло нѣсколько друзей меня проводить, когда явился почталіонъ съ денежнымъ письмомъ, въ которомъ было 600 франковъ. Эти деньги прислалъ мнѣ въ даръ на путевыя издержки мой университетскій товарищъ Антоній Витвицкій, которому я незадолго до этого отослалъ оставшіеся послѣ его скончавшагося въ Римѣ брата, известнаго польскаго писателя Стефана Витвицкаго, нѣсколько тысячъ франковъ.

Еще до моего отъѣзда я отправилъ два письма: одно князю Адаму Чарторыйскому, главѣ аристократической польской партіи, а другое графу Монталанберу, одному изъ выдающихся членовъ французской католической партіи. Въ обоихъ письмахъ я изложилъ подробно о цѣляхъ затѣяннаго мною дѣла и просилъ въ первомъ изъ нихъ о предписаніи агентамъ князя въ Турціи сообщать мнѣ необходимыя для меня свѣдѣнія и оказывать мнѣ нравственное содѣйствіе, а во второмъ о сочувствіи графа съ его партіей, а въ случаѣ нужды—о заступничествѣ французскаго правительства.

Снабженный необходимыми средствами и рекомендаціями, я выѣхалъ изъ Рима вечеромъ 25 іюля 1847 г. Въ то время тамъ еще не было желѣзной дороги; я отправился въ diligencѣ въ Анкону. Съ легкимъ сердцемъ и веселыми мыслями пустился я въ незнакомые мнѣ края!—на востокъ, хотя не столь отдаленный, но покрытый загадочной таинственностью и только отчасти затронутый вѣяніемъ западно-европейской цивилизаціи; моя будущая въ томъ краѣ дѣятельность рисовалась въ моихъ мечтахъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ и манила меня трудностью взятаго на себя подвига. Все это меня настраивало торжественно и располагало къ воспріятію впечатлѣній пути. Тѣмъ не менѣе, описывать посѣщенные мною мѣстности, интересные по этнографическому составу населенія и его культурно-историческому быту, не стану; точно также картины природы, хотя я ими восхи-

щался не меньше другихъ, я не намѣренъ воспроизводить своимъ перомъ. Все это я предоставляю записнымъ путешественникамъ; я ограничусь только сжатымъ разсказомъ и передачей нѣкоторыхъ имѣющихъ связь съ моимъ путешествіемъ событій.

По пути я задержался въ Лоретто, славящемся чудотворной иконой Пресвятыя Богородицы. Въ великолѣпномъ громадномъ храмѣ помѣщается каменный дощикъ, по здѣшнему преданію, тотъ же самый, въ которомъ проживала Пресвятая Дѣва въ Назаретѣ, перенесенный сюда чудеснымъ образомъ. По ту сторону Адриатическаго моря, возлѣ города Рѣи (Fiume), показываютъ гору, на которой этотъ дощикъ остановился, прежде чѣмъ быть перенесеннымъ чудесно сюда. Здѣсь я служилъ въ первый разъ св. литургію на славянскомъ языкѣ.

Въ Анконѣ сѣлъ я на пароходъ австрійскаго Ллойда и отправился на островъ Корфу, принадлежавшій тогда Англіи, гдѣ мнѣ пришлось ждать пѣлюю недѣлю другаго парохода, идущаго въ Смирну, такъ какъ тотъ, на которомъ я пріѣхалъ, отбылъ въ Александрію. Корфу, какъ извѣстно, населенъ греками, принадлежащими, въ громадномъ большинствѣ, къ православному вѣроисповѣданію; только весьма незначительная часть придерживается латинской церкви съ архіепископомъ во главѣ и нѣсколькими миссіонерами. Въ кафедральномъ костелѣ я нѣсколько разъ служилъ обѣдню на славянскомъ языкѣ по восточному обряду, чѣмъ привлекъ въ церковь весьма многихъ православныхъ, съ любопытствомъ присматривавшихся къ невиданной имъ почти-что православной обрядности при обстановкѣ католическаго храма. Вслѣдствіе этого, состоявшій при престарѣломъ архіепископѣ миссіонеръ Стефля обратился къ римской конгрегаціи пропаганды съ просьбой объ отправленіи въ Корфу миссіонера греческаго обряда. Такимъ образомъ моя мысль на первомъ же шагѣ на востокъ готова была оправдаться; но эта просьба не была исполнена!

Въ Корфу греческихъ православныхъ церквей много. Въ одной изъ нихъ почитаютъ неглѣннымъ мощи св. Спиридона, одного изъ отцевъ Никейскаго Вселенскаго собора. Греческіе священники были настолько любезны, что открыли раку и, такимъ образомъ, я удостоился приложиться къ святымъ мощамъ. Незадолго до моего пріѣзда, въ этой церкви случалось слѣдующее соблазнительное происшествіе: какъ извѣстно, не только латинскіе, но и протестантскіе миссіонеры стараются съ необыкновеннымъ усердіемъ завлекать въ свои сѣти православныхъ христіанъ. Одинъ изъ такихъ ревностныхъ англиканскихъ пасторовъ, прибывъ въ Корфу, вздумалъ заняться уничтоженіемъ нинѣшнихъ суевѣрій и даже, какъ они любятъ выражаться, идолопоклонства православныхъ корфіотовъ. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ множество брошюръ, преполненныхъ хулы и ругательствъ противъ православія и святаго ихъ заступника Спиридона. Въ храмовой праздникъ святаго, когда

церковь была биткомъ набита народомъ, пришелъ туда и англійскій миссіонеръ и сталъ раздавать свои брошюры. Греки охотно принимали ихъ, думая, что онѣ благочестиваго содержанія. Но какое было ихъ удивленіе, когда они, выйдя изъ церкви, нашли въ нихъ нелѣпыя хулы противъ православія и противъ святаго ихъ заступника. Городъ заволиновался и ревностный миссіонеръ, быть можетъ, поплатился бы жизнію, если бы онъ не успѣлъ скрыться въ цитадель, занятую англійскимъ гарнизономъ, и съ первымъ пароходомъ не ускользнулъ бы въ свой туманный Альбіонъ. Тѣмъ не менѣе, не обошлось безъ кровопролитія. Противъ бушевавшей толпы двинуты были англійскія войска; произошла свалка и оказалось нѣсколько жертвъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Разскажу еще объ одномъ грустномъ происшествіи, случившемся за нѣсколько дней до моего приѣзда и напугавшемъ чрезвычайно всѣхъ любителей морскихъ купаній: англійскіе солдаты выводились ежедневно изъ цитадели для купанья въ морѣ. Между ними былъ одинъ отслужившій свой срокъ и дожидавшійся только парохода для возвращенія на родину. Онъ былъ изрядный пловецъ. Во время купанья онъ отплылъ съ однимъ своимъ товарищемъ въ открытое море, и вдругъ, къ своему ужасу, они увидѣли плывшую имъ на встрѣчу огромную акулу. Единственная надежда на спасеніе была—доплыть какъ можно скорѣе до отмели, но акула была въ своей стихіи: она оказалась лучшимъ пловцомъ. Скоро она ихъ нагнала и своей ужасной пастью схватила отставаго солдата. На поднятый его товарищами крикъ она выпускаетъ раненаго солдата, но не успѣлъ онъ отплыть нѣсколько шаговъ, какъ она его опять схватываетъ своею пастью и погружается съ нимъ въ морскую пучину. На другой или на третій день рыбаки нашли недѣленные остатки тѣла несчастнаго.

XVI.

Путь чрезъ Сиру, Смирну въ Бейрутъ.—Караванъ европейскіхъ путешественниковъ.—Терзанія голода вслѣдствіе нераспорядительности на пути.—Воздержанность отъ вина турецкаго эфендія.—Разбойничье селеніе.—Приѣздъ въ Іерусалимъ.

Чрезъ недѣлю съ первымъ попутнымъ пароходомъ я отправился въ дальнѣйшій путь. На одинъ день мы останавливались на островѣ Сирѣ, принадлежащемъ греческому королевству, гдѣ, по преданію, воспитывался Ахиллъ. Съ товарищемъ по пути, армянскимъ священникомъ, мы посѣтили латинскаго епископа, жившаго на вершинѣ высокой горы, по склону которой и дальше по берегу моря разбросанъ городъ. Вечеромъ мы отплыли въ Смирну, гдѣ

мнѣ опять пришлось дожидаться довольно продолжительное время парохода, идущаго въ Бейрутъ. Къ концу 1840-го годовъ рейсы не только по Адриатическому морю, но и по берегамъ Малой Азіи почти исключительно совершались пароходами австрійскаго Ллойда, и то только одинъ разъ въ мѣсяцъ, направлялся изъ Константинополя въ Бейрутъ, а оттуда въ Александрію. Въ Смирнѣ я познакомился съ драгоманомъ русскаго консула Жабоу и съ служащими въ французскомъ консульствѣ. Наконецъ, подошелъ давно ожидаемый пароходъ, и я понесся дальше въ Бейрутъ, котораго мы достигли послѣ пятидневнаго путешествія, задерживаясь только на нѣсколько часовъ въ Родѣ и Кипрѣ. Въ городѣ Ларнакѣ на островѣ Кипрѣ я все таки успѣлъ посѣтить монастырь францисканцевъ. Одинъ изъ монаховъ, малый весьма коренастый, рассказывалъ мнѣ о кулачной расправѣ съ греками въ храмѣ Гроба Господня, въ которомъ онъ, не смотря на святость мѣста, съ храбростію, достойною лучшей участи, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ грохнулъ православныхъ инокъ.

Въ Бейрутѣ (древнѣе Беритѣ) я нашелъ д-ра Добровольскаго, моего товарища по вилленскому университету, который меня гостепріимно пріютилъ у себя. При его содѣйствіи караванъ европейскіхъ путешественниковъ, числомъ 11 человекъ, принялъ меня въ свою среду. Мы тронулись въ путь по узкой береговой полосѣ древней Финикіи утромъ въ воскресенье настолько рано, что я не успѣлъ ничего поѣсть и даже захватить чего-нибудь съ собою. На свою лошадь я усѣлся со всѣми своими багажомъ. Ѣхали мы быстрою рысью, а отъ неумѣлой укладки изъ моего багажа выпадала то одна, то другая вещь, вслѣдствіе этого мнѣ приходилось постоянно останавливаться. Неудивительно, что я все отставалъ. Между путешественниками находились два прусака: отецъ съ сыномъ. Ихъ слуга, видя мое затруднительное положеніе, смиловался и помѣстилъ мои вещи съ ихъ багажомъ, нагруженнымъ на двухъ муловъ. На половинѣ пути въ Сиду (древній Сидонъ) мы задержались въ турецкомъ постояломъ дворѣ (ханѣ). Ъсть не пришлось ничего, кромѣ кисточки винограда. Отдохнувъ немного, мои спутники принялись выгружать захваченные съ собою съѣстные припасы и поѣдать съ большимъ апетитомъ то, что успѣли раздобыть въ Бейрутѣ. Я ушелъ, чтобы не раздражать слишкомъ своего апетита или, вѣрнѣе сказать, не подвергать себя тяжкому испытанію отъ приступовъ терзавшаго меня уже голода. Уже стемнѣло, когда мы въѣхали въ Сиду. Оба прусака со мною заѣхали послѣдними въ францисканскій монастырь, настоятель котораго, кромѣ роднаго италіанскаго, другаго не зналъ, а такъ какъ мои прусаки по италіански не понимали, то мнѣ пришлось быть ихъ драгоманомъ.

Настоятель сообщилъ мнѣ, что осталось только двѣ кровати. По чувству деликатности, я не хотѣлъ разлучать отца съ сыномъ, и вслѣдствіе этого, ниѣя рекомендательное письмо изъ Рима къ настоятелю одного мельхитскаго

монастыря въ Ливанскихъ горахъ, рѣшился искать гостепріимства въ нѣкую-щему въ Сандѣ мельнитскомъ монастырѣ. Итакъ, предоставивъ прусакамъ слѣдующее мнѣ мѣсто, я отправился съ мальчикомъ-проводникомъ въ упомянутый мельнитскій монастырь. Но какое мое было разочарованіе, когда оказалось, что изъ монаховъ никто не зналъ другого языка, кромѣ арабскаго, котораго я, въ свою очередь, вовсе не понималъ! Мой проводникъ, показавъ мнѣ монастырь, скрылся. Возвращаться нельзя было; приходилось во что бы то ни стало искать въ монастырѣ пріюта. Напрасно прибѣгаль я къ монахѣ, напрасно показывалъ арабскій адресъ письма: все ничего не помогало! Между тѣмъ, голодъ меня донималъ ужасно. Наконецъ-то отны кое-какъ догадались въ чемъ дѣло, и пригласили одного маронита, понимавшаго италіанскій языкъ. Послѣ привычныхъ на востокѣ привѣтствій и комплиментовъ, я разъяснилъ ему свое бѣдственное положеніе, сказавъ, что весь день ничего не ѣлъ. Оказалось, что въ монастырѣ ничего, даже и хлѣба не было, такъ какъ иноковъ кормили прихожане, у себя на дому, по очереди; ночлегъ же они предоставляли мнѣ съ большой охотой. Тогда добрый маронитъ, послужившій мнѣ переводчикомъ, вывелъ меня изъ этого затрудненія, предложивъ мнѣ откусать у себя. Мы отправились къ нему. Въ первый разъ мнѣ пришлось ужинать по восточному; два или три кушанья арабской кухни показались мнѣ превосходными послѣ невольнаго поста и тряской ѣзды. Приходилось, конечно, все брать пальцами, такъ какъ ложечъ и вилокъ не полагалось. Угощеніе окончилось омовеніемъ рукъ, кофеемъ и наргиле (трубкою). Почевать гостепріимный хозяинъ отвелъ меня къ мельникамъ.

Утромъ мы пустились въ дальнѣйшій путь чрезъ Суръ (древній Тиръ), Бесарію, гдѣ мы нашли только торчащія стѣны и зданія построеннаго Иродомъ въ честь императора Августа, а нынѣ разрушеннаго и засыпаннаго пескомъ, города,—въ Яффу (древнюю Іоппѣ). Этотъ городъ служитъ преддверіемъ Палестины. Здѣсь я нашелъ брата русскаго консула въ Смирнѣ, польскаго эмигранта Жабу, состоявшаго смотрителемъ карантинна. Онъ просилъ меня остановиться на нѣсколько дней у него, чтобы, воспользовавшись моимъ пріѣздомъ, исповѣдываться съ служившими у него поляками. Я согласился. При его содѣйствіи я отправилъ нанятую въ Бейрутѣ лошадь, на небольшую суднѣ, къ ся хозяину. Удивительно, насколько восточные люди доверчивы: они обыкновенно отпускаютъ незнакому лицу на довольно продолжительное время и довольно далеко лошадей безъ всякаго съ своей стороны присмотра, полагаясь во всемъ на честность нанимателя. Какъ разъ во время завтрака постигъ Жабу пріѣхавшій въ Яффу для ревизіи карантинна турецкій чиновникъ. Мы сидѣли за завтракомъ. Хозяинъ пригласилъ присѣсть и эфендія и, наливъ вина въ рюмки, извинился, что не предлагаетъ правовѣрному турку напитокъ, разрѣшеннаго только гяурамъ. Эфендія смотрѣлъ жалко на искривленную влагу; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и, протянувъ свою рюмку,

сказалъ: «пророкъ запрещаетъ только злоупотребленіе напитками; налейте и мнѣ»!

Вечеромъ того же дня я нашелъ себѣ спутника. Въ святой городъ отправлялся французъ-фотографъ. Мы взяли себѣ почтовыхъ верховыхъ лошадей съ тѣмъ, чтобы нѣзъ сдѣлать въ Іерусалимѣ на почтовой станціи. Проводникомъ нашимъ былъ арабъ, ведшій верблюда, нагруженнаго фотографическимъ аппаратомъ. Въ Рамлѣ мы искали пріюта въ францисканскомъ монастырѣ; но намъ отказали и, такимъ образомъ, намъ пришлось ѣхать всю ночь. Утромъ въ одной деревнѣ мы видѣли опустѣвшую весьма древнюю церковь, въ которой арабы держатъ ночью свой скотъ. Возлѣ этой церкви былъ ключъ воды съ водопойнымъ жалобомъ. Мы хотѣли напоить своихъ лошадей, но мальчикъ-арабъ, поившій какъ-разъ свой скотъ, сталъ кричать и грозить намъ веревками, которыя держалъ въ рукахъ. Мой спутникъ хотѣлъ напугать мальчика и вынулъ пистолетъ. Смѣлый мальчикъ бросается на насъ съ веревками и громко зоветъ по арабски о помощи. Въ мигъ выбѣгаютъ изъ домовъ арабы и устремляются на насъ. Снекнувъ, что дѣло принимаетъ непріятный для насъ оборотъ, мы стегнули своихъ лошадей и помчались вскачь. Съ трудомъ мы убѣжали отъ гнавшихся за нами арабовъ. Впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ намъ рассказывали, что это селеніе есть гнѣздо самыхъ отвѣсненныхъ разбойниковъ. За нѣсколько дней до этого іерусалимскому нашѣ удалось поймать шейку, предводителя этого разбойничьяго гнѣзда, и это отчасти сдерживало ихъ прыть,—а то бы намъ едва ли удалось избѣгнуть ихъ рукъ.

XVI.

Прибытіе въ Іерусалимъ. — Обратный путь въ Яффу. — Эфендіи полякъ въ Смирнѣ.

Въ Іерусалимѣ я остановился въ гостиницѣ патровъ францисканцевъ, которымъ римскими папами была исключительно вѣрена духовная администрація всей Палестины и острова Кипра, почему и настоятель всѣхъ монастырей въ этомъ краѣ,—такъ называемый провинціалісъ, пользовался епископскою юрисдикціей и правомъ употребленія при богослуженіи митры и жезла. Францисканцы по большей части италіянцы и испанцы, съ небольшою примѣсью французовъ, народъ вообще мало образованный и грубый, взирающій съ гордостью и презрѣніемъ какъ на схизматиковъ, т. е. православныхъ, такъ и на послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Они увѣряли меня, что все православное духовенство люди безъ чести и религіозныхъ правилъ, и совѣтывали мнѣ воздерживаться отъ всякаго съ ними общенія, такъ какъ они меня, какъ уніатскаго священника, способны убить

или отравить. Подъ этимъ предлогомъ патеры не позволяли мнѣ служить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня, какъ не принадлежавшей исключительно латинянамъ, а только на нѣхъ престолѣ, сооруженномъ подлѣ столба на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явился Іисусъ Христосъ св. Маріи Магдалинѣ. Во время обѣдни, подъ вліяніемъ внушеній францисканцевъ, сначала я оробѣлъ, увидѣвъ собравшихся вокругъ престола въ довольно значительномъ числѣ православныхъ монаховъ, но, къ моему большому удивленію, они не только не выказывали никакой вражды, но даже поучали прислуживавшаго дьячка, не ознакомленнаго вполнѣ съ чиномъ обѣдни, что слѣдуетъ дѣлать. Станный этотъ взглядъ латинянъ на православную церковь и даже враждебное нѣкъ къ ней отношеніе поражали меня уже и тогда, не смотря на всѣ мои предубѣжденія противъ православія, внушенные мнѣ богословскою іезуитскою наукою.

Пробывъ въ Іерусалимѣ одну лишь недѣлю и посѣтивъ на тотъ разъ только близъ лежащія святые мѣста, какъ Введенію, Вмѣеємъ, мѣсто рожденія, и пустыню св. Іоанна Крестителя, я отправился въ обратный путь въ Яффу. Оттуда я перѣѣхалъ на небольшомъ арабскомъ суднѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ Суръ, а дальше уже сухимъ путемъ чрезъ Сенду въ Бейрутъ. Посѣтивъ въ Ливанскихъ горахъ мельхитскій монастырь, который я нещепенно хотѣлъ видѣть, я отплылъ на пароходѣ Ллойда въ Смирну. По причинѣ появившейся въ Сиріи холеры, насъ продержали четырнадцать дней въ турецкомъ карантинѣ, въ которомъ не было ни кровати, ни постели и гдѣ нельзя было достать ничего съѣстнаго; при томъ онъ отстоялъ двѣ-три версты отъ города. Чрезъ три дня послѣ нашего приѣзда вновь прибывшій пароходъ передалъ и своихъ пассажировъ въ карантинъ. Прогуливаться дозволялось во внутреннемъ дворѣ, — въ одной его половинѣ прибывшимъ раньше, а вновь прибывшимъ въ другой. Однажды во время прогулки обратился ко мнѣ молодой человекъ, въ платьѣ турецкаго эфендія, съ вопросомъ: нельзя-ли ему говорить со мною по польски? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ назвалъ себя Браницкимъ, сыномъ одного изъ извѣстныхъ богатѣй Украинны; онъ-де еще гимназистомъ или студентомъ, теперь не помню, принадлежалъ къ революціонному польскому обществу; власти, узнавъ о тайныхъ цѣляхъ этого общества, сослали-де его рядовымъ на Кавказъ; тамъ-де онъ бѣжалъ къ черкесамъ, которые его обратили въ раба и продали въ Турцію; принятіемъ нагометанства онъ-де освободился отъ рабства, но онъ теперь кается и хотѣлъ бы снова возвратиться въ христіанство, чего, къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Турціи сдѣлать нельзя, а средствъ для того, чтобы пробраться куда-нибудь въ Европу, у него не нѣтется; почему узнавъ, кто я таковъ, онъ обращается ко мнѣ съ просьбой помочь ему. Не смотря на всю не правдоподобность разсказа этого мнимаго Браницкаго, по добротѣ душевной, я обѣщавъ добыть ему средства на дорогу во Францію. Вышедши изъ карантина, я поручилъ

поляка-эффендія заботамъ секретаря французскаго консульства, оставивъ ему и свою сильную лепту. Впослѣдствіи же я узналъ, что мнимый Браницкій, получивъ даровой проѣздъ на французскомъ пароходѣ и нѣсколько наполеондоромъ на руку, по отъѣздѣ изъ Смирны, на первой же пристани въ предѣлахъ Турціи куда-то исчезъ.

Въ Константинополѣ я нашамъ дружескій пріемъ въ монастырѣ паттеровъ Лазаристовъ и пробылъ у нихъ два мѣсяца. Здѣсь я получилъ отвѣты на мои два письма, отправленные до отъѣзда моего изъ Рима—одно къ князю Чарторыйскому, а другое къ графу Монталамберу. Перваго, какъ я объ этомъ говорилъ раньше, я просилъ о распоряженіи съ его стороны его агентамъ оказывать мнѣ нравственную помощь, а другаго почти о томъ же,—объ исхочатайствованіи у французскаго правительства такого же распоряженія разсѣянными по всему востоку политическимъ агентамъ Франціи. Отвѣтъ Чарторыйскаго былъ весьма дипломатическій. Смыслъ его таковъ: всѣ его усилія стремились-де всегда къ сосредоточенію всѣхъ дѣйствій, относящихся къ возстановленію Польши, съ цѣлію придать имъ одно извѣстное направленіе; поэтому и его агенты могутъ мнѣ тогда только оказывать содѣйствіе, если мое предпріятіе идетъ въ согласномъ съ ними направленіи. Другими словами, не прибѣгая къ дипломатически вносказательнымъ выраженіямъ, онъ говорилъ какъ бы слѣдующее: согласись подвергнуться моему управленію и я тебѣ помогу! Разумѣется, я не могъ принять подобнаго условія. Монталамберъ же далъ мнѣ отвѣтъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя ожидать содѣйствія со стороны французскаго правительства моему предпріятію; напротивъ, оно даже готово будетъ противодѣйствовать; поэтому онъ совѣтуетъ не сообщать о моихъ наміреніяхъ официальнымъ французскимъ агентамъ на востокѣ. Сверхъ того, онъ прибавилъ, что мое предпріятіе—Божье дѣло, совѣтывалъ уповать на Бога и твердо надѣяться на то, что съ Его помощію преодолѣю всѣ препятствія, которыя долженъ встрѣтить на пути; безъ нихъ не обойдется, такъ какъ препятствія—искусъ всякаго добраго дѣла.

Въ Константинополѣ я встрѣтился съ Михайломъ Чайковскимъ, впослѣдствіи Садикъ-пашой, моимъ боевымъ товарищемъ по мятежу 1831 г. Чайковский родился на Волынѣ, гдѣ у него было свое имѣніе, а затѣмъ примкнулъ къ польскому мятежу, служа подъ начальствомъ Карла Ружицкаго. Сдѣлавшись эмигрантомъ, онъ поселился сначала во Франціи, а затѣмъ переехалъ въ Турцію. Въ Турціи былъ онъ главнымъ агентомъ князя Чарторыйскаго, въ качествѣ котораго онъ старался возбуждать среди турецкихъ славянъ вражду противъ Россіи. Одаренный поэтической фантазіей, часто уносящей его за предѣлы истины, и даромъ слова, онъ могъ вліять на умы, и на самомъ дѣлѣ сѣялъ не мало зла среди легковѣрныхъ и податливыхъ на постороннія напѣтыванія славянскихъ племенъ Турціи. Сверхъ того, онъ

направилъ, и при томъ не безуспѣшно, свою агитацію на старовѣровъ, поселившихся въ Турціи и Австріи. Его стараніями буковинскіе старовѣры получили свою іерархію, во главѣ которой сталъ епископъ, или собственно митрополитъ въ Бѣлокриницѣ, юрисдикція котораго простерлась даже, конечно, тайными путями, на російскіе предѣлы (австрійское согласіе). Чайковский содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, введенію среди болгаръ униатства, онъ же подыскалъ архимандрита Іосифа (Совульскаго), который согласился сдѣлаться униатомъ и принять въ Римѣ рукоположеніе въ архіерен. Къ счастью, преосвященный Іосифъ не могъ принирить требованіе римскаго престола со взглядами и привычками своей паствы: онъ бѣжалъ въ Россію и нашелъ пріютъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ самый разгаръ дѣятельности Чайковскаго русское правительство потребовало отъ Порты его выдачи, какъ выходца изъ Россіи; правительство Наполеона III отказало ему въ своемъ покровительствѣ. Тогда онъ, по совѣту, какъ говорятъ, самого султана, принялъ магометанство подъ именемъ Садыка, женился на проживавшей въ Царьградѣ дочери бывшаго профессора виленьскаго университета Андрея Снядецкаго и въ скоромъ времени сталъ пашой. Во время крымской войны Садыкъ-паша составилъ изъ славянъ, а главнымъ образомъ изъ поляковъ, турецко-казацкіи полки. Однако, вслѣдствіе соперничества съ полковникомъ Замойскимъ, племянникомъ Чарторыйскаго, съ которымъ онъ разошелся изъ-за руководства польскими легіонами въ Турціи, онъ началъ относиться къ польскому дѣлу не съ прежнею горячностью. Впослѣдствіи раздоры между нахлынувшими въ Турцію поляками и сближеніе съ графомъ Игнатъевымъ поматнули его вѣру въ правоту польскаго дѣла; мало по малу онъ сталъ убѣждаться въ несбыточности польскихъ мечтаній и въ собственныхъ заблужденіяхъ,—почему и пожелалъ возвратиться въ Россію. Получивъ отъ русскаго правительства полное пошолованіе, онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и присоединился къ православію. Въ описываемое мною время Чайковский отнесся ко мнѣ дружески и принялъ меня какъ стараго товарища. Однако, впослѣдствіи, придерживаясь, по всей вѣроятности, полученныхъ отъ князя Чарторыйскаго инструкцій, онъ отдѣлался отъ меня подъ какинъ-то благовиднымъ предлогомъ и не далъ мнѣ никакихъ поясненій и указаній, которыхъ я у него просилъ.

Во время моего пребыванія въ Царьградѣ туда прибылъ папскій нунцій, кажется, Ферриери. Между прочимъ, онъ привезъ и папскую энциклику къ восточнымъ христіанамъ. Эту энциклику, какъ сказано было раньше, папа велѣлъ обнародовать вслѣдствіе движенія, возбужденнаго нашимъ восточнымъ обществомъ. Она была сочинена римскою куріей не въ духѣ братства и христіанской любви, но, напротивъ, въ духѣ папскаго властолюбія. Она же вызвала и извѣстный, отличающійся неопровержимой силой доказательства, отвѣтъ

восточныхъ патріарховъ. Этимъ все покончилось. Я посѣтилъ нунція и сообщилъ ему о намѣреніи нѣкоторыхъ армяно-григоріанцевъ завязать съ нимъ сношенія и вступить въ переговоры объ ихъ присоединеніи къ римской церкви, о чемъ я узналъ случайно. Депутація армянъ дѣйствительно явилась къ нему: но высокомерное и гордое обращеніе съ ними нунція отняло у нихъ всякую охоту подчиниться Риму. И мнѣ также не понравилось обращеніе этого папскаго посланника.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. А. Лопатинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

XVIII ¹⁾).

Отъѣздъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ.—Приключенія на пути.—Письмо
отъ Макрины и ея откровеніе.

Всего я пробылъ въ Царьградѣ два мѣсяца. Въ началѣ февраля 1848 года я пустился въ путь верхомъ, въ сопровожденіи двухъ нанятыхъ мною людей, знающихъ турецкій языкъ, — поляка и босняка, чрезъ Ядринъ (Адріанополь), Татаръ-Базарджикъ, Средецъ (Софію) и Нишъ въ Бѣлградъ. Бѣхалъ я въ свѣтскомъ платьѣ, подъ званіемъ доктора и за римскими паспортомъ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ этомъ пути. Можно себѣ представить, какое это было путешествіе въ тѣ времена, при самыхъ примитивныхъ путяхъ сообщенія, когда еще не было и помину о желѣзной дорогѣ, и при отсутствіи общественной безопасности, въ мѣстности гористой, населенной различными племенами. Погода намъ не очень-то благоприятствовала: на второй или третій день подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и принесъ дождь съ градомъ. Такой холодъ не оставлялъ насъ и дальше. Дрожа отъ стужи, мы пробирались по обширной равнинѣ. Мой боснякъ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ дорогу, и потому я не бралъ проводника; между тѣмъ, уже день клонился къ вечеру,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 1—26; сентябрь, стр. 559—578.

а еще предстояло переправляться чрезъ рѣку Марицу. Къ счастью, намъ попались на пути какіе-то проѣзжіе. Мы ихъ спросили: «такъ-ли мы ѣдемъ въ такое-то мѣстечко?» — «Вы сбились съ пути! Поѣзжайте въ сторону: тамъ выйдетъ тропинку, ведущую къ броду». Уже смеркалось, когда мы добрались до рѣки Марицы. Въ темнотѣ ѣздили мы долго, не зная, куда направиться. Наконецъ, заблестали огоньки, и мы направили туда нашихъ лошадей. Попали мы въ греческую деревню, ивѣющую, къ счастью, ханъ (постоялый дворъ), въ которомъ мы и переночевали. Отъ продолжительныхъ дождей дорога до того испортилась, что мѣстами грязь была лошадиамъ по колѣно. Лошадь подо мною, купленная въ Царьградѣ, отказывалась идти дальше, поэтому я рѣшился въ первомъ мѣстечкѣ продать всѣхъ трехъ лошадей, и продолжать путь на почтовыхъ. Тѣмъ временемъ случилось одно забавное приключеніе. На ночлегъ мы остановились въ какой-то болгарской деревушкѣ. Ночью свѣталъ крѣпкій морозъ съ пронизывающими сѣвернымъ вѣтромъ. Собираясь на слѣдующій день въ путь, мы послали за проводникомъ. Смытъ содержателя іана вызвался намъ показывать дорогу, и, закутавшись потѣнѣе отъ морознаго вѣтра, мы тронулись гуськомъ одинъ за другимъ. Спустившись въ оврагъ, въ которомъ была нѣкоторая защита отъ вѣтра, мы остановились, чтобы обогрѣться и собраться съ силами, какъ вдругъ мы замѣтили, что ѣхавшій позади насъ полякъ не оказался на лицѣ. Немедленно я послалъ болгарина проводника на розыски. Спустя часъ или полтора, онъ возвратился и доложилъ, что полякъ, увидѣвъ его издали, повернулъ лошадь и бѣжалъ. Я недоумѣвалъ по поводу случившагося и велѣлъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Прибывъ къ вечеру въ какое-то мѣстечко, мы остановились на ночлегъ, рѣшившись дожидаться нашего бѣглеца. На слѣдующій день околомудня явился нашъ полякъ и разсказалъ намъ о причинѣ своей остановки и своего страннаго бѣгства. Оказалось, что у него два раза рвалась подпруга; поправляя ее, онъ отсталъ, крича намъ изъ всей мочи, чтобы мы остановились, но мы, должно быть, не слышали. Онъ уже насъ потерялъ изъ виду, какъ вдругъ замѣтилъ скачущаго стремительно на него турка. Тогда онъ, повернувъ свою лошадь, бросился опротивѣю бѣжать. Затѣмъ онъ сбился съ пути и, пробродивъ то сюда, то туда, попалъ въ какую-то болгарскую деревушку, откуда его, послѣ небольшого отдыха, взялся проводить явившійся съ нимъ болгаринъ. Недоразумѣніе объяснилось тѣмъ, что нашъ проводникъ, выѣхавши изъ оврага на поиски за полякомъ, обмоталъ для защиты отъ вѣтра свою феску платкомъ: вышло что-то въ родѣ турецкой чалмы, и не удивительно, что нашъ полякъ принялъ мирнаго болгарина за воинственнаго турка и счелъ нужнымъ обратиться въ бѣгство. Въ этомъ мѣстечкѣ, между прочимъ, я продалъ съ значительною потерей своихъ лошадей и пустился въ дальнѣйшій путь уже на почтовыхъ, но, разумѣется, верхомъ.

Въ Ядринѣ (Адрианополѣ) я задержался на два дня. Тамъ меня дожи-

дались два письма: одно отъ Макрины, а другое отъ ксендза Яловицкаго. Макрина умоляла меня, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Римъ, принять на себя духовное управленіе обновляющагося за ея стараніями чина Василіанокъ и защитить ее отъ притѣсненій ксендза Яловицкаго, съ наглостію принуждающаго ее принять латинскій обрядъ. Яловицкій точно также уговаривалъ меня возвратиться въ Римъ, такъ какъ орденъ мартыро-востанцевъ принялъ уставъ св. Венедикта, весьма похожій на уставъ св. Василія, а Макрина, принявъ латинскій обрядъ, поступила подъ начальное управленіе ихъ ордена. Съ недоумѣніемъ читалъ я и сравнивалъ эти письма. По возвращеніи моемъ въ Римъ дѣло немножко выяснилось. Макрина дѣйствительно подвергалась притѣсненіямъ со стороны Яловицкаго и, не будучи въ силахъ устоять, согласилась принять латинскій обрядъ. Дѣло съ мартыро-востанцами происходило слѣдующимъ образомъ. Наступило время избранія настоятеля. Выборъ палъ на ксендза Іеронима Кайсевича. Тогда Макрина, узнавъ объ этомъ, объявила монахамъ: «всю ночь я молилась, а въ полночь я услышала троекратно слова: Іосифу быть настоятелемъ; пусть орденъ приметъ уставъ св. Венедикта!» Патры мартыро-востанцы, признававшіе Макрину святой, приняли ея слова за откровеніе Божіе, собираются вторично, навязываютъ Кайсевича, которому уже успѣли дать обѣтъ послушанія, и избираютъ настоятелемъ Іосифа Губе, принявъ уставъ св. Венедикта. Исполнивъ это, они идутъ къ папѣ и просятъ его благословенія и признанія ихъ бенедиктинцами. Папа, однако, на тотъ разъ не повѣрилъ откровенію и не пожелалъ утѣрдать измѣненіе устава, сказавъ при этомъ, что «хотя уставъ св. Венедикта святой, но настоящее время имѣетъ свои потребности; поэтому устройтесь такъ, чтобы всѣ ваши труды были на славу Божію и на пользу церкви; тогда только можно вамъ будетъ просить объ утвержденіи чина». (Спустя нѣкоторое время мартыро-востанцы перессорились съ Макриною и ихъ взаимныя отношенія охладѣли совершенно, тогда она отказалась отъ бенедиктинскаго устава и возвратилась къ своему уставу, не многимъ отстоящему отъ іезуитскаго, настоятелемъ же избрали опять Кайсевича.

Послѣ этого небольшого отступленія возвращаюсь опять къ своему путешествію.

Дальнѣйшій путь шелъ чрезъ Пловдивъ (Филиппополь). Въ этомъ городѣ я задержался одинъ день у патровъ капуциновъ, паства которыхъ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ латинизованныхъ болгаръ. Оттуда чрезъ Татаре-Базарджикъ, Средецъ и Нишъ, мы добрались до сербской границы, задерживаясь на одинъ день только въ большихъ городахъ. На пути не случилось никакихъ приключеній. Въ Балканскихъ горахъ насъ задерживали глубокіе снѣга; холодъ былъ весьма чувствителенъ. Сербію отъ Турціи отдѣлялъ простой плетень. Подѣхавши къ воротамъ, мы должны были постучаться: сербскій стражникъ отперъ ихъ и впустилъ насъ. Сейчасъ-же за

воротами стоялъ высокій деревянный крестъ съ распятіемъ, а подлѣ него столбъ съ гербомъ сербскимъ. Нѣсколько человекъ стражи проводили насъ до Алексинца, небольшого мѣстечка, отстоящаго нѣсколько верстъ отъ границы, и завели въ карантинъ. Явился врачъ далматинецъ, превосходно говорящій по италіански, съ которымъ я быстро сошелся, какъ съ коллегой по врачебному искусству. Онъ меня спросилъ: «правда-ли, что въ Нишѣ были случаи чумы? Здѣсь объ этомъ всѣ толкуютъ, и если это правда, то вамъ придется долго сидѣть въ карантинѣ». На это я отвѣтилъ: «ничего подобнаго не слышалъ въ Нишѣ; вчера я тамъ пробылъ всего день, познакомился съ врачами и ни о чемъ похожемъ не слышалъ». — «Если такъ, то я, не желая васъ задерживать, пошлю сейчасъ-же нарочнаго въ Нишъ, чтобы провѣрить этотъ слухъ». — Слухъ оказался ложнымъ, и на другой день насъ выпустили. Докторъ любезно пригласилъ меня погостить у него; я согласился и, пробывъ у него одинъ день, посѣтилъ капетана, — т. е. уѣзднаго начальника.

Въ Сербіи уже въ это время существовали колесныя дороги; поэтому я Алексинца нанялъ телѣгу и, уѣздивъ съ моими товарищами, пустился въ дальнѣйшій путь. Во время пути у меня случайно вывалился изъ телѣги свертокъ съ моими вещами. На первомъ же ночлегѣ я замѣтилъ свою пропажу и сообщилъ объ этомъ полиціи. Меня увѣрили, что въ Сербіи нѣтъ воровства и что поэтому мои вещи непремѣнно найдутся. Тогда я рѣшился продолжать свой путь. На второй или третій день, по прибытіи въ Бѣлградъ, я получилъ письмо отъ доктора изъ Алексинца, что потерянные на пути мои вещи найдены и сложены у капетана; что онъ, докторъ, по книгамъ, подареннымъ мнѣ-же мнѣ, узналъ, что онѣ составляютъ мою собственность, и поэтому пригласилъ капетана отправить ихъ чрезъ курьера ко мнѣ въ гостиницу. Я ихъ получилъ въ полной исправности и, такимъ образомъ, добрая слава патріархальныхъ сербскихъ порядковъ вполне оправдалась.

Въ Бѣлградъ я прибылъ въ послѣднихъ числахъ февраля. Въ это время Сербія была автономнымъ княжествомъ и мечтала только о своей политической независимости. Я имѣлъ письмо отъ Чайковского къ агенту Чарторыйскаго; но тотъ, подъ вліяніемъ, какъ кажется, полученныхъ имъ инструкцій, отнесся ко мнѣ съ большою сдержанностью. Въ Бѣлградѣ я оставался цѣлую недѣлю. Знакомствъ я сдѣлалъ мало, но представлялся сербскому князю Александру Карагеоргіевичу, которому я преподнесъ маленькій изъ чернаго дерева крестикъ, данный мнѣ при отъѣздѣ изъ Рима папой. Вообще въ Сербіи мнѣ чрезвычайно понравилась простота нравовъ и патріархальный образъ жизни. Конечно, это было въ тѣ времена, когда туда еще не успѣли проникнуть сѣмена извращенной западно-европейской культуры и исковеркать до неузнаваемости этотъ цѣльный и тогда еще совершенно здоровый народный организмъ.

XIX.

Изъ Бѣлграда въ Земунь.—Загребъ.—Возвращеніе въ Римъ.—Закрытіе восточнаго общества.—Докладъ папѣ и вторичная подача проекта.

Изъ Бѣлграда на лодкѣ я переправился въ Земунъ (Землинъ), пограничный городъ Венгріи, населенный почти исключительно православными сербами. Какъ пріѣхавшаго изъ-за границы, меня отправили въ карантинъ и вытребовали паспортъ. Вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ начальникъ карантина въ лицѣ маіора и спрашиваетъ меня по польски, полякъ-ли я? Въ то время поляка, носящаго на себѣ какъ-бы клеймо записнаго революціонера, навѣрное не пропустили-бы. Сообразивъ все это, я поспѣшилъ отвѣтить по итальянски: «*che dite, Signore?*» Онъ повторилъ свой вопросъ по итальянски-же, во я заявилъ: «Я подданный папы, и мнѣ выданъ паспортъ папскими властями». — «Однако ваша фамилія польская», продолжалъ онъ. — «Какъ тамъ? У насъ въ Италіи много подобныхъ фамилій, напримѣръ: Кордески, Одескальки, Тедески и др.». Долго онъ разсматривалъ паспортъ, наконецъ, спросилъ: «Куда же намѣрены ѣхать?» — «Черезъ Загребъ (Agram) и Рѣку (Fiume) въ Италію». — «Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать пароходомъ по Савѣ въ Загребъ». Я поблагодарилъ за совѣтъ и, съ его разрѣшенія, отправился въ городъ. Впрочемъ, его совѣтомъ не пришлось воспользоваться, такъ какъ пароходы еще не начинали своихъ рейсовъ. Я долженъ былъ нанять подводу и совершить на колесахъ длинный переѣздъ въ Дяковоръ въ Хорватіи, мѣсто-пробываніе хорватскаго епископа. Я помѣстился въ семинаріи у учителя Толочовича, котораго я зналъ по слухамъ, какъ рьянаго славянскаго патріота. Тамъ я узналъ о происшедшей во Франціи февральской революціи. Въ семинаріи я присутствовалъ на любительскомъ спектаклѣ, устроенномъ студентами семинаріи. Ставили какую-то хорватскую комедію, а въ антрактахъ — пѣли патріотическія пѣсни. Отдохнувъ въ этомъ городѣ два дня, я распростился съ радушнымъ хозяиномъ, котораго я искренно полюбилъ, и отправился въ Загребъ. Въ столицѣ Хорватіи я познакомился съ униатскимъ епископомъ въ Крижовцѣ Смичикласомъ и намѣревался войти въ сношенія съ разными духовными лицами на пользу предпринятаго мною дѣла. Отсюда уже я ниѣлъ въ виду посѣтить униатскихъ епископовъ Венгріи и Галиціи и, при ихъ содѣйствіи, собрать кое-какія средства для предполагаемой миссіонерской семинаріи. Но случилось иначе. На третій или четвертый день моего пребыванія въ Загребѣ, пришла вѣсть о вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и въ Загребѣ зашевелились политическія страсти. Быстро снѣжившіяся событія поглощали все вниманіе населенія. Революціонная буря, начавшаяся въ Вѣнѣ, пронеслась вихремъ и по другимъ провинціямъ Австріи. Мрачныя тучи

сгустились надъ небосклономъ Венгріи; все предвѣщало близкую грозу. Австрійская монархія колебалась въ своихъ основаніяхъ: одна ея половина готова была возстать на другую. При такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о моихъ предпріятіяхъ, и я рѣшился возвратиться въ Римъ.

На пути въ Римъ, я прибылъ въ приморскій хорватскій городъ Рѣку (Fiume). Тамъ я не нашелъ корабля, направлявшагося въ Италію, и поэтому долженъ былъ повернуть въ сторону, — въ знакомый мнѣ по прежнему невольному пребыванію Терсть (Тріестъ). Оттуда я уже на пароходѣ прибылъ въ Анкону. На пароходѣ я встрѣтился съ бывшимъ адъюнктомъ виенскаго университета Горскимъ, съ которымъ я совершилъ дальнѣйшее путешествіе въ дилижансѣ. Въ Италіи тоже пало революціей. Повсюду народъ шумѣлъ, собирался на сходки и бурно толковалъ о политическихъ событіяхъ. По пути намъ попадались отряды національныхъ гвардейцевъ съ вышитыми на платьѣ красными крестами, вѣстово грозящихъ варварамъ — tedesкамъ (вѣнцамъ). Не смотря на все это, мы прибыли благополучно въ отчину папства.

Въ Римѣ я не нашелъ и слѣда нашего восточнаго общества. Послѣ моего отъѣзда его еще поддерживалъ епископъ Люке; но съ его назначеніемъ нунціемъ въ Швейцарію общество пришло въ полное разстройство. Его устранили, держась, повидимому, пословицы: «*elevatur ut auferatur*». Монсеньоръ Граціози померъ, капуцинъ о. Іосифъ былъ поставленъ въ епископы и отправленъ куда-то въ Сицилію, одни выѣхали изъ Рима, а другіе, и раньше этого не отличаясь особеннымъ рвеніемъ, охладѣли совершенно къ дѣламъ общества. Теперь я сталъ носить съ мыслью не дать исполнѣ заглушить идеѣ, руководившей основателями общества.

Прошло нѣсколько дней съ моего пріѣзда въ Римъ и я получилъ аудіенцію у папы. Лишь только я предсталъ предъ его святѣйшествомъ, папа, не давъ сказать мнѣ ни одного слова, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— «Вы предприняли великое дѣло, но въ немъ, какъ видно по результатамъ вашего путешествія, нѣтъ воли Божіей; ступайте теперь въ Галичину; тамъ вы еще можете съ пользою трудиться для церкви».

— «Ваше святѣйшество, я, вѣдь, никому еще не говорилъ о томъ, успѣлъ-ли я въ моемъ путешествіи или нѣтъ, даже и не писалъ никому объ этомъ».

— «Можетъ быть; но я объ этомъ знаю, мнѣ уже съ этимъ докладывали. Отправляйтесь въ Галичину! Да благословитъ васъ Богъ на предстоящій путь!»

Сказавъ это, папа благословилъ меня и сталъ говорить о постороннемъ предметѣ. Когда я откланялся, то папа меня еще разъ благословилъ на дорогу. Тогда только открылись мои глаза: я понялъ, что мое предпріятіе нѣтъ тайныхъ, но вліятельныхъ недоброжелателей, готовыхъ мнѣ во всемъ ставить преграды. Я сознавалъ ясно, что мнѣ придется въ будущемъ бороться со многими препятствіями.

Впрочемъ, мнѣ было не до пути. Я пріѣхалъ въ Римъ почти безъ копейки, да еще въ Царьградѣ задолжалъ на нѣсколько сотъ пиастровъ. Пріютился а при церкви, принадлежавшей прежде уніатскимъ русскимъ монахамъ, гдѣ въ то время нѣли пріютъ и два бѣжавшихъ изъ холмской епархіи іеромонаха, но жить было нечѣмъ. Къ счастью, княгиня Волконская, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, предложила мнѣ давать уроки русскаго языка двумъ монахи-нямъ итальянкамъ, преподающимъ въ учрежденномъ ею училищѣ, съ платою по 15 фр. въ мѣсяцъ. Этого было довольно, чтобы не умереть голодною смертію.

Считаю необходимымъ теперь упомянуть объ одномъ учрежденіи, основанномъ незадолго до моего перваго появленія въ Римъ. Это такъ называемая греческая collegia (collegium graecum), нѣчто въ родѣ семинаріи для воспитанниковъ греко-уніатской церкви. Туда опредѣлилось шестеро юношей изъ Галичины, нѣсколько грековъ изъ южной Италіи, остатковъ жителей древней Graeciae Magnae и мельхитовъ (арабовъ греческаго обряда). Она была основана еще въ то время, когда секретаремъ пропаганды былъ Брунелли, имѣвшій намѣреніе меня назначить ея ректоромъ. Вскорѣ же онъ былъ отправленъ нунціемъ въ Испанію. Преемникъ его въ должности секретари Барнобо завелъ въ ней совершенно латинскіе порядки: ректоромъ и префектами были назначены итальянцы, питомцы должны были совершать молитву по итальянски и по латыни, придерживаться григоріанскаго календаря, съ праздниками и постами латинскими, ихъ водили къ лазаристамъ, чтобы они приучались правильному совершенію богослуженія. Сверхъ этого, проживающій въ collegii католическій архіепископъ Миссиръ, грекъ изъ Смирны, происходившій изъ католической греческой семьи, оказывалъ дурное вліяніе на прочность убѣжденій воспитанниковъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ прелатѣ. Желая имѣть въ Римѣ представителя восточнаго обряда, чтобы онъ могъ фигурировать въ качествѣ такового при папскихъ богослуженіяхъ, папа повелѣлъ ему принять греко-восточный обрядъ, отпустить бороду и во время богослуженія надѣвать греческое облаченіе. Съ явной неохотою исполнялъ это Миссиръ. Не удивительно, что онъ относился безразлично къ дѣламъ восточной церкви, а находясь въ стѣнахъ вышеупомянутаго учебнаго заведенія, онъ не могъ не приучать воспитанниковъ къ равнодушному отношенію къ восточному обряду. Чѣмъ болѣе я присматривался къ порядкамъ, водворившимся въ collegii, тѣмъ болѣе я возмущался, видя всю ихъ несообразность, а присмотрѣвшись я имѣлъ полную возможность: каждую субботу, по просьбѣ секретари пропаганды, я являлся туда для того, чтобы исповѣдывать воспитанниковъ, не знающихъ еще итальянскаго языка. Негодуя по поводу всего этого, я имѣлъ твердое намѣреніе довести объ этомъ до свѣдѣнія папы. Къ сожалѣнію, я показалъ Барнобо заготовленный мною письменный докладъ. Тогда тотъ сталъ меня отговаривать отъ подачи его папѣ, такъ какъ онъ самъ-де лично это сдѣлаетъ.

— «Все равно, вы теперь идете на востокъ, прибавилъ онъ,—и можете въ славянскія земліахъ подыскать подходящее лицо; тогда я его непремѣнно назначу ректоромъ».

Желая исполнить это порученіе, я въ Загребѣ, при свиданіи съ епископомъ Смичкласомъ, просилъ его отрекомендовать подходящаго для этой должности человѣка. Епископъ отвѣтилъ, что у него есть человѣкъ, вполне способный занять эту должность, знающій въ совершенствѣ языки: латинскій, итальянскій, греческій и славянскія нарѣчія, получившій высшее духовное образованіе, за котораго онъ можетъ вполне поручиться. По возвращеніи въ Римъ, я поспѣшилъ доложить объ этомъ монсиньору, но каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ отвѣтилъ: «Очень жаль, надѣюсь утвердить ректоромъ исправлявшій эту должность», а это былъ италянецъ. Такии образомъ, все осталось по старому.

Можно себѣ представить, каково было мое душевное настроеніе послѣ разочарованія, постигшаго меня въ Римѣ: я уже считалъ свое дѣло погибшимъ, какъ вдругъ пригласилъ меня къ себѣ кардиналъ Остини, занимавшій раньше постъ вунція въ Вѣнѣ. Онъ принялъ меня весьма пріятливо и сталъ подробно разспрашивать о моихъ планахъ. Когда-же я ему рассказавъ оцѣли затѣяннаго мною дѣла, то онъ принялъ его горячо къ сердцу и сказалъ:

— «Это также и мое дѣло».

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ мнѣ покровительствовать и всячески хлопотать въ мою пользу.

Благодаря хлопотамъ Остини, а также и другихъ лицъ, папа пригласилъ меня къ себѣ, принялъ меня весьма пріятливо и велѣлъ представить проектъ по дѣлу соединенія церквей. Признаюсь, я былъ весьма огорченъ предшествовавшими неудачами и рѣшился предъ его святѣйшествомъ излить свое горе, по поводу страннаго рока, постигающаго каждый разъ всякое начинаніе по дѣлу о соединеніи церквей. Между прочимъ, я позволилъ себѣ намекнуть о закрытіи восточнаго общества, судьбу котораго взялъ его святѣйшество, предъ лицомъ всего христіанства, подъ свое покровительство. Папа, какъ видно, не вспомнилъ объ энцикликѣ, изданной по поводу этого общества, и неинтересовался узнать, когда именно о немъ говорилось. Къ счастью, я имѣлъ энциклику при себѣ и подаль ее папѣ. Взглянувъ на нее, папа спросилъ, отчего-же общество теперь болѣе не существуетъ? Распространяться по поводу закрытія общества я смелъ теперь излишнимъ и ограничился только тѣмъ, что подаль его святѣйшеству заготовленный мною уже заранее проектъ. Онъ отличался отъ проекта, поданнаго мною въ прошлый годъ, только тѣмъ, что въ него вошли результаты наблюденій, сдѣланныхъ мною во время послѣдняго моего путешествія на Востокъ.

Для доклада по поводу моего проекта папа назначилъ комиссію, состоящую изъ четырехъ прелатовъ. Въ ея составъ вошелъ также ректоръ духовной

академіи. Дѣла подобаго рода ведутся въ римской куріи съ сохраненіемъ величайшей тайны, и поэтому я ничего не могъ узнать о ходѣ дѣла. Однажды кардиналъ Остини сказалъ мнѣ, что хорошо было-бы мнѣ познакомиться съ монсеньоромъ Кардельи (Cardelli) ректоромъ духовной академіи (academia ecclesiastica) и поговорить съ нимъ о дѣлѣ. Сейчасъ я отправился къ ректору и, представившись ему, встрѣтилъ любезный пріемъ. Онъ сказалъ, что весьма радъ со мною познакомиться, такъ какъ весьма интересуется вопросомъ о соединеніи церквей. Затѣмъ онъ перешелъ къ подробностямъ моего проекта, и, наконецъ, сказалъ откровенно:

— «Я назначенъ вмѣстѣ съ другими дать отчетъ о вашемъ проектѣ. Вотъ у меня лежатъ на столѣ куча относящихся сюда книгъ: Алатій, Виссаріонъ, Гоаръ, Афеманъ и другія. Все-же таки я какъ въ лѣсу. Я очень радъ, что могу отъ васъ узнать болѣе обстоятельныя данныя, относящіяся до этого вѣковаго вопроса».

Нашъ разговоръ былъ довольно продолжительный. Истощавъ всесторонне эту тему, мы пришли къ соглашенію. Онъ вполне согласился съ моимъ мнѣніемъ. Мой проектъ съ постановленіемъ комиссіи былъ напечатанъ, по повелѣнію папы, въ нѣсколькихъ лишь экземплярахъ для раздачи членамъ назначенной для окончательнаго рѣшенія этого вопроса конгрегаціи кардиналовъ. Была это довольно объемистая брошюра. Къ сожалѣнію, она мнѣ только однажды попала въ глаза, такъ что я ее не успѣлъ прочитать, ни даже просмотрѣть внимательно. Это случилось благодаря любезности кардинала Ферретти, секретаря конгрегаціи чрезвычайныхъ дѣлъ. О составѣ назначенной *ad hoc* комиссіи кардиналовъ я узналъ частію отъ того-же секретаря, частію-же отъ кардинала Остини, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, посоветовалъ мнѣ побывать у ея членовъ. Я послѣдовалъ его совѣту и нашелъ большинство изъ нихъ расположенными къ моему проекту. Нѣкоторые изъ нихъ просили меня даже побывать у нихъ за два или три дня до засѣданія, съ цѣлію болѣе основательнаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла. Кажется, только двое изъ нихъ оспаривали мои мнѣнія. Въ составъ этой комиссіи входили кардиналы: Остини, Ферретти, Оріольи, Кастракони, Бриньоле, Антонелли и Андреа. Весьма близко стоялъ къ моему дѣлу упомянутый выше кардиналъ Феррари. Бывая часто у него, я все его торопилъ довести дѣло до желаннаго конца, руководимый, повидному, какимъ-то страннымъ предчувствіемъ всевозможныхъ препятствій, нагромоздившихся на пути къ осуществленію моего проекта. Кардиналъ, бывало, шутилъ, что я выкупанъ въ горячей водѣ, всѣ-де дѣла должны идти своимъ чередомъ. Въ продолженіе этого времени я былъ нѣсколько разъ удостоенъ аудіенціи у папы. На одной изъ нихъ его святѣйшество сказалъ мнѣ рѣшительно:

— «Назначу вамъ кардинала, назначу особаго патріарха!»

Все это происходило въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 года.

XX.

Вспыхнувший мятеж тормозитъ все дѣло.—Бѣгство папы и кардиналовъ.—Порученіе къ униатскимъ епископамъ Венгрии и Галиціи.—Поѣздка въ Парижъ.—Ліонское общество распространенія христіанской вѣры.—Неожиданное посолье.—Поѣздка въ Дрездены (Дрезденъ).

Между тѣмъ революція и война охватили всю Италію. Австрійская армія оттѣснила Карла Альберта, сардинскаго короля, заставила его отречься отъ престола въ пользу Виктора Эммануила и потушила революціонный пожаръ, который съ тѣмъ большею яркостью разгорался тамъ, куда не досагало австрійское оружіе. И въ самомъ Римѣ стали бушевать революціонныя страсти. Это все подѣйствовало на папу и онъ сталъ относиться холодно къ либеральнымъ стремленіямъ римлянъ, а это раздражало еще болѣе нѣхъ страсти. И вотъ, за два дня до засѣданія кардинальской комиссіи по воену дѣлу, назначеннаго на 17-е ноября 1848 года, вспыхиваетъ революція въ самомъ Римѣ. Вооруженная толпа устремляется на квиринальскій дворецъ, въ которомъ проживалъ самъ папа. Посланники всѣхъ державъ собрались тѣда немедленно, чтобы въ случаѣ нужды защитить папу отъ разъяреннаго народа. Швейцарская гвардія дала сильный отпоръ атакующей толпѣ. Послѣдствіемъ мятежа было бѣгство папы изъ Рима. Вслѣдъ за нимъ вынеслась изъ Рима большая часть кардиналовъ, только три кардинала остаются въ Римѣ, составляя временное правительство.

Такимъ образомъ, все мое дѣло, бывшее такъ близко къ своему осуществленію, рушилось подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ. Насколько я былъ убѣжденъ въ достижимости всѣхъ цѣлей, видно изъ того, что когда конгрегація de propaganda fide, относившаяся съ самаго начала неблагоклонно къ моимъ начинаніямъ, желая, какъ говорится, меня сплавить, предложила мнѣ въ славянскихъ земляхъ Турціи апостольскую миссію, съ возведеніемъ въ санъ епископа-викарія, я счелъ нужнымъ отказаться не только отъ миссіи, но и отъ предложеннаго мнѣ сана. Итакъ, мое дѣло готово было если не рухнуть, то по крайней мѣрѣ отложиться ad calendas graecas. Тѣмъ не менѣе, чтобы начатое мною дѣло не было предано полному забвенію, оставшіеся въ Римѣ члены конгрегаціи, главнымъ образомъ, какъ кажется, по настоянію кардинала Ферретта, дали мнѣ порученіе отправиться къ русскимъ униатскимъ епископамъ Венгрии и Галиціи, и отъ нихъ папы требовать, чтобы они выразили свои мнѣнія касательно преднамѣреннаго дѣла; чтобы удостовѣрить владыкъ въ подлинности даннаго мнѣ порученія, меня снабдили письмами къ нимъ и двумя инструкціями, одною для предъявленія владыкамъ, а другой для меня лично.

Получивъ эти письма, я рѣшился отправиться въ Парижъ, съ цѣлю пріобрѣтенія тамъ средствъ къ дальнѣйшему путешествію. Однако, у меня не было денегъ на то, чтобы выѣхать изъ Рима. Къ счастью, какъ разъ въ это критическое время, я получилъ отъ лично мнѣ незнакомаго графа Ксаверія Браницкаго, сдѣлавшагося впоследствии истиннымъ благодѣтелемъ учрежденнаго мною парижскаго заведенія, пособіе въ нѣсколько сотъ франковъ. Изъ этихъ денегъ я уплатилъ свой долгъ въ Царьградѣ за купленныя тамъ лошади и небольшой должокъ въ Римѣ. Осталось какъ разъ только на предстоявшее путешествіе.

По пріѣздѣ въ Парижъ наканунѣ 1849 года, покровительствовавшій мнѣ монсеньоръ Форнари папскій нунцій, сталъ хлопотать въ ліонскомъ обществѣ распространенія вѣры (*oeuvre de la propagation de la foi*) о пособіи для меня.

Увѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обществѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Ліонѣ, нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, добывавшихъ себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, постановили отлагать отъ своего скуднаго заработка по одному су (*sous* — $\frac{1}{4}$ коп.) на благую цѣль. Этотъ примѣръ нашелъ вскорѣ подражателей: стало вливать въ общую кассу по нѣскольку тысячъ франковъ въ годъ. Необыкновенный успѣхъ привлекъ вниманіе ліонскаго архіепископа. По его почину, образовалось правильное общество, съ комитетомъ во главѣ, имѣющее два отдѣленія: одно въ Ліонѣ, а другое въ Парижѣ. Общество не замедлило распространиться по всей Франціи и даже за ея предѣлами. Такимъ образомъ, въ послѣдніе года сборы достигали цифры, превышающей 4 милліона франковъ въ годъ.

Ходатайство нунція имѣло успѣхъ въ парижскомъ отдѣленіи, который опредѣлилъ выдать мнѣ 3,000 франковъ; но главный ліонскій комитетъ отказалъ. Отчаяваясь въ успѣхѣ дѣла, я получилъ неожиданно пособіе въ 150 франковъ отъ одного изъ членовъ парижскаго комитета Теръ (*Thauvère*) французскаго богача, получавшаго полмилліона годового дохода и женатаго на дочери генерала Бертрана, спутника Наполеона на островъ св. Клены. Лишившись своихъ дѣтей, они обращали ежегодно десятую часть своихъ доходовъ на благотворительныя дѣла.

Намѣреваясь уже отправиться въ путь, я сталъ данный мнѣ революціонный французскій правительствомъ паспортъ недостаточнымъ, поэтому я обратился къ нунцію о выдачѣ мнѣ папскаго паспорта на проѣздъ въ Дрезданъ (Дрезденъ), откуда я намѣревался пробраться въ Галичину и Угорщину.

На пути я остановился на нѣсколько дней въ Брюсселѣ у генерала Ширжинецкаго. Оттуда я отправился дальше и благополучно прибылъ въ Дрезденъ.

XXI.

Дрезденъ 1840-хъ годовъ. — Поѣздка въ Будининъ. — Бытовые черты лужицкихъ сербовъ. — Согласіе между католиками и протестантами.

Прибыль я въ Дрезденъ въ концѣ апрѣля мѣсяца и, не теряя времени, отправился въ австрійское посольство, чтобы визировать свой паспортъ. Въ посольствѣ я познакомился съ совѣтникомъ посольства графомъ Гоце (Gotze), далматинцемъ изъ Дубровника (Ragusa), славянофиломъ, но не долюбливав- шимъ Россіи. Я очень скоро сошелся съ этимъ человѣкомъ и даже подру- жился. Ему я рассказывалъ подробно о цѣли своего путешествія. Онъ высказалъ горячее сочувствіе и доложилъ объ этомъ посланнику барону Куфниктейну. Это было время самого большого разгара натежа венгерцевъ и войны противъ нихъ австрійцевъ и русскихъ, почему посланникъ не рѣшался самъ дать мнѣ позволеніе на проѣздъ туда, но отнесся къ австрійскому министру иностран- ныхъ дѣлъ князю Шварценбергу. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать долго. Мнѣ совѣтовали дожидаться въ Дрезденѣ до тѣхъ поръ, пока венгерскій натежъ не будетъ усмирень. Вторичное мое по этому поводу прошеніе не имѣло лучшаго успѣха. Мнѣ оставалось только подчиниться необходимости.

По причинѣ удобствъ жизни и дешевизны, въ Дрезденѣ проживало много семействъ русскіхъ и польскіхъ. Это обстоятельство давало городу особенный колоритъ. Я искалъ знакомствъ по преимуществу среди семействъ польскіхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣтилъ сочувствіе къ моему дѣлу и даже нашелъ, въ виду затруднительности моего положенія, денежную помощь. Среди нѣмцевъ я не заводилъ знакомствъ, за исключеніемъ духовенства единствен- ной въ Дрезденѣ католической церкви, считающейся придворной. Жители Дрездена, по большей части, протестанты; только королевская фамилія, съ избранія саксонскаго курфюрста Августа II королемъ польскіхъ, сдѣлалась католическою и осталась таковою до настоящаго времени. Среди духовенства этой церкви я болѣе всего сошелся съ каноникомъ Мильде, жившимъ довольно продолжительное время въ Варшавѣ и хорошо говорившимъ по польски. По воскресеньямъ и въ праздничные дни я служилъ въ этой церкви обѣдню на славянскомъ языкѣ, имѣя всѣ необходимыя церковныя книги и священныя одежды съ собою.

Цѣлый мѣсяцъ прожилъ я уже въ Дрезденѣ. Имѣя много свободного времени, я отправился въ Будининъ (Bautzen), столицу сохранившаго до сихъ поръ среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ волнъ нѣмецкаго моря племени славянскаго—лужичанъ. Самы они называютъ себя сербами, а нѣмцы ихъ зовутъ вендами. Говорятъ они на языкѣ, составляющемъ сре- дину между чешскимъ и польскимъ, и живутъ не только въ Саксоніи, но и

въ прилегающихъ къ ней частяхъ Пруссіи. Саксонскіе лужичане католики, въ весьма незначительномъ числѣ (10,000 изъ 60,000 сербовъ), но все-таки католическій епископъ, въ вѣдѣніи котораго находится Дрезденъ, живетъ среди нихъ въ Будшинѣ. Въ то время былъ епископомъ Дитрихъ, которому я считъ нужнымъ представиться. Такъ какъ саксонскій король со всѣмъ своимъ семействомъ католическаго вѣроисповѣданія, то лужицкіе сербы всегда находили въ немъ защиту, какъ единовѣрцы, противъ посягательствъ его лютеранскихъ подданныхъ нѣмцевъ. Пробудившійся среди сербовъ отъ недавняго времени духъ народности слютилъ послѣдователей обоихъ вѣроисповѣданій до такой степени, что они общими силами даютъ отпоръ натиску германизации. Умственное движеніе среди нихъ нашло свое выраженіе въ появившейся къ этому времени періодической печати и, если не очень-то многочисленныхъ, но расходящихся въ довольно значительномъ числѣ экземпляровъ изданій на родномъ языкѣ. Патріотизмъ этого небольшого отпрыска славянскаго племени возбуждаетъ, повстинѣ, удивленіе въ постороннемъ наблюдателѣ; изумляешься, право, какъ это столь маленькая горсть народа, заброшеннаго среди чуждаго ему и враждебно къ нему настроеннаго племени, расчлененнаго при томъ между двумя государствами, могла сохранить свою индивидуальность! Во время моего пребыванія въ столицѣ лужичей, я имѣлъ случай присутствовать на народной сходкѣ, созванной съ цѣлію составленія петиціи о равноправности обоихъ народностей—сербской и нѣмецкой: я былъ пораженъ необыкновеннымъ единодушіемъ, царствовавшимъ въ собраніи, и даже признаю значительной политической зрѣлости. Я поселился въ зданіи капитулы-занимаемомъ епископомъ и его четырьмя канониками (по нашему, протоіерех—члены консисторіи). Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ отправиться на свадьбу его родственника въ родномъ его селѣ. Это была свадьба крестьянская. Не смотря на то, что крестьяне-лужичане поддались вполне влиянію нѣмецкой культуры, что проявляется, конечно, во всей бытовой обстановкѣ народа, все-таки въ домашнемъ обиходѣ сохранилось много обычаевъ, чисто славянскихъ, сохранилось славянское гостепріимство и славянскія душевные народные пѣсни, обрядность свадьбы дышала славянскимъ духомъ. Я свелъ знакомство съ покойнымъ нынѣ Смоляромъ, тогда еще молодымъ кандидатомъ на пастора, но сдѣлавшимся впоследствии знаменитымъ лужицко-сербскимъ литературнымъ дѣятелемъ. Въ сопровожденіи Смоляра и еще одного молодого проповѣдника соборнаго храма, я посѣтилъ всѣ достопримѣчательности города и ближайшихъ къ нему окрестностей, навѣщая безъ всякаго различія какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. До чего вообще доходитъ согласіе между населяющимъ край католиками и протестантами, доводящими въ другихъ земляхъ свои раздоры до непримиримой вражды, видно изъ того, что кафедральный соборъ, храмъ величественный, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ готическаго зодчества, принадлежитъ безраздѣльно обоимъ вѣроисповѣ-

даніямъ: какъ тѣ, такъ и другіе въ опредѣленные дни совершаютъ въ немъ свое богослуженіе. И я воспользовался господствующей въ этомъ храмѣ вѣро-терпимостью и отслужилъ въ немъ обѣдню по греко-славянскому обряду. Она произвела весьма большое впечатлѣніе какъ на католиковъ, такъ и на протестантовъ. Когда-же послѣдніе отъ меня узнали, что у насъ дуоверенство женато и что св. причастіе совершается подъ двумя видами, то они стали твердить со всѣхъ сторонъ:

— «Вотъ къ такой церкви и мы бы не прочь присоединиться»¹⁾.

XXII.

Волпенія въ Дрезденѣ.—Высокопоставленный любитель славянскаго обряда.—Баррикады.—Перестрѣлка съ войсками.—Арестъ.—Грубое обращеніе пьяныхъ солдатъ.—Бакунинъ.—Освобожденіе изъ тюрьмы послѣ мѣсячнаго заключенія.

Пробывъ въ Будишинѣ десять дней, я возвратился обратно въ Дрезденъ и сталъ дожидаться разрѣшенія мнѣ отправиться въ Австрію. Однако, Промыслъ Божій расположилъ иначе. Уже кончался мѣсяцъ моего тамъ пребыванія, когда сталъ распространяться повсюду слухъ о предстоящемъ я здѣсь революціонномъ движеніи. Между зачинщиками былъ и извѣстный Бакунинъ, который старался привлечь къ участию въ мятежѣ и находившихся здѣсь польскихъ эмигрантовъ. Они собрались на совѣщаніе и меня пригласили туда. Откровенно я высказалъ имъ свое мнѣніе. Оно заключалось приблизительно въ слѣдующее: вообще я противникъ всякаго революціоннаго движенія, но въ настоящемъ случаѣ не вижу никакой разумной причины вѣѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ изъ всего этого не выйдетъ никакой пользы для польскаго дѣла; да и было-бы со стороны польскихъ эмигрантовъ большою неблагодарностью принимать участіе въ мятежѣ противъ правительства, пріютившаго ихъ у себя и позволившаго имъ жить въ краю свободно и безопасно; наконецъ, нѣтъ никакой надежды на успѣхъ революціи, такъ какъ, даже въ случаѣ неспособности здѣшняго правительства справиться съ мятеженъ собственными силами, чрезъ нѣсколько часовъ придутъ по жалѣзной дорогѣ прусскія или австрійскія войска и подавятъ вспыхнувшій мятежъ. Моя рѣчь

¹⁾ Редакторъ этихъ записокъ имѣлъ случай быть въ Будишинѣ въ 1862 г., тринадцать лѣтъ спустя, но не нашелъ почти никакой перемѣны противъ изображаемыхъ авторомъ бытовыхъ чертъ сербо-лужицкаго народа. Въ настоящее время (1889 г.), къ сожалѣнію, народное развитіе этого симпатичнаго славянскаго народа пошло вспять подъ вліяніемъ побѣдоносныхъ войнъ, утвердившихъ германское единство, и извѣстныхъ бисмарковскихъ мѣръ къ вынородовленію иноземныхъ окраинъ Германіи.

подѣйствовала на поляковъ настолько, что они рѣшились не принимать участія въ мятежѣ; только двѣ или три болѣе горячія головы не выдержали и вѣшались въ вспыхнувшіе вскорѣ послѣ этого беспорядки. Тѣмъ не менѣе, никому не было извѣстно время, когда долженъ быть поданъ сигналъ къ началу мятежнаго движенія.

Въ это время случилось со мною не безынтересное приключеніе. По случаю, не помню уже какого, праздника, я служилъ обѣдню. Придворная церковь была совершенно пуста; я замѣтилъ только одного довольно скромно одѣтаго человѣка, съ большимъ любопытствомъ слѣдившаго за богослуженіемъ; я принялъ его за обыкновеннаго прихожанина Дрездена, видѣвшаго въ первый разъ греко-восточную литургію, отправляемую на непонятномъ для него славянскомъ языкѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ я объяснилъ себѣ его любопытство. Послѣ обѣдни, когда я въ рязицѣ снималъ съ себя священныя одежды, этотъ господинъ подошелъ во мнѣ подѣ благословеніе и сказалъ по французски, что ему очень пріятно видѣть греко-славянское богослуженіе. Сказавъ это, онъ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. Мнѣ не пришло въ голову спросить его о томъ, кто онъ, и на пути къ нему я постоянно къ нему обращался «vous, monsieur». Онъ ведетъ меня въ королевскій дворецъ; тогда мнѣ пришло въ голову, что это кто-нибудь изъ придворныхъ чиновниковъ, да и то низшихъ. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что лакеи въ королевской формѣ, съ знаками величайшей почтительности, распахнули дверь въ королевскія комнаты и внесли на серебряномъ подносѣ золотой и серебряный кофейный приборъ съ королевскими гербами. Личность хозяина поднималась сразу неизмѣрно выше: я его сталъ принимать за какого-нибудь министра или вообще какое-нибудь приближенное къ королю лицо, и сталъ его титуловать «Excellence». Мое удивленіе еще увеличилось, когда онъ мнѣ сказалъ, что хорошо знаетъ наше богослуженіе, любитъ его, знакомъ съ славянскою грамотой, что онъ въ окрестностяхъ Дрездена имѣетъ свою дачу съ домашнею церковью и что онъ желалъ-бы взять меня туда съ собою отслужить литургію, «Вѣрую» же и «Отче нашъ» онъ будетъ читать самъ по славянски. Я посмѣшилъ съ своей стороны выразить готовность явиться къ нему по первому требованію. Все время я чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: такъ-таки я не нашелся спросить его объ его званіи. Напившись кофе, я откланялся. Только пройдя нѣсколько комнатъ, я могъ спросить придворнаго служителя, кто таковъ мой недавній хозяинъ, и узналъ, что это владѣтельный герцогъ Пармы, Лукки и Пачензы Карлъ II Бурбонскій, родственникъ саксонскаго короля, выѣхавшій изъ своихъ владѣній въ Дрезденъ по случаю недавнихъ политическихъ событій въ Италіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ, отказавшись отъ престола въ пользу своего сына, устроилъ въ своемъ дворцѣ въ Луккѣ весьма изящную домашнюю церковь, въ которой совершалось богослуженіе по греко-славянскому

обряду приглашеннымъ изъ Венгріи священникомъ, самъ-же онъ неизмѣнно присутствовалъ при каждомъ богослуженіи. Больше я уже не имѣлъ случая встрѣчаться съ герцогомъ, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней вспыхнулъ мятежъ.

Жилъ я все время въ домѣ, выходившемъ на площадь Юнгфрау, на квартирѣ у экипажного мастера, поляка, принявшаго саксонское подданство. Какъ-то разъ возвращаясь изъ церкви, зашелъ я въ мастерскую хозяина, чтобы взять ключъ отъ моей комнаты. Хозяинъ былъ навеселѣ и надѣвалъ какъ-разъ мундиръ національнаго гвардейца. Я посмотрѣлъ на него вопросительно; тогда онъ обратился ко мнѣ со словами:

— «Благослови, батюшка! иду драться!»

— Да куда и съ кѣмъ? спрашиваю его.

— «Нашъ революція необходима, положеніе наше невыносимо!»

— Не дурачься, братъ! — говорю ему. Богъ далъ тебѣ кусокъ хлѣба. Сиди смиренно и благодари Господа за Его дары!

— «Нѣтъ; намъ необходимо драться!» сталъ онъ кричать.

— Ну, хорошо! отвѣчалъ я, если ужъ нѣмцамъ вздумалось сумасбродничать, то пусть себѣ сходятъ съ ума и бѣснуются; при чемъ же ты тутъ? Твое дѣло сторона! Тебя правительство пріютило, дало извѣстныя права: мой совѣтъ сидѣть смиренно и не показывать носа. — Но онъ твердилъ все свое. Видя, что съ пьянымъ человекомъ не поладишь, я ушелъ къ себѣ. Въ эту минуту поданъ былъ сигналъ къ возстанію, и на другой сторонѣ площади, какъ разъ противъ моихъ окошекъ, стали строить баррикады на улицѣ, ведущей къ центру города. Мой хозяинъ выбѣжалъ на улицу, сталъ неистово шумѣть и виѣшался въ толпу возставшихъ. Такъ онъ не возвращался два дня; должно быть, онъ, видя неусиѣхъ мятежа, куда-нибудь скрылся. Между тѣмъ, мятежники воздвигли баррикады на всѣхъ улицахъ, ведущихъ внутрь города. Войска заняли нашу площадь и стали перестрѣливаться съ скрывавшимися за баррикадами мятежниками. Двѣ пули попали чрезъ окошко и въ мою комнату. Я рѣшился не выходить изъ дому до тѣхъ поръ, пока не прекратятся беспорядки. Товарищемъ моего добровольнаго заключенія былъ уніатскій іеромонахъ Василевскій, бѣжавшій изъ холмскаго края, который съ самаго начала беспорядковъ пріютился у меня и не пожелалъ уже больше уходить. По всѣмъ вѣдѣностямъ, начатое движеніе не могло развиться тамъ, какъ предполагали зачинщики. Мятежники, очевидно, рассчитывали на участіе простаго народа изъ окрестныхъ къ городу селеній; но въ этомъ отношеніи ихъ постигло полное разочарованіе. Напрасно звонъ, похожій на нашъ похоронный, призывалъ день и ночь къ оружію; — никто не являлся. Впрочемъ, помощь явилась на второй или на третій день, но не къ истерично ожидавшимъ ея мятежникамъ! Вступило въ городъ прусское войско, часть кото-

раго расположилась и на нашей площади. Перестрѣлка все продолжалась, хотя не съ прежней энергіей.

Наконецъ, сидѣть все безвыходно въ своей комнатѣ показалось тягостнымъ, и у меня явилась мысль уѣхать въ Будишинъ, чтобы тамъ переждать бурное время. Для этой цѣли нужно было запастись выпускнымъ билетомъ отъ военнаго начальства, взявшаго въ свои руки управленіе городомъ. Поэтому я предложилъ своему сожителю Василевскому отправиться въ городъ за этимъ пропускомъ. Сначала онъ отбивался подъ предлогомъ незнанія нѣмецкаго языка, но потомъ согласился. Въ его отсутствіе вбѣгаетъ ко мнѣ одинъ молодой полякъ и вдругъ за нимъ врывается саксонскій офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Онъ направляется прямо ко мнѣ и спрашиваетъ, кто я и откуда? Осмотрѣвши выданный мнѣ полиціей видъ, онъ велѣлъ сдѣлать обыскъ. Тщательно онъ осмотрѣлъ мой чемоданъ, перерывъ всѣ вещи, но не нашелъ ничего подозрительнаго. Въ стѣнѣ моей комнаты былъ шкафъ, въ которомъ мой хозяинъ держалъ свои вещи, храня ключъ при себѣ, что я, впрочемъ, сейчасъ-же объяснилъ офицеру. Онъ велѣлъ разбить шкафъ, и тамъ среди различнаго хлама оказалось небольшое количество ружейнаго пороку. Онъ потребовалъ отъ меня объясненія, на что я возразилъ, что я не зналъ, что хранится въ шкафу, такъ какъ мнѣ ключъ отъ него не давали. Возбудила-ли моя вѣншность, гражданское платье, съ длинной бородой, признакомъ, по тогдашнему мнѣнію, настоящаго революціонера, въ умѣ офицера подозрѣніе противъ моей личности, или, можетъ быть, то обстоятельство, что молодой человѣкъ искалъ у меня убѣжища, показалось ему вообще страннымъ, теперь рѣшать не берусь; достаточно того, что онъ грубымъ голосомъ приказалъ намъ обоимъ слѣдовать за собою. Солдаты окружили насъ и повели въ арсеналъ. Не чувствуя за собой никакой вины, я былъ увѣренъ, что меня сейчасъ-же отпустятъ, почему не взялъ ничего съ собою. Насъ привели въ арсеналъ, отстоявшій недалеко отъ площади Юнгфрау, и велѣли войти въ большой залъ. Въ залѣ построили солдатъ полукругомъ, а насъ разиѣстали посрединѣ. Самъ офицеръ отошелъ въ уголъ залы и сталъ тамъ разсуждать о чемъ-то съ группою офицеровъ. Мнѣ разсказывали о многихъ случаяхъ убійства въ эти дни солдатами людей, ни въ чемъ не повинныхъ, захваченныхъ гдѣ-нибудь на улицѣ, безъ всякаго допроса и суда. Я полагалъ, что это можетъ случиться и со мною, я вынулъ изъ кармана наперсный крестъ съ св. мощами и сталъ готовиться къ смерти.

Но Богъ пощадилъ и не допустилъ погибнуть грѣшнику безъ покаянія. По командѣ офицера насъ снова окружили солдаты и повели дальше. Мы очутились на каменномъ мосту чрезъ Лабу (Эльбу), который, какъ и всѣ выходившія къ нему улицы, былъ наполненъ солдатами, большею частью, пьяными. Увидѣвши насъ, они бросились на насъ, стали бить, чѣмъ попало.

Первый ударъ я получилъ кулакомъ въ лицо; этотъ ударъ былъ столь сильный, что у меня помутилось въ глазахъ. Я не сознавалъ, гдѣ я и что со мной дѣлается; только помню, что какой-то кавалеристъ подбѣжалъ ко мнѣ съ поднятой саблей и если бы находившійся подлѣ насъ офицеръ не оттолкнулъ его руки, то онъ навѣрное покончилъ-бы со мною, и безъ того сабля просвистала мимо моего уха. Ковнонующіе насъ солдаты не очень-то за насъ заступались, и удары кулаками и прикладами такъ и сыпались на насъ. Наконецъ, мы кое-какъ перебрались черезъ мостъ и, провожаемые свистками и враждебными криками окружавшей насъ толпы солдатъ, кое-какъ достигли тюрьмы, находившейся по той сторонѣ Лабы. Съ трудомъ только удалось запереть за нами ворота предъ бушевавшими и врывавшимися туда солдатами. Въ корридорѣ подбѣжалъ ко мнѣ какой-то офицеръ, схватилъ за грудь и сталъ толкать объ стѣну, крича: „verfluchter Pfaff (попъ)! Вотъ тебѣ!“ Я сталъ Бога призывать во свидѣтели своей невинности, увѣряя его, что я готовъ подвергнуться какому-угодно наказанію, если противъ меня будетъ что-нибудь найдено. Въ отвѣтъ на это онъ ударилъ меня кулакомъ въ шею и толкнулъ чрезъ двери въ тюремный дворъ. При этомъ онъ велѣлъ сторожу меня держать строже другихъ. И дѣйствительно, сторожъ буквально исполнялъ его приказаніе, за все время моего пребыванія въ тюремномъ, такъ называемомъ, маломъ дворѣ. Когда появился тюремщикъ, то онъ обыскалъ меня весьма тщательно, при чемъ забралъ наперсный крестъ, часы, кошелекъ съ нѣсколькими франками и даже карманный платокъ. Послѣ обыска онъ отвелъ меня въ третій этажъ и похѣстилъ въ небольшой камерѣ. Онъ сейчасъ-же ушелъ, заперевъ за мною на-крѣпко двери. Все убранство моей камеры состояло изъ наръ съ соломеннымъ тюфякомъ, небольшого столика, стула и кувшина съ водой. Окошко было заколочено досками и только сверху пропускало слабый свѣтъ. На слѣдующій день пришелъ тюремщикъ, велѣлъ мнѣ идти за водою, но на мои вопросы ничего не отвѣчалъ. Въ полдень онъ принесъ блюдо какой-то до такой степени грязно и невкусно приготовленной пищи, что я, не смотря на голодъ, не могъ взять ничего въ ротъ, даже нельзя было отрѣзать и куска хлѣбной корки. На пятый день явился тюремщикъ и велѣлъ взять шляпу, чтобы идти за нимъ, не удостоивъ меня отвѣтомъ на мой вопросъ о продолжительности заключенія. Меня отвели въ тюремный дворъ. Въ дворѣ стояло уже нѣсколько человѣкъ, взятыхъ на баррикадахъ; они были окружены солдатами и довольно многочисленной толпой народа, приветствовавшей каждого проводимаго плѣннаго визгомъ и разными насмѣшками. Насъ отвели въ другую тюрьму, — военную, и разлѣстили по камерамъ. Здѣсь было не много лучше; тюремщикъ былъ вѣжливѣе, да и пища была лучше. На второй или на третій день послѣ перемѣщенія въ эту тюрьму, пришелъ офицеръ и заговорилъ со мною по французски. Я ему представилъ

свое бѣдственное положеніе, выставляя ему на видъ, что меня держать нѣсколько дней безъ всякаго допроса и притомъ невинно, такъ какъ я въ нитежѣ совсѣмъ не причастенъ, — что я не нѣмъ съ собою ни молитвослова, чтобы Богу помолиться, ни бѣлья, чтобы переодѣться. Тогда онъ мнѣ посоветовалъ написать главнокомандующему Ширдинау съ изложеніемъ моего дѣла и, при томъ, вручилъ мнѣ карандашъ и лоскутокъ бумаги. Воспользовавшись его любезностію, я изложилъ вкратцѣ на этомъ лоскуткѣ просьбу о скорѣйшемъ снаряженіи слѣдствія и освобожденіи меня, какъ ни въ чемъ не повиннаго. Записку я передалъ тутъ-же офицеру. Вечеромъ того-же дня входитъ ко мнѣ тюремщикъ съ фонаремъ и пригласилъ меня одѣться. Я обрадовался, думая, что мое прошеніе уже возымѣло свое дѣйствіе; но не тутъ-то было! я уже былъ одѣтъ, собравшись совсѣмъ уходить, когда тюремщикъ, стѣсняясь какъ будто, сказалъ: «извините, пожалуйста; мнѣ приходится исполнить требованіе закона: я долженъ васъ заковать въ кандалы!»

— «Дѣлаете, что вамъ велятъ!» былъ мой отвѣтъ. Онъ принесъ желѣзные кандалы и, наложивъ ихъ мнѣ на лѣвую руку и на правую ногу, повелъ меня во дворъ. Ночь была темная, но при свѣтѣ фонарей я разглядѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, окруженныхъ солдатами, и, подобно мнѣ, закованныхъ въ кандалы. Между ними обращалъ на себя вниманіе здоровый малый съ окладистою бородою; черты его лица напоминали русскаго человѣка и шинель была русскаго покроя. Подъ сильными конвоемъ насъ отвели въ городскую тюрьму и, снявъ кандалы, разлѣстали по камерамъ. Мнѣ пришлось сидѣть въ одной камерѣ съ двумя нѣмцами: одинъ изъ нихъ былъ членомъ революціоннаго триумвирата, стоявшаго во главѣ всего движенія, по фамиліи Стеймперъ, а другой—какой-то адвокатъ. Они мнѣ рассказывали о событіяхъ, сопровождавшихъ послѣднюю революціонную вспышку, и также сообщили о томъ, что въ нашей партіи былъ полковникъ Гайнце, главнокомандующій военными силами нитежа, и русскій революціонеръ Бакуининъ. Послѣднимъ оказался то-же самое лицо, которое обратило на себя мое вниманіе оригинальностью фізіономіи и костюма. На слѣдующій день меня перевели въ другую камеру, гдѣ помѣстили съ двумя простыми ворами. Признаться, они относились ко мнѣ съ уваженіемъ и я воспользовался своимъ тамъ пребываніемъ, чтобы нѣтъ толковать священное писаніе. Черезъ три дня, т. е. на девятый день моего заключенія, меня въ первый разъ позвали къ допросу. Въ свидѣтели я пригласилъ двухъ латинскихъ священниковъ, каноника Мильде и Келлермана. По снятіи съ меня допроса, слѣдователь сообщилъ мнѣ, что и чрезъ день или два буду отпущенъ на волю. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ меня перевести въ болѣе приличную камеру, разрѣшилъ мнѣ свой столъ, переѣхать бѣлье, получать книги, сигары и зажигать свѣчку. Въ этой камерѣ я нашелъ выше упомянутаго полковника Гайнце и чиновника изъ Пирны, нѣкоего Сольмана.

Однако, обѣщаніе судебнаго слѣдователя не сбылось. Меня продолжали держать въ тюрьмѣ, не смотря на отсутствіе какихъ-бы то ни было уликъ, свѣдѣтельства сосѣднихъ съ моею квартирою жильцовъ и поименованныхъ свѣщенниковъ. Не помогло мнѣ даже заступничество самого епископа, совѣтника австрійскаго посольства гр. Гоце, и даже французскаго посланника. Гражданскій судъ постановилъ меня отпустить на волю, но военное начальство, въ рукахъ котораго находилась въ это время вся власть, не выпускало меня изъ тюрьмы. Конечно, это объясняется осажденнымъ положеніемъ, въ которомъ находился городъ Дрезденъ, и той путаницей, въ которой очутилось саксонское правительство послѣ революціи; въ такія времена очень часто невинные погибаютъ вмѣстѣ съ виновными. Матеріальное мое положеніе, къ счастью, значительно улучшилось: каноникъ Мильде, сдѣлавшись для меня истиннымъ благодѣтелемъ, снабжалъ меня чрезъ тюремщика всѣмъ необходимымъ. Спустя нѣсколько дней, меня отвели подъ конвоемъ шести солдатъ, зарядившихъ на мои глаза ружья, въ военный судъ и тамъ, послѣ обычныхъ допросовъ о моей личности и происхожденіи, предъявили мнѣ какія-то бумаги и спросили, мои-ли онѣ? На мой отрицательный отвѣтъ аудиторъ (военный слѣдователь) говорить: «Пересмотрите ихъ хорошенько: это бумаги Терлецкаго; дѣло идетъ о наслѣдствѣ въ Галиціи!»

— «Я родомъ изъ Россіи, и въ Галиціи родственниковъ у меня нѣтъ!»

— «Тѣмъ не менѣе просмотрите бумаги!»

Я взялъ ихъ въ руки и сталъ просматривать. Оказалось, что это дѣйствительно бумаги Терлецкаго. Между этими бумагами я нашелъ отставку этого Терлецкаго, бывшаго полковника французскихъ войскъ, написанную на французскомъ языкѣ, но еще съ 1814 года.

— Вотъ вамъ доказательство, что это не мои бумаги! Въ 1814 году я не могъ быть полковникомъ французской службы, такъ какъ мнѣ тогда было только шесть лѣтъ.— Это показалось слѣдователю вполне убѣдительнымъ, и онъ велѣлъ меня отвести опять въ тюрьму. Чрезъ нѣсколько дней меня опять привели туда тѣмъ-же порядкомъ, и послѣ обычныхъ разпросовъ представили мнѣ какого-то человѣка. Слѣдователь спросилъ его, показывая на меня, тотъ-ли это? Незнакомый отвѣтилъ, что у того не было бороды. Меня опять отвели въ тюрьму. Наконецъ, на 33-й день моего заключенія, 27-го мая мѣсяца, получило распоряженіе коменданта города освободить меня, но съ тѣмъ, чтобы я въ 24 часа оставилъ Дрезденъ, а въ 48 Саксонію. Это было крайнее время, такъ какъ я ослабъ совершенно тѣломъ и пагъ, къ тому еще, духомъ. За мной заѣхалъ каноникъ Мильде и мы отправились получать вещи, сданные при поступленіи въ тюрьму. У меня оказалось всего-на-всего 20 франковъ, и я былъ въ отчаяніи, вслѣдствіе неимѣнія средствъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Тогда добрый каноникъ сказалъ: «Не отчаивайся: Богъ послалъ деньги! У меня есть для тебя 800 франковъ».

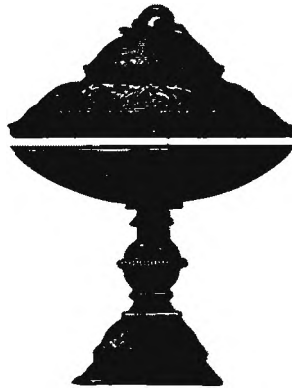
— «Откуда это?» спрашиваю.

— «Иностранцы, твои знакомые, которымъ велѣно было выѣхать изъ города, узнавши о твоёмъ заключеніи, собрали кто 50, кто 100 фразковъ, и, такимъ образомъ, составилаь сумма въ 800 фр.». Поблагодаривъ Бога и добрыхъ людей, я въ тотъ-же день уѣхалъ изъ Дрездена.

Архимандритъ Вл. Терлецкій.

Сообщ. Л. Лопатинскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

XXIII ¹⁾).

Отъѣздъ на воды въ Спа.— Рулетка.— Шансы игры съ благотворительною цѣлью.— Графиня Киселева и ея страсть къ карточной игрѣ.

Нсчитанныя мною нравственныя потрясенія и неудобства тюремнаго судѣнія потрясли совершенно мое здоровье; поэтому я рѣшился отправиться на знаменитыя бельгійскія воды Спа, чтобы, принимая желѣзистыя ванны, поддержать свой ослабѣвшій организмъ. Въ Спа я встрѣтилъ нѣсколько семействъ, близко мнѣ знакомыхъ по Дрездену, а именно гр. Потоцкихъ, Понятовскихъ и другихъ. Спа числится селомъ, но въ дѣйствительности смотритъ значительнымъ городомъ: онъ застроенъ сплошными двухъ и трехъ-этажными домами, съ площадями и прекрасно содержимыми улицами. Въ латинскомъ костелѣ я служилъ по воскресеньямъ обѣди по греко-славянскому обряду, имѣя священныя одежды и Богослужбныя книги съ собою. Однажды пришли Понятовскіе отслушать обѣдню, но опоздали. Въ притворѣ они спрашиваютъ нищаго, служилъ-ли уже бородатый священникъ обѣдню?

— «Агъ, этотъ еврейскій священникъ? Да, онъ отслужилъ уже и ушелъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 1—26; сентябрь, стр. 559—578; изд. 1891 г. іюнь, стр. 581—601.

домой!» Въ главахъ нишаго борода сдѣлала меня евреемъ. Впрочемъ, этотъ взглядъ раздѣлялся и другими простолюдинами, что не очень-то хорошо свидѣтельствуешь о знаніи католическими массами христіанскаго ученія и установившихся въ церкви обычаевъ.

Въ Ела въ то время процвѣтала рулетка. Любопытство завело меня однажды въ игорный домъ. Въ залѣ стоялъ недалеко отъ стѣны длинный столъ, у котораго сидѣлъ содержатель банкъ съ машинкою—рулеткою. Доска, по которой бѣжалъ кругомъ выбрасываемый машиною шарикъ, была окрашена на половину черной, а на половину красною краскою съ многими на ней нумерами. Отъ того, гдѣ задерживался шарикъ, зависѣлъ выигрышъ или проигрышъ. Подлѣ содержателя сидѣли съ одной и другой стороны по два человѣка. Первые два имѣли предъ собою кучи золота, серебра и бумажныхъ денегъ; ихъ дѣло было уплачивать выигравшимъ, каждый на своей половинѣ стола, такими-же деньгами, какія кто изъ игроковъ ставилъ. Другіе два держали въ рукахъ небольшія кочерги, которыя, однако, были настолько длинны, что ими можно было достать до края стола; они наблюдали за проигрывающими, и, каждый, съ своей стороны стола, загребалъ этими кочергами деньги. Все прочее пространство вокругъ стола занято было игроками. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за движеніемъ шарика. Казалось, весь интересъ ихъ жизни сосредоточивался на этой игрѣ; это было видно по лихорадочному блеску глазъ, по раскраснѣвшимся щекамъ и по нервному вздрагиванію всего тѣла.

Однажды я обѣдалъ у гр. Потоцкаго. Сейчасъ же послѣ обѣда является гр. Ксаверій Браницкій и обращается къ дочери Потоцкаго съ просьбою поставить на рулетку 2,500 франковъ отъ его имени. Она отказалась ставить столь значительный кушъ. Когда же и другіе, къ которымъ обращался Браницкій, не соглашались взяться за это дѣло, я обратился къ нему съ слѣдующими словами: «На свѣтѣ много бѣдныхъ и несчастныхъ, даже между вашими соотечественниками, которымъ-бы этими деньгами можно осушить слезы! Какъ вамъ не тяжело, графъ, пускать такую сумму на вѣтеръ?»

«Ужъ вы не можете обойтись безъ обычныхъ правоученій! Какъ-бы то ни было, я рѣшился играть на эти деньги: я ихъ заработалъ на лошадей, проданныхъ Наполеону. Если никто не хочетъ ставить, то я самъ поставлю. Но чтобы вамъ завязать ротъ, то, въ случаѣ выигрыша, ставку и весь выигрышъ я передамъ вамъ для раздачи бѣднымъ. Довольны-ли вы?»

— «Нѣтъ—отвѣтъ я—хотя послѣднее ваше слово умнѣе перваго. Да, вѣдь, какая польза для бѣдныхъ въ случаѣ, если вы проиграете?»—«Я рѣшился играть во чтобы то ни стало! Но такъ какъ вы такъ ненасытны, то вотъ все послѣднее слово: если я выиграю, то все отдамъ бѣднымъ, а въ случаѣ проигрыша, отдаю на бѣдныхъ 2500 фр., довольны вы теперь?»—«Еще не совсѣмъ; лучше бы вамъ было не играть вовсе, а эти 2500 фр. отдать бѣднымъ!» Но снѣ не хотѣлъ ничего слышать объ этомъ, всталъ и ушелъ въ

игорный домъ. За нимъ пошли всѣ присутствующіе. Спусти четверть часа, они возвратились и на мой вопросъ, какъ пошло дѣло, сказали въ отвѣтъ: «какъ вы предсказали! Графъ поставилъ деньги; пустили въ ходъ машинку, загребли всѣ деньги и даже спасибо не сказали!» Вскорѣ послѣ этого пришелъ и самъ Браницкій и выбросилъ на столъ, у котораго я сидѣлъ, 250 наполеондоръ. Я поблагодарилъ внемлемъ бѣдныхъ и сейчасъ отсчиталъ 100 фр. приходскому священнику для мѣстныхъ бѣдныхъ. Остальные деньги я роздалъ нуждающимся по лакамъ въ Брюсселѣ и Парижѣ, требуя отъ каждого росписку, которыя я послѣ представилъ въ Парижѣ графу. Только 200 фр. а, съ его позволенія, удержалъ на изданіе брошюры: *Slowo rusina do wszej braci szezepu slowiańskiego* (слово русскаго ко всѣмъ братьямъ славянскаго племени), о которой рѣчь впереди.

Въ Спа я встрѣтилъ также графиню Киселеву, урожденную Потоцкую, женщину пожилую и весьма богатую. Мужъ ея былъ, если не ошибаюсь, русскій посланникомъ въ Парижѣ; но не знаю, по какой причинѣ онъ съ ней разошелся. Киселева была извѣстная картежница. Пристрастившись къ рулеткѣ, она въ одну недѣлю проиграла 30,000 фр. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился, при встрѣчѣ на бульварѣ, ей замѣтить, что грѣшно зря бросать деньги, посредствомъ которыхъ можно-бы принести много добра. На мое замѣчаніе она сказала въ отвѣтъ: «да, это правда; mea culpa!» — «Лучше было — возразилъ я — сказать себѣ mea culpa до игры, и не играть вовсе; деньги пригодились-бы для бѣдныхъ!» — Однако, мои слова не подѣйствовали на скупую старуху, проигрывавшую равнодушно за карточнымъ столомъ значительныя суммы. Деньги она держала всегда при себѣ. Какъ рассказывали всѣ знавшіе ее близко, она имѣла обыкновеніе носить при себѣ всѣ свои капиталы, что-то около двухъ милліоновъ франковъ банкowymi билетами и процентными бумагами. До чего доходила ея страсть къ игрѣ, лучше всего характеризуетъ слѣдующій забавный случай. Собравшись на поклоненіе Святыхъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ, она по дорогѣ заѣхала въ Римъ, чтобы испросить благословенія у папы. Папа зналъ объ ея слабости, и, желая возбудить въ ней склонность къ благотворенію, взялъ съ нея обѣщаніе никогда не садиться за карточный столъ. Не долго думая, она дала требуемое обѣщаніе. Страсть къ игрѣ оказалась, однако, сильнѣе даннаго обѣщанія. Долго она боролась сама съ собою. Наконецъ, она не выдержала, найдя исходъ въ чисто іезуитской уловкѣ; она точно не садилась за карточный столъ, но играла стоя!

XXIV.

Жизнь генерала Скржинецкаго въ Брюсселѣ. — Лелевель и знакомство съ нимъ. — Отъѣздъ въ Парижъ.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Спа, я совершенно пришелъ въ себя и окрѣпъ здоровьемъ. Рѣшившись возвратиться въ Парижъ, я отправился сперва въ Брюссель. Въ Брюсселѣ я остановился у генерала Скржинецкаго. — Скажу нѣсколько словъ объ этомъ выдающемся дѣятелѣ возстанія 1830—1831 гг. Мятежъ засталъ его полковникомъ, но вскорѣ выдвинулъ въ главнокомандующіе. Однако, послѣ неудачнаго сраженія при Остроленкѣ и приближенія русскихъ войскъ къ Варшавѣ, демократическая партія вознегодовала противъ главнокомандующаго и заставила его, равно какъ и главу тогдашняго революціоннаго польскаго правительства кн. Чарторыйскаго, спасаться бѣгствомъ. Послѣ усмиренія мятежа, Скржинецкій жилъ эмигрантомъ въ Галиціи, но когда въ 1839 году возникли недоразумѣнія между Бельгіею и Голландіею, и даже между обѣими этими странами, которыя до іюльской революціи были соединены въ одно королевство, угрожала вспыхнуть война, то бельгійское правительство пригласило его генераломъ en chef своихъ войскъ. Вскорѣ между обѣими странами послѣдовало примиреніе; тогда бельгійское правительство, кажется, въ слѣдствіе протеста Россіи, зачислило его въ запасъ съ оставленіемъ ему чина и жалованья. Ревностный папистъ, рьяный противникъ православія, врагъ всякой вѣротерпимости, Скржинецкій видѣлъ спасеніе человечества только въ латинствѣ, уніатство же онъ допускалъ только какъ временно терпимое зло, о чемъ у насъ бывали горячія препирательства. Политическимъ его идеаломъ была аристократическая монархія; поэтому онъ ненавидѣлъ демократическую партію и всѣхъ ея поклонниковъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ честный и добрый. Одно, въ чемъ его можно было упрекнуть, это его довѣрчивость, поэтому онъ часто попадался на удочку, въ особенности, если льстили его самолюбію.

Въ Брюсселѣ проживалъ также Лелевель, ученый польскій историкъ, бывшій профессоръ варшавскаго университета, одинъ изъ главныхъ вожаковъ демократической партіи и членъ революціоннаго правительства послѣ паденія Чарторыйскаго. Онъ велъ весьма простой образъ жизни, согласно своимъ политическимъ убѣжденіямъ: жилъ въ маленькой комнатѣ надъ кофейней, ходилъ въ блузѣ, какъ настоящій ouvrier и столовался въ трактирѣ, посѣщаемомъ рабочими. Однажды съ нимъ случилось слѣдующее приключеніе. Странствуя по Бельгіи пѣшкомъ съ ранцемъ на плечахъ, онъ гдѣ-то на пути наткнулся на конныхъ жандармовъ; тѣ у него потребовали вида, котораго при немъ не было. На вопросъ о фамиліи и званіи, онъ назвалъ себя и, выѣстъ съ тѣмъ, прибавилъ, что онъ членъ бывшаго польскаго правительства. Жакъ-

дарманъ имя Лелевеля было извѣстно, но его вѣѣшность показалаь имъ несоотвѣтствующей званію. Воображая, что они поймали какого-нибудь опаснаго бродягу, они его взяли между своихъ лошадей и доставили въ ближайшій городъ. Въ счастію, полицейскій чиновникъ, къ которому они его представили, былъ ему лично знакомъ: онъ весьма удивился, увидѣвъ его въ столь не-пріятномъ, но, вѣѣстѣ съ тѣмъ, и забавномъ положеніи. Конечно, его немедленно выпустили.— Я поѣѣтилъ Лелевеля сейчасъ послѣ пріѣѣзда въ Брюссель. Онъ меня принялъ весьма дружелюбно, и, жѣѣлая мнѣ отпѣѣтить визитомъ, спросилъ меня, гдѣ я остановился. Когда, однако, онъ узналъ, что я остановился у Скржинецкаго, онъ сказалъ: «ужъ извините, туда я не пойду; но все-таки пришлю вамъ кое-что для передачи въ Парижъ». Самому быть въ домѣ Скржинецкаго онъ считалъ невозможнымъ, но знакомство съ приверженцемъ аристократической партіи онъ прощалъ мнѣ какъ священнику, самъ котораго требуетъ сношеній съ людьми всевозможныхъ партій и самыхъ противоположныхъ убѣѣжденій.

Еще изъ Спа я писалъ въ Римъ донесеніе о случившемся со мною въ Дрезденѣ и, слѣѣдовательно, о неисполненіи возложенныхъ на меня порученій. Въ отвѣѣтъ я получилъ приказаніе передать папскому нунцію въ Брюссель данныя мнѣ въ Римѣ грамоты, инструкціи и письма къ епископамъ, что я въ точности и исполнилъ.

Потерпѣѣвъ съ этой стороны неудачу, я пришелъ къ тому заключенію, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, нечего и думать о томъ, чтобы дѣѣло о соединеніи церквей, которое я считалъ цѣѣлью моей жизни, можно было направлять изъ Рима. Въ Римѣ революція была въ полномъ разгарѣ; пала импѣѣрѣя убиѣѣжища въ Гаэтѣ, въ предѣѣлахъ Неаполитанскаго королевства; кардиналы разбѣѣжались, кто куда могъ, и, конечно, думали о своей личной безопасности, а не о восточныхъ церквахъ. Въ виду всего этого, мнѣ становилось яснымъ, что Парижъ будетъ самымъ лучшимъ центромъ, откуда можно будетъ дать дѣѣлу о соединеніи церквей желательное направленіе. Итакъ, проживъ недѣѣлю въ Брюсселѣ, я отправился въ Парижъ.

XXV.

Хлопоты по поводу открытія въ Парижѣ семинаріи.—Вооставленіе восточнаго общества.—Воспитанники вновь открываемой семинаріи.—Свенцонъ у Бранникаго и случаи съ Островскимъ.

По прибытіи въ Парижъ, я сейчасъ принялся за исполненіе задуманныхъ мною плановъ. Почва нѣтъ показалась довольно благопріятною къ тому, чтобы возобновить восточное общество; устроивъ же это общество, я не терялъ изъ виду основаніе семинаріи восточныхъ миссіонеровъ, существованіе которой я считалъ необходимымъ для достиженія своихъ цѣлей. Но къ этому требовалось, кромѣ разрѣшенія вышшаго начальства, и довольно значительныя матеріальныя средства. Прежде всего я обратился къ парижскому архіепископу Сибурю (Sibour), въ епаріи котораго я номинально числился. Въ немъ и въ окружающихъ его духовныхъ лицахъ, главнымъ же образомъ въ его племянникѣ, въ капониѣ Сибурѣ, впоследствии викарномъ парижскомъ епископѣ, я встрѣтилъ полное сочувствіе и согласіе на предполагаемое мною открытіе семинаріи. Теперь предсталъ самый неотложный вопросъ о томъ, откуда добыть деньги, необходимыя на нѣмъ поимѣненія для предполагаемаго заведенія, на первоначальное обзаведеніе, устройство домовъ при немъ церкви, содержаніе воспитанниковъ и на другія безотлагательныя нужды?—Существуетъ во Франціи обычай отъ времени до времени говорить проповѣди съ благотворительною цѣлью; это такъ называемыя sermons de charité. Стоящіе во главѣ благотворительныхъ обществъ или богоугодныхъ заведеній обращаются къ какому-нибудь выдающемуся проповѣднику, пользующемуся извѣстностью въ болѣе обширныхъ кругахъ, съ просьбою произнести въ извѣстный день въ посѣщаемой избранною публикою церкви проповѣдь, менѣе или болѣе сооцѣствующую цѣли. Отказовъ въ такихъ случаяхъ почти не бываетъ. Настоятель церкви своевременно извѣщаетъ въ газетахъ и въ расклеиваемыхъ на улицахъ объявленіяхъ, что такой-то проповѣдникъ въ извѣстный воскресный или праздничный день въ такой-то церкви будетъ имѣть проповѣдь съ такою-то благотворительною цѣлью. Въѣхавъ съ тѣмъ, онъ проситъ нѣсколькихъ дамъ изъ вышшаго общества заняться собираніемъ пожертвованій. Согласившись, свѣтлыя разсылаютъ отъ себя приглашеніе своимъ знакомымъ пожаловать на благотворительную проповѣдь. Отвѣтъ получается обыкновенно съ приложеніемъ пожертвованія никакъ не менѣе пяти франковъ, но обыкновенно болѣе. Такимъ образомъ, дамы-собираательницы уже приходятъ въ костелъ не съ пустыми руками, а очень часто съ туго набитыми кошельками. Тамъ имъ отводятъ болѣе почетное мѣсто, а, по окончаніи проповѣди, церковный швейцаръ отводитъ ихъ къ дверямъ костела, гдѣ онѣ просятъ пожертвованій у всѣхъ выходящихъ. Собранныя пожертвованія, представляющія иногда крупную сумму,

онѣ относятся въ жизнь, гдѣ къ вочають лицамъ, распоряжавшимся устройствомъ проповѣди съ благотворительною цѣлью. Къ этому средству рѣшился и я прибѣгнуть. Въ то время гремѣлъ въ Парижѣ о. Лакордеръ (Lacordaire), доминиканскій монахъ, проповѣдовавшій во всѣ недѣли Великаго поста въ церкви Notre Dame de Paris. Къ нему-то я и рѣшился обратиться, тѣмъ болѣе, что я былъ лично съ нимъ знакомъ. Парижскій архіепископъ вполне одобрилъ мой планъ и даже обѣщалъ съ своей стороны просить Лакордера содѣйствовать моему дѣлу своею проповѣдью. Тѣмъ не менѣе, не мало стоило труда, пока удалось заручиться согласіемъ знаменитаго проповѣдника, въ этомъ отношеніи весьма неподатливаго и отказывавшаго многимъ просителямъ. Проповѣдь онъ назначилъ на Рождественскую недѣлю.

Какъ я сказалъ выше, о. Лакордеръ пользовался весьма громкою извѣстностью: онъ считался первымъ проповѣдникомъ во Франціи. До принятія духовнаго сана, онъ не безъ успѣха подвизался въ адвокатурѣ. Не знаю, по какимъ побужденіямъ онъ рѣшился сдѣлаться священникомъ, а впоследствии даже монахомъ. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе публики своими проповѣдями, отличающимися глубиною мысли, яркостью красокъ, превосходною дикціею и замѣчательнымъ мимическимъ талантомъ. Темой для своихъ проповѣдей онъ выбиралъ вопросы, самые животрепещущіе, волновавшіе въ то время французское общество. Публика, и при томъ самая избранная, ломилась въ церкви, гдѣ обыкновенно раздавался его краснорѣчивый голосъ; но, такъ какъ онъ слишкомъ былъ отзывчивъ на вопросы дня, то и не удивительно, что онъ приходилъ въ столкновеніе не только съ церковными, но и политическими властями. Однако, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Наконецъ, онъ достигъ того, что его выбрали въ члены французской академіи, — однимъ изъ immortels. Костелы на перерывъ добивались чести имѣть его проповѣдникомъ, хотя-бы только одинъ разъ во время четырехдесятиницы; нѣсколько епарій назначили его своимъ почетнымъ каноникомъ. Онъ принадлежалъ къ партіи, основанной аббатомъ де-Ламэнэ, названной либерально-католической, къ которой принадлежали Монталамберъ, де-Фалю, аббаты Жерба, Марэ и много другихъ молодыхъ и способныхъ духовныхъ и мірянъ. Они желали примирить папство съ новыми идеями и стремленіями западно-европейскаго общества. Прогнѣвъ ихъ съ яростію ополчился органъ іезуитовъ L'Univers. Когда же папа осудилъ де-Ламэнэ и отлучилъ его отъ церкви, то партія распалась и всѣ отшатнулись отъ него. Лакордеръ задумалъ воскресить во Франціи монашескій орденъ доминиканцевъ, но Римъ смотрѣлъ на него подозрительно, и, только послѣ двухлѣтняго искуса, такъ называемаго новіціата, онъ былъ постриженъ въ монахи. Руководство же вновь поступающимъ въ новіціатъ ему не рѣшились предоставить; новіціи должны были подвергаться искусу въ Римѣ на глазахъ куріи. Тогда я былъ въ Римѣ студентомъ академіи (колледжіо романо) и познакомился съ Лакордеромъ.

Въ присканіи дамъ-сбирательницъ я встрѣтилъ содѣйствіе въ князѣ Шампаньи де Кадорѣ, бывшемъ при Луи Филиппѣ перомъ (pair) Франціи и казначеемъ нашего восточнаго общества въ Римѣ. Вращаясь въ высшемъ парижскомъ обществѣ, онъ, конечно, безъ особеннаго труда могъ найти нѣсколькихъ знатныхъ дамъ, согласившихся охотно взять на себя эту обязанность.

Такимъ образомъ, вопросъ объ открытіи заведенія приближался къ своему осуществленію. Теперь предстояло только возобновить въ Парижѣ закрывшееся въ Римѣ восточное общество. И въ этомъ дѣлѣ помогъ мнѣ своимъ влияніемъ и своими связями князь Кадорѣ. Для восстановления дѣятельности общества мы совѣстно порѣшили держаться слѣдующихъ основаній: удержать названіе восточнаго и пригласить въ почетные предсѣдатели архіепископа; въ дѣйствительные же предсѣдатели кн. Кадорѣ предлагалъ князя Чарторыйскаго. Тогда я сталъ возражать, что этия избраніемъ мы придадимъ обществу вредный политическій оттѣнокъ; князь оставилъ эту мысль и, на мою просьбу, согласился самъ принять предсѣдательство въ этомъ обществѣ. Само собою разумѣется, что Восточное общество должно было какъ нравственными, такъ и матеріальными средствами поддерживать открываемую семинарію для миссіонеровъ въ предѣлахъ восточныхъ церквей и учреждаемую при ней домовую церковь съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ. Прежде всего надобно было испросить благословеніе на это дѣло папы Римскаго. Съ этою цѣлію я послалъ чрезъ посредство монсиньора Феррари письмо Его Святѣйшеству съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ предпринимаемаго дѣла и съ почтительнѣйшею просьбою благословенія нашего начинанія. Въ полученномъ мною отвѣтѣ монсиньоръ Феррари сообщалъ мнѣ, что, по поводу моего письма, папа изволилъ выразиться, что онъ одобряетъ и благословляетъ всѣ благія начинанія. Хотя этотъ отвѣтъ былъ составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, однако, мы удовлетворились имъ, видя въ немъ одобреніе нашему дѣлу. Тогда парижскій архіепископъ не замедлилъ принять почетное предсѣдательство, взявъ все дѣло подъ свое покровительство. Кн. Кадорѣ выказалъ необыкновенную энергію съ самаго начала: въ концѣ 1849 г. составилъ подъ его предсѣдательствомъ комитетъ, въ который, въ числѣ прочихъ, вошли слѣдующіе члены изъ духовныхъ лицъ: Сибуръ (Sibour), племянникъ архіепископа, а внослѣдствіи викарный епископъ, Марс (Maret), докторъ богословія и профессоръ Сорбонны, Коканъ (Coquand), секретарь архіепископа; изъ мірянъ же слѣдующія лица: баронъ Д'Аврилъ (d'Avril), кн. Адамъ Чарторыйскій, полковникъ графъ Владиславъ Замоискій. Приглашенные предсѣдатели въ члены комитета гр. Есаверій Браницкій отказался, но обѣщалъ содѣйствовать ежегодными денежными взносами. И дѣйствительно онъ давалъ ежегодно 1000 фр. и болѣе; кн. Кадорѣ обѣщался жертвовать на нужды заведенія ежегодно 1000 фр.; кн. Чарторыйскій и гр. Замоискій по 100 фр., а другіе въ разнѣрѣ своихъ средствъ.

Ободренный такимъ успѣхомъ, уже въ началѣ января 1850 года, я объявилъ печатно объ открытіи церкви и заведенія славяно-католическаго. Для ознакомленія французскаго общества, весьма мало знакомаго съ дѣломъ восточныхъ церквей, я сталъ помѣщать въ епархіальной газетѣ статьи соответственнаго содержанія, а комитетъ печаталъ отчеты о своихъ засѣданіяхъ происходившихъ каждый мѣсяцъ въ залѣ архіерейскаго дома.

Во времени открытія заведенія посѣтилъ меня генералъ Быстржано-скій, принимавшій участіе въ мадьярскомъ мятежѣ 1849 г. и только что пріѣхавшій въ Парижъ изъ Царьграда. Пришелъ онъ ко мнѣ съ просьбою принять въ открываемое заведеніе двухъ молодыхъ людей, сыновей галицкихъ греко-уніатскихъ священниковъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ; они-де принимали участіе въ венгерскомъ возстаніи, а послѣ его усмиренія бѣжали вѣстѣ съ другими въ Турцію, теперь же они желаютъ изучать богословскія науки, чтобы сдѣлаться священниками.—Генералъ брался ихъ доставить въ Парижъ, если только я для нихъ добуду французскіе паспорта; касательно ихъ поведенія и нравственности онъ ручался. Я выразилъ свое согласіе на предложеніе генерала и сталъ хлопотать о паспортахъ. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ безъ всякаго труда выдало требуемые паспорта. Немедленно они были отправлены во французское посольство въ Константинополь. Такимъ образомъ, нашлись в воспитанники для иждущей открыться семинаріи.

Среди удачъ приходится весьма часто испытывать всякаго рода несправедливости. Это случилось и со мною. На пасху въ 1850 г. графъ Ксаверій Браницкій, владѣвшій несметными богатствами, пригласилъ къ себѣ на розговѣніе (по польски *свенцонѣ*) всѣхъ болѣе выдающихся эмигрантовъ и немало изъ французской знати, истративъ на это что-то около 30,000 фр. Я долженъ былъ, по его просьбѣ, освятить яства и питія, по русскому обычаю. Это многимъ изъ поляковъ не понравилось. Они были недовольны тѣмъ, что хозяинъ пригласилъ уніатскаго священника, между тѣмъ какъ имѣлись подъ рукою католическіе ксендзы. Этимъ воспользовался Островскій, весьма ѣдкій польскій писатель, редакторъ эмиграціоннаго изданія «Новая Польша» (*Nowa Polska*) и руководитель, составившейся, по инициативѣ послѣдняго главнокомандующаго польскаго возстанія 1831 г. генерала Рыбинскаго, военной эмиграціонной клики. Нѣкоторые агенты этой клики обращались за пособіемъ къ Браницкому, но онъ имъ отказалъ наотрѣзъ. *Inde igitur!*

Надо было чѣмъ-нибудь досадить хозяину — хлѣбосолу,— и вотъ въ ближайшемъ номерѣ изданія Островскаго появляется описаніе *свенцонаго* съ злостнымъ намекомъ на то, что панъ грабъ пригласилъ освятить пасху бородатаго русскаго попа, который возгласилъ: «Христосъ Воскресе», а, между тѣмъ, что-же это нисе, какъ не знамя шизмы. Остроумно, не правда-ли?—Чтобы не повторяться, расскажу здѣсь еще объ одномъ моемъ

столкновеніи съ Островскимъ. Какъ выше было сказано, я написалъ на польскомъ языкѣ религиозно-политическую брошюру: *Słowo rusina do brat szezepa słowiańskiego*. Исходя изъ тогдашней своей точки зрѣнія, — преданной православію и политической идее русскаго народа, я въ этой брошюрѣ упрекалъ польское общество въ пренебреженіи къ греко-уніатскому обряду и въ равнодушіи къ остальнымъ славянамъ; я указывалъ на опасность угрожающую полякамъ и другимъ славянамъ отъ русскаго панславизма, приглашая поляковъ опомниться и, проникнувшись всеславянскимъ духомъ, вынуть знамя польскаго панславизма. Немедля, послѣ выхода въ свѣтъ брошюры появилась на нее критика Островскаго въ французскомъ католическомъ журналѣ: «*Echo de la vérité*», издаваемомъ патеромъ Минь (Migne). Въ этой статьѣ Островскій представилъ меня человекомъ, опаснымъ для Польши и католицизма, сознательно стремящимся къ Москвѣ и шизмѣ (православію); каждый параграфъ этой статьи оканчивался злобно: «да, мы почитаемъ о. Терлецкаго и мы отнюдь его не подозреваемъ!» По мнѣнію тогдашнихъ воятиѣмъ, эта статья показалась мнѣ въ высшей степени обидною и даже вредною для предпринятаго мною дѣла, въ успѣхъ котораго я вѣрилъ. Поэтому, я довелъ съ этимъ до свѣдѣнія парижскаго архіепископа, покровительствующаго учреждаемому мною заведенію. Владыко выбралъ о. Минь, который явился ко мнѣ съ извиненіемъ и съ обѣщаніемъ помѣстать въ своемъ журналѣ мое возраженіе на эту статью, что и было исполнено. Островскому же было отказано въ помѣщеніи дальнѣйшаго со мною препирательства. Тогда онъ обратился къ познанскимъ польскимъ газетамъ, гдѣ и продолжалъ свои нападки на меня.

XXVI.

Проповѣдь Лакордера. — Знакомство съ протоіереемъ о. Васильевымъ. — Столкновение съ панскимъ вундизмъ.

Наконецъ, наступилъ день проповѣди о. Лакордера. Въ церкви *Notre Dame de Paris*, въ которой долженъ былъ раздаваться краснорѣчивый голосъ знаменитаго проповѣдника, въ тотъ же самый день происходила хиротонія въ епископы, что привлекло еще болѣе особъ высшаго парижскаго сословія, тѣмъ болѣе, что рукополагаемый принадлежалъ къ тому же сословію. Разумѣется, церковь была переполнена самымъ избраннымъ обществомъ. Дамы — собирательницы, принадлежащія къ высшей аристократіи, всѣ были налицо. Послѣ проповѣди, произведшей огромное впечатлѣніе, дамы отправляясь въ ризницу и передали мнѣ собранныя деньги, которыхъ оказалось около 3000 франковъ.

На проповѣди присутствовалъ также о. Іосифъ Васильевъ, настоятель

посольской русской церкви въ Парижѣ. Съ нимъ я познакомился раньше этого совершенно случайно. Однажды я занялъ мѣсто въ omnibusъ рядомъ съ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, довольно щегольски одѣтымъ, съ небольшою подстриженною сородкою. Я былъ въ рясѣ восточнаго покроя и съ длинною бородою. Мой ссѣдъ, окинувши меня любопытнымъ взглядомъ, спрашиваетъ меня, разумѣется, на французскомъ языкѣ, не принадлежу-ли я къ восточной церкви и какой именно? Я сказалъ ему, что я священникъ восточнаго обряда и принадлежу къ русской церкви. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Тогда я спросилъ его, былъ-ли онъ на Востока и гдѣ именно?—«На какомъ основаніи вы предлагаете мнѣ подобный вопросъ?»—«Ваше обращеніе ко мнѣ даетъ мнѣ право заключить, что вы интересуетесь дѣлами Востока».—«Я тоже священникъ!» отвѣтилъ незнакомецъ.—«Навѣрно, говорю, какой-нибудь протестантской церкви?»—«Нѣтъ, говоритъ онъ, я русскій священникъ здѣшней посольской церкви».—Тогда, въ свою очередь, я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Познакомившись, такимъ образомъ, мы уже не прекращали нашего знакомства и посѣщали другъ друга. Послѣ проповѣди Лакордера я зашелъ чрезъ нѣсколько дней къ о. Васильеву. Разговоръ пошелъ о недавней проповѣди Лакордера, въ которой онъ нападалъ на русское правительство за переходъ униатовъ въ православіе, по ихнему шизму, при посредствѣ принудительныхъ мѣръ и даже гоненій: такобо было тогда убѣжденіе всего запада, за небольшими исключеніями, распространяемое польскими эмигрантами и скрѣпляемое свидѣтельствомъ страдальцевъ, въ родѣ пресловутой Макрины. О. Васильевъ нападалъ на Лакордера, я-же защищалъ его; споръ кончался, какъ обыкновенно, тѣмъ, что каждый оставался при своемъ мнѣніи.

Получивъ необходимыя средства, я немедленно занялся устройствомъ церкви и заведенія. На Вавилонской улицѣ я нанялъ небольшой домъ, въ которомъ, кромя жилыхъ помѣщеній, находилась довольно просторная рабочая комната, удобная для передѣлки въ церковь. Живописецъ Павелъ Нико (Nicaud), членъ нашего Восточнаго общества, взялъ на себя трудъ написать нѣсколько иконъ для иконостаса: Спасителя, Богоматери, Св. Кирилла и Меодія и Св. Владимира и Ольги. Едва я началъ устраниваться, какъ пріѣхали изъ Царьграда первые два воспитанника: Богумилъ Коростыньскій и Іуліанъ Кунловскій.

Въ это время имѣлъ я съ нунціемъ непріятное столкновеніе. Одно высокопоставленное лицо сообщило мнѣ, что въ папской нунціатурѣ неодобрительно отзываются о моемъ предпріятіи, такъ какъ-де оно не имѣетъ твердыхъ основаній, и поэтому лишено всякой будущности; мон-де воспитанники набраны въ предѣлѣхъ Св. Антонія изъ подонковъ общества и т. д. Эти слухи сильно меня смущали и, при томъ, въ высшей степени удивили, такъ какъ самъ нунцій монсеньоръ Форнари выказывалъ мнѣ всегда необыкновенную благосклонность. Поэтому я рѣшился отправиться къ нунцію. Онъ

принялъ меня въ присутствіи своего аудитора, т. е. совѣтника нунціатуры монсиньора Лазана. Разговоръ коснулся покровительства, которое мнѣ оказывалъ парижскій архіепископъ; нунцій не вытерпѣлъ и сказалъ съ негодованіемъ: «зачѣмъ онъ суется туда: это не его дѣло!» Напрасно я съ своей стороны дѣлалъ представленія, что основываемое заведеніе, какъ парижское, не можетъ обходиться безъ мѣстнаго епархіальнаго начальства и безъ его благословенія, тѣмъ болѣе, что и я самъ вхожу въ составъ клира этой епархіи. Нунцій настаивалъ на своемъ, и сказалъ въ заключеніе: «это дѣло Восточныхъ церквей: ему нечего мѣшаться». Когда-же я сталъ жаловаться на выходящія изъ нунціатуры неблагопріятныя для моего заведенія слухи, тогда аудиторъ сказалъ: «знайте, что намъ довольно было - бы тиснуть нѣсколько строкъ въ газетахъ: ваше заведеніе полетѣло бы прахомъ!» Эти слова меня настолько возмущили, что я поднялся со стула и сказалъ съ удареніемъ: «если ваша совѣсть, монсиньоръ, позволяетъ вамъ это сдѣлать, то прошу не церемониться». Рѣшительный мой отвѣтъ подѣйствовалъ. Нунцій и аудиторъ подвазись съ своихъ сидѣній и стали наперерывъ меня увѣрять, что они этого не сдѣлаютъ, и что даже у нихъ этого и въ умѣ не было. Тѣмъ не менѣе, съ этого времени отношенія нунціатуры къ моему дѣлу стали холоднѣе и, по моему мнѣнію, эта холодность сообщалась далѣе римской куріи. Причину недовольства мною нунція я узналъ позже: между нимъ и архіепископомъ существовала сильная вражда; они избѣгали даже встрѣчи другъ съ другомъ. Не удивительно, что страстный по своему темпераменту италіанецъ, узнавъ о покровительствѣ, оказываемомъ мнѣ архіепископомъ, перенесъ эту вражду на меня и на мое заведеніе. Спустя, кажется, два года я посѣтилъ въ Римѣ возведеннаго уже въ кардиналы его eminenzію Форнари: онъ принялъ меня весьма любезно и выразилъ даже сожалѣніе, что мое дѣло не находитъ въ Римѣ должнаго сочувствія.

XXVII.

Лекція богословія для воспитанниковъ семинаріи.—Устройство церкви и освященіе ея.—Посѣщеніе церкви парижскимъ архіепископомъ.—Пріѣздъ сына въ Парижъ; его болѣзнь и кончина.—Средства на содержаніе семинаріи.—Пожертвованіе двухъ незнакомыхъ.—Престарѣлый священникъ Длускій.

Учрежденная мною семинарія имѣла уже двухъ воспитанниковъ. Предстояло теперь подумать о томъ, чтобы имъ давать богословское образованіе. Въ стѣнахъ самого заведенія этого нельзя было сдѣлать, какъ по скудости средствъ, такъ и по невозможности найти подходящихъ преподавателей богословскихъ предметовъ. Въ главной семинаріи Свѣтъ Сюльписъ (Saint Sulpice), управляемой общиною того же имени, уставъ не допускаетъ учениковъ приходящихъ; въ Сорбонѣ, т. е. въ богословскомъ факультетѣ университета, высшее образованіе дается прошедшимъ уже семинарскій курсъ богословія. Обращался я къ настоятелю семинаріи, предназначенной для посылаемыхъ въ заморскія французскія колоніи миссіонеровъ, патеру Либерману, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Положеніе дѣлалось безвыходнымъ, но, наконецъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ, я добился своего, благодаря вѣщательству архіепископа и усердному содѣйствію преподавателя семинаріи патера Бодри (Baudry): семинарія Свѣтъ Сюльписъ сдѣлала исключеніе для моихъ питомцевъ и приняла ихъ приходящими учениками.

Тѣмъ временемъ подвигалось впередъ устройство церкви при семинаріи: иконостасъ былъ оконченъ, престолъ и жертвенникъ поставлены на свое мѣсто, священные сосуды приобрѣтены, устроенъ одинъ пока клирошь,—однимъ словомъ, внутренность церкви стала принимать обычный видъ; но своему объему она могла вмѣстить 400 человекъ. Священныя одежды сдѣлали, по сообщеннымъ мною образцамъ, польскія сестры милосердія, содержащія въ Парижѣ польское женское учебное заведеніе. Нашлось въ Парижѣ нѣсколько ирландъ въ Галиліи, знающихъ церковное пѣніе; они съ моими воспитанниками составили хоръ, которымъ управлялъ Бушовскій. Освященіе церкви архіепископъ поручилъ своему племяннику и генеральному викарію Сибуру. О предстоявшемъ освященіи церкви я своевременно извѣстилъ въ газетахъ, любопытныхъ собралось столько, что церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ видѣть рѣдкую обрядность. Послѣ священнодѣйствія нашъ хоръ пропѣлъ многолѣтніе архіепископу и священнодѣйствующему его викарію, что очень понравилось французамъ.

Оба моихъ питомца стали каждый день посѣщать лекціи въ семинаріи Св. Сульписія. Дома мы совершали совмѣстно положенныя утреннія и вечернія молитвы; я служилъ почти ежедневно обѣдню; кромѣ того, питомцы упражнялись въ славянскомъ и французскомъ языкахъ. По воскресеньямъ и празд-

никакъ литургія совершалась позже и всегда привлекала много народа, большей части, французовъ. Вечеромъ въ тѣ-же дни я служилъ вечерню, говорилъ поученія, а когда первые питомцы были рукоположены во священныя я заставлялъ и ихъ упражняться въ проповѣдяхъ.

Однажды мнѣ пришла мысль пригласить покровительствующаго мнѣ римскаго архіепископа въ нашу церковь для присутствованія при св. литургіи. Я намѣревался служить обѣдню за упокой души преставившагося въ то мѣсто холмскаго епископа Фелиціана Шумборскаго. Не заставъ дома высочайшаго покровителя, я написалъ ему письмо, съ приглашеніемъ въ церковь, и получилъ отвѣтъ, что владыко пріѣдетъ; но если онъ не пріѣдетъ до 10 часовъ, чтобы начинать обѣдню и безъ него. Я велѣлъ поставить кресло прямо противъ царскихъ вратъ и въ 10 часовъ началъ литургію съ діакономъ, мнѣ котораго служилъ бѣжавшій изъ холмской епархіи іеромонахъ Василевск. Архіепископъ еще не было, церковь была переполнена народомъ. Во время великаго ектенія я услышалъ шумъ въ церкви; сейчасъ-же я сообразилъ, что пріѣхалъ архіепископъ. Такъ и было въ дѣйствительности; онъ привелъ съ собою двоику протоіереевъ (канониковъ), членовъ консисторіи. Великолѣпіе нашего обряда и стройность церковнаго пѣнія подѣйствовали на архіерея до такой степени, что, по окончаніи обѣдни, онъ поднялся съ своего мѣста и сказалъ прочувствованное слово о благолѣпіи нашего обряда, о стройности пѣнія, также распространился насчетъ серьезной важности начатаго мною дѣла. Послѣ многолѣтня арипастырю, онъ пожелалъ осмотрѣть алтарь, почему открылъ для него царскія врата, и показалъ ему престолъ, жертвенникъ, церковную утварь. Случилось при этомъ слѣдующая несообразность: любознательные французы—мужчины и дамы хлынули въ царскія врата, а сдержаніе оказалось невозможнымъ. Присутствовавшій на богослуженіи покойный пріоръ Васильевъ, при первомъ свиданіи со мною, не замедлилъ побранить и за этотъ безпорядокъ, случившійся, впрочемъ, не по моей винѣ.

Исползволъ стало умножаться число питомцевъ въ учрежденной мною семинаріи. Въ первомъ уже году по ея открытію ихъ было семь человекъ. Большинство изъ нихъ было изъ уніатовъ; но были также и латиняне, изъ поляковъ, и лавшіе перейти въ греко-уніатскій обрядъ. Заявляли также и французы своею желаніемъ поступить въ семинарію; но, по трудности изученія для нихъ славянскаго языка, пришлось мнѣ на первыхъ порахъ отказывать. Настоятель лазаристовъ въ Константинополѣ патеръ Борэ прислалъ мнѣ двухъ грековъ, одного іеромонаха съ Афонской горы, а другаго молодого мірянина изъ Солу (Солоникъ). Первый изъ нихъ, лишь только увидѣлъ, что у насъ нѣтъ ничего, сейчасъ же заявилъ о своемъ нежеланіи оставаться; чрезъ 15 дней онъ выбылъ изъ заведенія. Другой оставался болѣе продолжительное время; весьма ограниченныя его умственныя способности подавали мало надежды на успѣшность въ наукахъ. Онъ пригласилъ къ намъ своего друга, тоже грека

который пришелъ къ намъ съ наѣреніемъ выучиться чему-нибудь въ Парижѣ на нашъ счетъ, а потомъ насъ оставить. Я понялъ его затаенную цѣль, и потому постарался избавиться отъ него; уходя, онъ потянулъ съ собою и пріятеля-солунянина.

Въ это время одна польская дама г-жа Чарковская изъ Украины, посѣтившая Парижъ, отправлялась по дѣламъ въ Познань, а затѣмъ въ Вроцлавль (Бреславль), съ тѣмъ, чтобы потомъ снова вернуться въ Парижъ. Я воспользовался этимъ случаемъ и попросилъ ее привести ко мнѣ моего больного сына, котораго я оставилъ въ Краковѣ у родителей моей покойной жены, въ то время уже упокоившихся. По моему требованію, сынъ мой пріѣхалъ въ Вроцлавль, а оттуда съ г-жей Чарковской благополучно прибылъ въ Парижъ. Великою радостью наполнилось мое сердце при видѣ этого шестнадцатилѣтняго уже юноши, оставленнаго мною въ Краковѣ годичнымъ ребенкомъ. Но радость моя скорѣй перешла въ тяжелую печаль, когда, послѣ тщательнаго изслѣдованія его больной груди врачемъ специалистами, оказалось, что большая часть его грудной кѣтки наполнена водою, и что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе. Почти два года прожилъ онъ со мною, переносилъ невыразимыя страданія; напрасно лучшіе врачи Парижа дѣлали консультаціи и два раза выпускали воду: онъ скончался въ 1853 году и былъ похороненъ въ Монтморанси.

Содержаніе заведенія требовало не мало издержекъ. На это была употреблена бѣльшая часть членскихъ взносовъ Восточнаго общества; кромѣ того, нашлись и благотворители, дѣлающіе постоянные или случайные вклады на покрытіе текущихъ расходовъ. Кн. Кадоръ давалъ ежегодно 1000 фр.; столько-же а иногда и больше жертвовалъ графъ Ксаверій Браницкій. Сестры сѣднанаго съ нами Бенедиктинскаго монастыря, при полученіи годичной закупки съѣстныхъ припасовъ для своего монастыря, снабжали и наше заведеніе безвозвездно всякими припасами, прибавляя въ тому еще нѣсколько десятковъ франковъ. Горячее участіе въ судьбѣ заведенія принималъ также баронъ д'Аврилъ (d'Avril), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; архіепископъ пожертвовалъ отъ себя 600 фр. Кромѣ того, каждый годъ кто-нибудь изъ лучшихъ проповѣдниковъ говорилъ проповѣди въ нашу пользу описаннымъ выше способомъ. Наконецъ, въ церковной кружкѣ собиралось въ праздничные и воскресные дни по нѣскольку десятковъ франковъ; при освященіи храма нашлось въ ней около 700 франковъ. Нельзя также не упомянуть о трогательномъ усердіи нѣсколькихъ бѣдвыхъ французенокъ, зарабатывавшихъ своимъ трудомъ себѣ пропитаніе и, все-таки, удѣлявшихъ отъ своего излишка ють небольшую лепту: онѣ избирали нашу церковь какъ-бы своею приходскою и радѣли объ ея нуждахъ, снабжая иногда какой-нибудь утварью. Бывали впрочемъ и случайныя приношенія, между прочимъ, по слѣдующему случаю. Генеральный викарій Сибуръ, освящавшій нашу церковь, былъ назначенъ

настоятелемъ одной изъ самыхъ богатыхъ въ Парижѣ церквей, св. Доминика предѣстѣль Сентъ-Жерменъ. Находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, ѣ при поздравленіи съ назначеніемъ, наметнулъ ему, что настоятель столь богатой церкви могъ-бы удѣлить отъ своего избытка что-нибудь нашей бѣдой церкви, пожертвовавши, напримѣръ, ризы, въ которыхъ мы очень нуждаемся. На слѣдующій день онъ прислалъ богатѣйшее облаченіе, но, къ сожалѣнію, латинскаго покроа. Я пошелъ его поблагодарить и сказалъ, что эти ризы непригодны для нашего обряда.

— «Я не знаю, какія тамъ у васъ ризы. Закажите какія вамъ угодно, ризы, на мой счетъ!»

«Я не пожалѣю вашего кармана», сказалъ я.

— «И хорошо сдѣлаете!» былъ его отвѣтъ.

По моему заказу были сдѣланы ризы изъ серебряной матеріи съ золотымъ позументомъ, а счетъ въ 300 фр. онъ заплатилъ сполна.

Однажды, когда я по дѣламъ заведенія отправился въ Римъ, передъ управленіе старшему священнику Длускому, зашла двѣ незнакомыя дамы и выразили желаніе по смотрѣть церковь и заведеніе. Осмотрѣвъ все, онѣ изъявили желаніе пожертвовать что-нибудь въ пользу церкви; старикъ указалъ имъ церковную кружку, въ которой послѣ оказалось 2000 фр. Старикъ не спрашивалъ даже ихъ фамиліи, а на мое замѣчаніе, по поводу этого упущенія, онъ сказалъ въ отвѣтъ: «Зачѣмъ? Богу извѣстно, кто онѣ. Онѣ воздастъ имъ за заслуги за нихъ добре дѣло!»

Личность этого старика-священника заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Это былъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и необыкновеннаго благочестія, но, развѣтсѣлся, воспитанный въ польско-шляхетскомъ духѣ. Во время Наполеоновскихъ войнъ, еще юношей, онъ поступалъ въ польскіе легіоны, сражавшіеся подъ начальствомъ гениальнаго полководца. Послѣ паденія Наполеона и заточенія его на островѣ св. Елены, Длускій отправился въ Америку, не зная никакого другаго языка, кромѣ польскаго. Прибывъ туда, онъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Къ счастью, понадобилась его военная опытность: онъ поступилъ солдатомъ въ армію Соединенныхъ Штатовъ. Но затѣмъ судьба зло подшутила надъ нимъ: ему пришлось прислуживать на кораблѣ американскихъ пиратовъ, чтобы какъ-нибудь снискать себѣ пропитаніе. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и рѣшился вернуться на родину, въ Бѣлоруссію. Здѣсь онъ, какъ бывшій семинаристъ, рѣшился сдѣлаться священникомъ и былъ назначенъ настоятелемъ прихода въ Новогородокъ (Новогрудокъ), Минской губерніи. Тѣмъ временемъ вспыхнулъ мятежъ 1831 года. Въ Новогрудкѣ молодежь стала волноваться; горячія головы стремились отовсюду, чтобы сформировать отрядъ инсургентовъ. Наконецъ, шимъ составилась. Нѣсколько вожаковъ устремались къ нему, чтобы испросить у него благословенія на свой подвигъ. Сначала Длускій отнесся къ нимъ не-

одобрительно, сказавши, что между ними нѣтъ ни одного военного, что они всѣ неопытные юноши, которыхъ казаки, при первой же стычкѣ, перебьютъ или вереловатъ. Но когда они упорствовали въ своемъ нахѣреніи, онъ ихъ благословилъ, велѣлъ себѣ подать лошадей и отправился вмѣстѣ съ ними въ лѣсъ; какъ видно, солдатская кровь заговорила! Такимъ образомъ, очутившись въ рядахъ мятежниковъ и испытавши всѣ превратности польской революціи 1831 года, онъ вмѣстѣ съ отступающими польскими войсками, перешелъ границу конгресовки и сдѣлался эмигрантомъ. Подобно другимъ польскимъ эмигрантамъ въ Парижѣ, онъ получалъ пособіе отъ французскаго правительства и жалованіе съ церкви, гдѣ онъ служилъ самую позднюю обѣдню въ 12 ч. дня. Жилъ онъ весьма скромно, почти-что аскетически, а весь свой излишекъ отдавалъ бѣднымъ.

Однажды, когда я вечеромъ вернулся домой, мои питомцы доложили мнѣ, что приходилъ какой-то господинъ, по его словамъ, знакомый со мною, который пожелалъ осмотрѣть наше заведеніе. Онъ осмотрѣлъ внимательно нашу церковь и заведеніе во всѣхъ подробностяхъ и сказалъ, что на слѣдующій день опять заѣдетъ, оставивъ свою визитную карточку. На карточкѣ стояла фамилія «Контэ Векіа — Чіта», но подобной фамиліи я не помнилъ. Съ нетерпѣніемъ я дожидался незнакомаго знаконца на слѣдующій день, и каково было мое удивленіе, когда я въ немъ узналъ князя Пармы и Лукки, угощавшаго меня такъ гостеприимно въ Дрезденѣ. Разумѣется, теперь я зналъ, съ кѣмъ нѣтъ дѣло и не сбавался въ его титулъ по прежнему, называя его въ своихъ обращеніяхъ «ваше королевское высочество!» Онъ отказался отъ престола въ пользу своего сына, а самъ поселился въ Парижѣ, въ гостиницѣ, частнымъ человекомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ завтракать и общался пожертвовать изъ бывшей у него въ Луккѣ церкви греко-славянскаго обряда священную утварь и ризы въ нашу парижскую церковь; были же тамъ весьма красивыя и драгоцѣнныя утварь, иконы и облаченія. Впрочемъ, этнѣ все и окончилось, такъ какъ послѣ уже намъ не приходилось встрѣчаться.

XXVIII.

Развитіе дѣятельности Восточнаго общества.—Уставъ общества и представленіе его на утвержденіе папы.

Наше Восточное общество продолжало крѣпнуть и развиваться; его дѣятельность стала замѣтно проявляться. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1850 года правленіе общества разослало письма къ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ съ сообщеніемъ объ основаніи въ Парижѣ этого общества, съ изложеніемъ высокой цѣли, къ которой оно стремится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ приглашеніемъ поступать въ почетные члены общества, прося о молитвахъ

объ успѣшной его дѣятельности и покровительствѣ. Многіе изъ епископовъ разныхъ странъ, съ выраженіемъ благодарности Богу за новую милость, дарованную церкви, съ радостью принимали званіе почетныхъ членовъ, благословляли благія начинанія общества, а нѣкоторые даже прилагали свои щедрыя подаянія. Между прочими, кардиналъ-примась Венгріи, архіепископъ Острогонскій (Гравскій), Спатовскій прислалъ 1000 фр. на цѣли общества. Архіепископъ Загребскій Гауликъ извѣстия, что повелѣлъ по всей епархіи приносить Богу молитвы о благопріятномъ окончаніи всѣхъ начинаній восточнаго общества, съ собираніемъ добровольныхъ пожертвованій для усиленія его средствъ. Получены были отвѣты отъ архіепископа Дураццо въ Албаніи Амвросія, отъ апостольскаго викарія въ Абиссиніи епископа Галли; отъ апостольскаго викарія въ Средцѣ (Софіи) епископа Кановы. Сей послѣдній, признавая вполне необходимость существованія общества, прибавляетъ отъ себя, что было бы весьма желательнымъ и даже необходимымъ, если бы всѣ живущіе на востокѣ латиняне приняли греческій обрядъ, чинъ богослуженія греческой церкви, съ сохраненіемъ догматовъ, которыми римская церковь различается отъ греческой. И это пишетъ латинскій епископъ, долго жившій на Востокѣ и прекрасно знающій положеніе восточныхъ церквей.

Въ концѣ 1851 г. наше общество, значительно разросшееся и вошедшее въ силу, выдѣлило изъ своей среды новое правленіе, такъ называемый управляющій комитетъ, числомъ 23 лица. Кромѣ прежнихъ, предсѣдателя и двухъ его товарищей, прибавлено еще новыхъ два товарища: баронъ де-Монтини (de Montigny) и герцогъ д-Истри (duc d'Istrie); избраны канцлеромъ (секретаремъ) профессоръ сорбонской академіи патеръ Варжеси (Bargès), и три писмоводителя. Въ члены комитета, между прочими, избраны: графъ Францискъ де Шампани (Champagny), маркизь д-Эппизъ сэнъ-Люкъ (d'Erpinau Saint Luc), молодой Барошъ, сынъ министра, г. де-Монэсъ д-Эльбунексъ (de Monès d'Elboux) и др. Комитету поручено составить уставъ общества, представить его на утвержденіе апостольскаго престола и издавать журналъ, какъ органъ общества. Этого журнала явилось только три номера, въ которыхъ, кромѣ статей, относящихся до соединенія церквей, помѣщались нисѣна владыкъ къ нашему обществу. Постановлено было отправить къ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ еще одно посланіе; для редактированія этого посланія избрана комиссія изъ трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ избрали также и меня, какъ болѣе свѣдущаго въ дѣлахъ восточныхъ церквей. Въ этомъ посланіи было, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: бѣда въ томъ, что Западъ не знаетъ восточныхъ церквей; состояніе этихъ церквей извѣстно только изъ описаній путешественниковъ и латинскихъ миссіонеровъ, смотрящихъ на Востокъ съ своей точки зрѣнія; заблуждаясь сами, они вводятъ и другихъ въ заблужденіе.—Обращаясь къ патріархамъ, общество титуловало ихъ «Ваше Святѣйшество». Въ засѣданіи, въ которомъ второе посланіе, послѣ своей

окончательной редакціи, было представлено на утверждение общества, председательствовалъ я вмѣсто отсутствующаго председателя князя Кадора, какъ его товарищъ; я же подписалъ и второе посланіе къ епископамъ. Упоминаю объ этомъ потому, что, какъ мы увидимъ ниже, изъ этого возникла въ Римѣ цѣлая буря. Но объ этомъ послѣ.

Вслѣдствіе втораго посланія заявили свое согласіе поступить въ почетные члены общества восемьдесятъ епископовъ. Между прочими, должно отиѣтити греко-мелхитскаго патріарха Маслюма, халдейскаго Аодо, мѣстолюбителя сирійскаго патріарха Самгиря, латинскаго іерусалимскаго патріарха Валерга, архіепископа Вуржскаго (de-Bourge) кардинала дю-Понъ (du Pont), царьградскаго армянскаго митрополита Галуна и много другихъ архіепископовъ и епископовъ.

По новому уставу члены общества раздѣлялись на четыре разряда, а именно: 1) почетные члены епископы и избранные обществомъ миряне изъ лицъ, занимающихъ болѣе выдающееся положеніе, 2) члены основатели, жертвующіе на нужды общества ежегодно 100 и болѣе франковъ; 3) дѣйствительные члены, вносящіе ежегодно менѣе 100 фр. или содѣйствующіе цѣлямъ общества своими учеными трудами или художественными произведеніями, и 4) члены соревнователи, содѣйствующіе обществу или своими молитвами или пожертвованіями въ произвольные сроки и въ любой количествѣ. Исполнительная власть была вручена правленію общества (комитету), который долженъ былъ направлять дѣйствія общества съ цѣлью соединенія восточныхъ христіанъ съ церковью римскою въ духѣ единенія вѣры съ нерушимымъ сохраненіемъ старинныхъ восточныхъ обрядовъ. Средства къ достиженію этой цѣли были: основаніе среди восточныхъ христіанъ миссій; учрежденіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется необходимымъ, духовныхъ учебныхъ заведеній; открытіе народныхъ школъ; составленіе, печатаніе и распространеніе духовно-нравственныхъ сочиненій на нарѣчіяхъ Востока и, наконецъ, обращеніе евреевъ и другихъ иновѣрцевъ въ христіанство. Особенное вниманіе и дѣятельность общества должны быть обращены на отличающееся своею многочисленностью славянское племя.

Новый уставъ нашего общества, вмѣстѣ съ челобитною объ его одобреніи, комитетъ послалъ папѣ чрезъ одного изъ секретарей, отправившагося въ Римъ. Папа передалъ его секретарю пропаганды монсеньору Барнабо, который его, какъ говорится, положилъ подъ сукно. Тѣмъ не менѣе, основная идея общества не осталась безъ вліянія на нѣкоторые атропріятія римской курии. Доказательствомъ тому служитъ небывалое въ римской церкви постановленіе, обнародованное какъ разъ въ это время, вѣщающее латинскому епископу и миссіонерамъ въ Абиссиніи въ обязанность принять обрядъ абиссинской церкви. Между тѣмъ, какъ извѣстно, римская курія во всѣ времена стремилась открыто или тайно къ привлеченію восточныхъ христіанъ къ латинскому обряду, или, по

крайней мѣрѣ, къ медленному усвоенію или латинской обрядности посредствомъ различныхъ нововведеній, вводимыхъ постепенно и, при томъ, въ высшей степени послѣдовательно.

XXIX.

Доносы на меня въ Римъ.—Аудіенція у Наполеона III.

Французское войско давно уже совладало съ революціею въ Римѣ и возвратило папѣ его мірской престолъ. Дѣла успѣли войти въ свою колею и, поэтому, я счелъ нужнымъ доложить въ Римѣ о дѣлахъ нашего общества, посредствомъ писемъ къ нѣкоторымъ благопріятствующимъ мнѣ лицамъ, къ секретарю пропаганды и даже къ самому папѣ. Однако, всѣ полученные изъ Рима отвѣты дышали холодною сдержанностію и полнымъ равнодушіемъ: все это свидѣтельствовало о томъ, что наши противники не дремали. Наконецъ, въ этомъ я вполнѣ убѣдился, получивъ отъ одного прелата, сочувственно относившагося къ нашему дѣлу, письмо съ извѣстіемъ о томъ, что у папы пишутся три доноса на меня. Въ одномъ изъ нихъ меня изображали самымъ яркимъ революціонеромъ, прикрывающимся только мантиею вѣры съ тѣмъ, чтобы замаскировать свои преступныя цѣли, направленные не только противъ правительства вообще, но и противъ Россіи въ особенности. Въ другомъ, напротивъ, увѣряли, что я въ душѣ схизматикъ (православный съ католической точки зрѣнія), скрытый подъ личиною католичества и преданности римскому престолу, имѣющій цѣлюю совращеніе латинянъ въ нѣдра православной церкви. Въ третьемъ, наконецъ, выводились доказательства, что я выдумалъ какой-то новый обрядъ, невзвѣстный уніатамъ, и что я такимъ образомъ могу нанести неисчислимыи вредъ уніатскимъ церквамъ. Папа, правда, не повѣрилъ этимъ доносамъ, сказавъ: «non e vero» (это не правда), но все-таки, по совѣту извѣстившаго меня объ этомъ прелата, я представилъ на благоусмотрѣніе его святѣйшества подробное изложеніе воодушевлявшихъ меня намѣреній, моихъ взглядовъ на значеніе обрядовъ, съ обстоятельнымъ разъясненіемъ моего образа дѣйствій.

Въ одномъ изъ засѣданій, состоявшихся въ 1852 г., числа и мѣсяца уже не помню — нашъ комитетъ рѣшилъ отправить депутацію къ Наполеону, тогда еще президенту французской республики, съ цѣлью просить его покровительства нашему дѣлу. Во главѣ депутаціи долженъ былъ стоять предсѣдатель общества князь дэ-Кадоръ, отецъ котораго былъ первымъ министромъ при Наполеонѣ I. Въ число членовъ депутаціи, кромѣ двухъ другихъ членовъ комитета, входилъ и я. Но прежде чѣмъ рассказать объ этой аудіенціи, я упомяну о своей встрѣчѣ съ Наполеономъ, еще раньше этого, на soirée у парижскаго архіепископа.

Покровительствовавшій мнѣ монсеньоръ Сабуръ мнѣль, какъ и другія высокопоставленныя лица, свои *jours fixes*, на которыхъ я бывалъ отъ времени до времени. Однажды прѣхую на такой вечеръ нѣсколько раньше обыкновеннаго и съ изумленіемъ вижу, что гостепріимные всегда салоны архіепископа заперты. Спрашиваю лакея о причинѣ этого, и узнаю, что архіепископъ принимаетъ, но что въ настоящую минуту президентъ обѣдаетъ у него; сейчасъ-же обѣдъ кончится и президентъ изволитъ перейти въ салонъ. Желаніе увидѣть вблизи человѣка, на котораго были устремлены взоры всего образованнаго міра, заставило меня дожидаться приѣма. Тѣмъ временемъ стали собираться гости; всѣ сгорали терпѣніемъ, подобно мнѣ, лицезрѣть человѣка, столь замѣчательнаго, которому, какъ казалось, было предназначено занять еще болѣе выдающееся положеніе. Дверь въ салонъ отворилась, и всѣ гости устремились туда. По срединѣ салона стоялъ президентъ съ архіепископомъ. Входящіе дефлировали предъ главою государства, а высокопреосвященный хозяинъ представлялъ ихъ, если они не были ему раньше знакомы. Когда пришла моя очередь, то архіепископъ, поздравившись со мною, представилъ меня Наполеону словами: «отецъ Терлецкій, священникъ восточнаго обряда, принадлежащій къ парижской епархіи, настоятель нмѣ же основаннаго восточнаго духовнаго заведенія». Моя окладистая борода, должно быть, и священническая ряса восточнаго покроя обратили на себя вниманіе президента: на мнѣ остановился его пронизательный взглядъ, а затѣмъ дважды онъ смѣрилъ меня съ головы до ногъ своими глазами, какъ будто стараясь запомнить всю мою фигуру. Съ неменьшимъ любопытствомъ всматривался и я въ лицо этого необыкновеннаго человѣка. Лицо его показалось мнѣ глубокомысленнымъ; онъ мнѣль ввѣдъ человѣка замкнутаго въ себѣ, но характера непреклоннаго и непоколебимой воли. По тому объяснію, которое онъ производилъ на окружающихъ, было ясно видно, что ему Провидѣніе готовитъ другую роль. Вернувшись домой, я, рассказывая своимъ молодымъ воспитанникамъ объ испытанныхъ мною при представленіи впечатлѣніяхъ, прибавлялъ съ твердою увѣренностью: это будущій императоръ! Впрочемъ, таково было мнѣніе и большинства мыслящихъ людей.

Возвращаясь къ прерванному мною разсказу. Пріѣхавши въ Сентъ-Клю (Saint-Cloud), загородный дворецъ Наполеона, на пути изъ Парижа въ Версаль, недалеко отъ Севръ (Sèvres), князь велѣлъ доложить о прибытіи депутаціи. Пришлось намъ ждать очень не долго; насъ ввели въ залу, среди которой, подлѣ стола, стоялъ Людовикъ Наполеонъ, президентъ французской республики. Послѣ поклоновъ и установленнаго этикетомъ представленія, князь Кадоръ началъ свою рѣчь. Въ весьма краснорѣчивыхъ словахъ онъ изложилъ президенту о назначеніи восточнаго общества трудиться по мѣрѣ силъ надъ вопросомъ, столь труднымъ для разрѣшенія и столь важнымъ для всего христіанства, — о соединеніи вѣждующихъ теперь церквей, восточной и западной;

для достиженія этой цѣли, имѣющей огромную важность и для старшей дочери церкви — Франціи, общество прибѣгаетъ къ высокому покровительству его императорскаго высочества. Затѣмъ князь Кадоръ, указывая на меня, прибавилъ, что присутствующій здѣсь о. Терлецкій, основатель этого общества и главный его дѣятель, сочтетъ своимъ счастьемъ объяснить съ большимъ знаніемъ дѣла его императорскому высочеству о цѣляхъ нашего общества. На сіи слова Наполеонъ, обернувшись ко мнѣ, вперилъ свой пронизательный взоръ въ меня и окинулъ взглядомъ всю мою фигуру, пригадывая какъ будто бы что-то. На его лицѣ выражалось ожиданіе, и поэтому я, собравшись съ мыслями, въ сжатомъ видѣ, останавливаясь только на самомъ главномъ, сталъ излагать о цѣляхъ нашего общества, его устройствѣ и о значеніи соединенія церкви для всего христіанства. Президентъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за ходомъ моей мысли, вникалъ во всѣ подробности дѣла, предлагалъ отъ себя вопросы, и, напослѣдокъ, окончилъ увѣреніемъ и обѣщаніемъ покровительства нашему дѣлу. Обернувшись заснѣ къ князю Кадору, онъ сталъ его снисходительно упрекать въ томъ, что онъ не бываетъ при дворѣ, гдѣ-бы онъ его желалъ искренно видѣть. Князь былъ прежде при Луи Филиппѣ паромъ (pair), но послѣ февральской революціи, уклонился отъ политической жизни. Князь оправдывался своимъ нездоровьемъ, а также тяжкимъ недугомъ своей жены. «А между тѣмъ», сказалъ Наполеонъ, я радъ-бы васъ здѣсь видѣть еще потому, что вы въ дѣтствѣ жили въ этомъ дворцѣ; это напомнитъ вамъ объ отцѣ!»! На прощаніе, онъ еще разъ насъ увѣрялъ въ своемъ покровительствѣ, и отпустилъ весьма ласково.

XXX.

Поѣздка въ Римъ для рукоположенія двухъ питомцевъ. — Посѣщеніе благочестиваго кюрэ въ Арсѣ. — Образъ жизни этого кюрэ, его безкорыстіе и любовь къ паствѣ. — Кончина его и похороны.

Первымъ два питомца учрежденнаго мною духовнаго учебнаго заведенія окончили въ 1853 году курсъ богословскихъ наукъ, и приходилось подумать объ ихъ рукоположеніи въ священники. Съ этою цѣлью я рѣшился отправиться въ Римъ. Кромѣ этого чисто служебнаго мотива моей поѣздки, я желалъ нѣсколько отдохнуть отъ непомѣрныхъ трудовъ по устройству и управленію семинаріею, а также развѣяться, если это можно было, послѣ поразившаго меня несчастія — потери единственнаго и многообѣщавшаго моего сына Мстислава.

Предоставивши завѣдываніе семинаріею старику священнику Длускому, о нравственныхъ качествахъ котораго я упоминалъ выше, я пустился въ путь въ сопровожденіи нашего питомца Ленартовича, извѣстнаго польскаго поэта,

искренно преданнаго нашему обряду, связаннаго со мною сердечною дружбою, и еще одного молодого француза, вѣреннаго мнѣ по поочечію его матерью. По дорогѣ мы задержались въ Ліонѣ на нѣсколько дней, главнымъ образомъ по желанію посѣтить кюре въ Арсѣ, нынѣ уже покойнаго, Іоанна Марію Виянэ (Jean-Marie Vianay), слышавшаго не только по всей Франціи, но и по сосѣднимъ государствамъ святствію своей благочестивой жизни.

Селеніе Арсѣ отстоитъ отъ Ліона въ десяти льа. Незначительное прежде селеніе, благодаря громкой славѣ своего кюре, къ которому стекался народъ отовсюду, чтобы испросить его молитвами благодати Божіей, превратилось въ значительное мѣстечко съ богатыми гостинницами, ресторациями и лавками, въ которыхъ по преимуществу продавались разные священные предметы. Для удобства многочисленныхъ путешественниковъ, которыхъ набиралось въ иные дни цѣлыя сотни, стали ходить изъ Ліона дилижансы, которые удержались, не смотря на открытіе по близости желѣзной дороги, доставляющей въ свою очередь и своихъ пассажировъ въ Арсѣ.

Съ товарищами пути и практикующимъ въ Ліонѣ врачомъ Корибутомъ, мною хорошимъ знакомымъ, отправились мы по желѣзной дорогѣ въ это, прославленное богоспасашю жизнію своего кюрэ, мѣстечко. Остановившись на ближайшей къ нему станціи, чрезъ три четверти часа мы достигли Арса. Вмѣстѣ съ нами ѣзало нѣсколько мѣстныхъ поселянъ; въ разговорѣ съ нами они выражались о своемъ священникѣ съ величайшимъ почтеніемъ. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «духовный нашъ отецъ уже очень старъ: мы опасаемся, чтобы въ случаѣ, если его Богъ призветъ къ себѣ, у насъ не отняли его мощей. Онъ у насъ святой мужъ. При жизни, благодаря его молитвамъ, Богъ ниспосылаетъ намъ въ изобиліи всякія блага. Если-же, после его кончины, его прахъ будетъ лежать среди насъ, то это будетъ ручательно ствомъ, что благословеніе Божіе отъ насъ не отвернется». Сильная вѣра въ простомъ человѣкѣ насъ тронула до глубины души; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти простодушные слова служили лучшимъ доказательствомъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ этого подвижника на Божьей нивѣ.

Прежде всего мы направили свои стопы въ деревенской церкви. Войдя въ нее, мы были поражены ея изящною простотою. На ступеняхъ алтаря стоялъ на колѣняхъ старикъ кюрэ, съ наклоненною серебристою головою, погруженный, какъ казалось, въ свою молитву. Его окружала небольшая горсть обоего пола людей, стоящихъ точно также на колѣняхъ и молящихся съ напечатлѣнною на ихъ лицахъ явобожностью. Все дышало какимъ-то тишиною, исходящую отъ чистаго сердца, благоговѣніемъ, на всемъ лежала печать искреннаго благочестія; лица есѣвъ были озарены истинною вѣрою, преданностію волѣ Божіей и христіанскимъ смиреніемъ.

Съ молитвеннымъ настроеніемъ духа мы дождались, пока кюрэ не поднимется съ своего мѣста. Окончивши свою молитву, онъ направился въ сакри-

стію ¹⁾, куда и мы за нимъ послѣшили. Предсталъ предъ нами небольшого роста старикъ, лѣтъ свыше семидесяти, сѣдой какъ луна, высохшій до такой степени, что черты лица рѣзко выступали; однако, на этомъ живомъ, можно сказать, скелетѣ свѣтились глаза какими-то чудными блескомъ, и съ выраженіемъ удивительно пріятнаго и, вѣстѣ съ тѣмъ, торжественнаго спокойствія на лицѣ. Приблизившись къ нему, я отрекомендовался священникомъ славянско-католическаго обряда и счелъ нужнымъ прибавить, что, услышавши о дарахъ Божіихъ, ниспосылаемыхъ на эту нѣстность его святыми молитвами, я рѣшился испросить его молитвъ на благопріятное окончаніе затѣяннаго мною дѣла и совершить предъ нимъ св. исповѣдь. — «Будете-ли служить св. литургію?» спросилъ онъ. — «Нѣтъ» — отвѣтилъ я — такъ какъ я не взялъ съ собою служебника и священнымъ одѣяніемъ. — Тогда онъ заявилъ готовность выслушать мою исповѣдь. Послѣ нея я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему о своихъ планахъ и предположеніяхъ. Онъ ободрялъ меня въ моихъ предпріятіяхъ и, наконецъ, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Великое это дѣло и много страданій придется вамъ перенести: но претерпите до конца и Богъ увѣнчаетъ его желаннымъ успѣхомъ». — Въ заключеніе онъ просилъ меня завернуть еще разъ въ Арсъ, чтобы отслужить обѣдню по славянскому обряду. Я обѣщался, и, дѣйствительно, на обратномъ пути изъ Рима заѣхалъ туда, взявъ съ собою служебника и ризы. Старикъ-кюре очень понравилось богослуженіе по греко-славянскому обряду.

Жизнь этого благочестиваго священника, уже тридцать лѣтъ прожившаго среди своей паствы, протекала съ неизмѣнною правильностью по разъ установленному порядку. Вставалъ онъ ежедневно въ два часа утра и отправлялся въ церковь, гдѣ молился до рѣсвѣта. Въ это приблизительно время, а при особенномъ стеченіи пріѣзжихъ, уже въ два часа, народъ дожидался его на паперти. Въ семь часовъ онъ служилъ литургію. Погружаясь въ молитвенное настроеніе духа, онъ до такой степени забывалъ о всемъ, что богомольцы, желая имѣть какое-нибудь воспоминаніе о немъ, безъ всякаго стѣсненія отрывали или локоны его волосъ, или полу его одежды; въ послѣднемъ случаѣ они ставили кюре въ непріятное положеніе, такъ какъ онъ никогда не имѣлъ больше одной одежды, — той, которая была на немъ. Вслѣдствіе этого, во время его молитвеннаго экстаза, церковный сторожъ, становясь подлѣ него, сдерживалъ такого рода поползновенія со стороны богомольцевъ. По окончаніи богослуженія, онъ на полчаса заходилъ къ себѣ домой. Тогда-то онъ, если день не былъ постный, выпивалъ кружку молока; это было его завтракомъ. Въ постные же дни онъ не принималъ пищи до обѣда. Послѣ завтрака онъ опять возвращался въ церковь, гдѣ проводилъ все время въ молитвѣ, испо-

¹⁾ Боковой притворъ въ католическихъ храмахъ, въ которомъ хранятся священныя предметы и богослужебныя книги.

вѣдуща богомольцевъ и бесѣдуща съ ними объ ихъ нуждахъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго овъ говорилъ проповѣдь, которая отличалась всегда необыкновенною простотою и сердечною теплою. Въ полдень овъ обѣдалъ. Обѣдъ его состоялъ изъ вареной зелени; мясной же пищи онъ никогда не потреблялъ. Пообѣдавши, онъ часа полтора или два посѣщалъ въ селеніи больныхъ или страдающихъ какими-нибудь недугами, оказывалъ имъ помощь, подавая совѣты и неся утѣшеніе въ горѣ. Послѣ этого христіанскаго своего подвига онъ опять возвращался въ церковь, гдѣ въ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ пребывалъ до десяти часовъ вечера, когда онъ отправлялся домой спать. Всю зиму онъ обучалъ сельскихъ дѣтей Закону Божию. Въ домѣ, довольно просторномъ, онъ жилъ одинъ, не принимая тамъ никого, одинъ изъ братьевъ его, сельскій учитель, приходилъ каждый день къ нему, чтобы подмести полъ и стереть пыль. Мы попросили показать намъ его помѣщеніе, и, въ то время, когда кюрэ былъ въ церкви, мы осмотрѣли его убогое жилище. Я думаю, что самый бѣдный житель Арса допускаетъ у себя больше комфорта, чѣмъ этотъ благочестивый старецъ: всѣ комнаты были лишены всякихъ удобствъ; не было даже одного стула. Въ послѣдней только комнатѣ стояла деревянная кровать съ жесткимъ сѣнникомъ, подушкой и бѣднымъ одѣяломъ; на столѣ возлѣ нея было разбросано нѣсколько книгъ религіознаго содержанія; въ шкафу хранилось нѣсколько десятковъ богословскихъ сочиненій съ иконами;—вотъ все имущество кюрэ, про котораго можно помстинѣ сказать, что онъ былъ не отъ міра сего.

Про него рассказывали, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ священникомъ въ Арсѣ, онъ никогда не выѣзжалъ за границу этого селенія. Только однажды онъ чуть не отступилъ отъ своего правила. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе наплыва пріѣзжихъ, стали ходить въ Арсѣ омнибусы, и при томъ даже въ воскресные и праздничные дни, а такъ какъ они продолжали возить богомольцевъ, не смотря на его двукратныя увѣщанія, въ назначенные для богослуженія и праздничнаго отдыха дни, то онъ рѣшился исполнить высказанную своими прихожанамъ угрозу—оставить селеніе, въ случаѣ неисполненія его требованія, взявъ свой молитвословъ и посохъ и вышедъ изъ села. Слухъ объ этомъ распространился по селенію съ быстротою молвіи; всѣ жители встрепенулись, узнавъ о намѣреніи кюрэ покинуть ихъ. Обѣжались всѣ, кто только могъ: мужчины, женщины и дѣти бросились въ догонку за своимъ духовнымъ отцомъ и нагнали его только на границѣ селенія. Тутъ всѣ бросились на колѣни и стали, съ полными слезъ глазами, просить батюшку остаться среди нихъ, увѣряя на чемъ свѣтъ стоитъ, что они не позволяютъ уже ѣздить дилижансамъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Наконецъ, кюрэ смиловался надъ ними и рѣшился возвратиться въ селеніе. Окруженный ликующею толпою, возвратился батюшка, и, дѣйствительно, омнибусы перестали ѣздить въ праздничные дни.

Однажды, въ прїѣздъ въ Арсѣ епископа, мѣстный вельможа-землевладѣлецъ, живущій въ своемъ дворцѣ тутъ-же за границами селенія, пригласилъ преосвященнаго обѣдать къ себѣ, такъ какъ у мѣстнаго священника не только нечего было поѣсть, но даже не на чемъ было прїѣсть; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умолялъ владыку во чтобы то ни стало взять съ собою кюра, о которомъ было извѣстно, что онъ ни за что не соглашается выйти за границы своего селенія. Владыко обѣщался уломать упрямаго старца. По окончаніи осмотра церкви, епископъ отпустилъ свой экипажъ и сказалъ сопровождавшему его прелату и священнику: «мы пойдемъ пѣшкомъ: погода чудная, да и идти недалеко!» Идутъ они пѣшкомъ и, разумеется, кюра съ ними; когда-же они достигли границы села, то послѣдній, поклонившись низко, сталъ прощаться. Напрасны были просьбы преосвященнаго: кюра не рѣшился отступить отъ своихъ правилъ и вернулся обратно домой.

Деньги, какія у него водились, онъ раздавалъ бѣднымъ. Объ его безкорыстіи разсказываютъ слѣдующій случай: однажды тотъ-же самый епископъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній, назначилъ его почетнымъ каноникомъ (протоіереемъ), но, зная объ отсутствіи денегъ у кюра, подарилъ ему отъ себя отличительные знаки этого званія, серебряную, съ позолотою, и украшенную драгоценными каменьями звѣзду и горностаевый плащикъ. Случилось, что, не долго спустя, обратился къ батюшкѣ какой-то нишущій съ просьбою о помощи. Не долго думая, онъ велѣлъ продать полученныя отъ епископа отличія своего новаго званія, и на вырученныя деньги помочь бѣдному. На слѣдующій годъ прїѣзжаетъ опять преосвященный, но кюра его встрѣчаетъ въ старой своей одеждѣ. Догадавшись въ чемъ дѣло, владыко спрашиваетъ—отчего онъ его не встрѣтилъ въ присвоенной его сану одеждѣ?

— У меня ея уже нѣтъ! отвѣтилъ кюра.

— Не укралъ-ли кто нибудь?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, я ее продалъ!

— Однако, если-бы нѣтъ каждый годъ приходилось дѣлать подобные подарки, то я бы совсѣмъ обнищалъ!

Великій сей подвижникъ преставился еще въ 1859 году. Старческое тѣло, изнуренное постомъ и трудами ради спасенія душъ, ослабѣло совершенно. Кюра чувствовалъ, что его кончина близка. Печальная вѣсть объ этомъ быстро разнеслась вакъ по селенію, такъ и по окрестностямъ. Къ одру умирающаго собралось много духовенства и народа. Самъ архіерей Лангальери (Langalerie) изъ Бальей прїѣхалъ проститься съ умирающимъ. Праведникъ сей почилъ вѣчнымъ своимъ 4-го августа. Свыше 6,000 народа и 300 священниковъ собралось къ выносу тѣла въ церковь. Въ теченіе шести дней, пока не получилось разрѣшеніе похоронить его въ церкви, гробъ стоялъ въ ней и каждый день стекались толпы поклонниковъ. На похороны собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народа. На похоронахъ преосвященный сказалъ рѣчь, въ которой,

между прочимъ, указалъ на то, что со смертію благочестиваго старца потеряла много не только вся епархія, гордившаяся имъ и славившаяся далеко за ея предѣлами, но и вся вѣрующая Франція, «а чего лишился вашъ владыка—продолжалъ говорить преосвященный»—онъ воистину потерялъ лучшаго друга, мало того—отца и образецъ для подражанія! А сколько потеряли всѣ бѣдные, несчастные и вѣдущіе исправленія грѣшники? Кто ихъ примиритъ съ Богомъ и совѣстію,—кто съумѣетъ съ ними бесѣдовать съ слезами униженія и воодушевленными словомъ искренняго убѣжденія?» Вуквально весь народъ рыдалъ о своей потерѣ; скорбь о почившемъ была всеобщая.

XXXI.

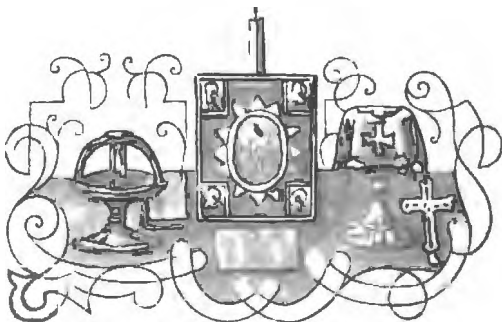
Марсель.—Генуя.—Ливорно.—Прогулка въ Пизу.—Галицко-русскій полкъ въ Тосканѣ.—Чивита-Векіа.—Прибавъ въ Римъ.

Изъ Ліона спустился я на пароходѣ по Ронѣ до Авиньона, гдѣ я задержался на нѣкоторое время для посѣщенія одного знакомаго мнѣ врача, живущаго въ окрестностяхъ этого города. Изъ Авиньона по желѣзной дорогѣ я отправился въ Марсель, чтобы оттуда на пароходѣ моремъ отправиться въ Чивита-Векію. Въ Марсели на возвышающейся надъ городомъ скалѣ красуется церковь Пресвятыя Богородицы (de la garde) съ чудотворною иконою, прославленной многими чудесами. Въ этой церкви я служилъ обѣдню по греко-славянскому обряду. Въ городѣ нѣтъ также уніатская церковь, устроенная французскимъ правительствомъ по просьбѣ антиохійскаго патріарха Мазлуна для живущихъ въ Марсели мольхитовъ, занимающихся торговлею. Для богослуженія, совершаемаго у мольхитовъ на арабскомъ языкѣ, присылаютъ изъ епархій знающаго языкъ іеромонаха.

На слѣдующій день нашего мореплаванія, мы пристали къ гавани г. Генуи, гордой нѣкогда столицы (superba) погущественной италіанской республики, сдѣлавшагося впоследствии провинціальнымъ городомъ Сардинскаго, а нынѣ Италіанскаго королевства, славящагося своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, своими великолѣпными церквами, величественными дворцами съ богатѣйшими коллекціями статуй и картинъ, и, наконецъ, своею обширною торговлею. Слѣдующаго дня къ полудню, мы высадились въ Ливорно, богатомъ торговымъ городѣ тогдашняго великаго княжества Тосканскаго. Воспользовавшись нѣсколькими часами остановки, мы рѣшились отправиться по желѣзной дорогѣ въ отстоящую въ получасовомъ отсюда разстояніи Пизу. Осматривать въ Ливорно нечего было, такъ какъ это городъ новый, не имѣющій, кромѣ торговли, ничего замѣчательнаго. Находятся въ немъ двѣ греческія церкви, одна для православныхъ, а другая для уніатовъ; обѣ эти церкви богато снабжены утварью и украшены прекрасною италіанскою живописью и рѣзбой. По дорогѣ

въ Пизу мы встрѣтили отрядъ австрійскихъ войскъ, занимавшихъ еще въ то время Тосканію. По чертамъ лица солдатъ мнѣ показалось, что это галичане, да и доводившіеся до меня звуки отзывались чѣмъ-то роднымъ. Возвращаясь въ Ливорно, на вокзалѣ я подсѣлъ къ одному австрійскому солдату и сталъ потихоньку напѣвать малорусскую думку. Услышавъ родной напѣвъ, солдатъ восторженулся, какъ-бы отъ удара электрической искры, посмотрѣлъ на меня пристально, поднялся и ушелъ; должно быть, ему показывалась чѣмъ-то непривычнымъ малорусская пѣсня, пропѣтая бородатымъ священникомъ на далекой чужбинѣ. Поднялся и я, и, подойдя къ нему, спросилъ по нѣмецки, откуда онъ? Тогда онъ отвѣтилъ по русски: «не разумію по-нѣмецки». — «А я знаю по русски!» Онъ вытаращилъ глаза. Отъ него я узналъ, что большая часть войскъ, квартирующихъ въ Ливорно, состоятъ изъ уроженцевъ русской Галичины, и что при нихъ полку состоятъ военнымъ священникомъ нѣкто Корный. Жаль мнѣ стало, что я все время употребилъ на осмотръ видѣнной мною уже раньше Пизы, между тѣмъ, какъ я съ большимъ удовольствіемъ проведъ-бы время въ бесѣдѣ съ роднымъ человѣкомъ. Однако, послышался звонокъ: хочешь не хочешь, садись и несись дальше, свѣтъ за глазами. Въ Пизѣ мы осмотрѣли знаменитую наклоненную башню, которая, такъ и кажется, готова рухнуть на землю, между тѣмъ какъ она составляетъ, оригинальностью своей постройки, диво зодчества. — великолѣпную въ греко-аравійскомъ стилѣ соборную церковь и кладбище, съ занимательною на стѣнахъ живописью, усыпанное землею, привезенною на 30 корабляхъ изъ Іерусалима во время крестовыхъ походовъ, когда Пиза еще числилась одной изъ могущественныхъ италіанскихъ республикъ. По возвращеніи въ Ливорно, я все-таки успѣлъ на нѣкоторое время заѣхать къ русскому полковому священнику Корному и намъ удалось полчаса провести въ пріятной бесѣдѣ.

Утромъ слѣдующаго дня мы уже были въ Чивита Векіа (Civita Vecchia), принадлежащей къ папской области и отстоящей восемь миль отъ Рима. За паспортными и таможенными вытарствами потеряли мы нѣсколько часовъ. Въ послѣ-обѣденное время мы успѣли въ дилижансѣ, и въ полночь очутились въ Римѣ.

XXXII.

Недоразумѣнія съ конгрегаціей пропаганды.—Аудиенція у папы.—Представленіе папѣ польскаго поэта Левартовича.—Проволочки пропаганды.—Отъѣздъ изъ Рима.

Найдя себѣ квартиру и отдохнувши нѣсколько, я отправился въ присутствіе пропаганды (*de propaganda fide*), чтобы при ея посредствѣ добиться аудіенціи у папы. Первымъ словомъ монсиньора секретаря пропаганды, послѣ обычнаго привѣтствія, было:

— «Получили-ли вы мое письмо, посланное нѣсколько дней тому назадъ!»

«Нѣтъ не получилъ»!

— «Что, вы сдѣлались уже папой? (*come? siate stato papa?*)»

«Не понимаю васъ, монсиньоре».

— «Да, вѣдь, вы уже пишете энциклики ко всѣмъ епископамъ вселенной!»

Теперь только я догадался, въ чемъ дѣло: злая иронія монсиньора намекала на то обстоятельство, что въ качествѣ товарища председателя подписалъ я, за отсутствіемъ кн. Кадора, посланія къ епископамъ. Лицо и голосъ монсиньора предвѣщали бурю. Не растерявшись, я отвѣтилъ твердо: «Прошу васъ, монсиньоре, указать мнѣ на постановленія Вселенскихъ соборовъ или кого-нибудь изъ папъ, запрещающія кому бы то ни было изъ членовъ церкви обращаться къ ея святителямъ; если такое существуетъ, то признаюсь въ своей вѣнѣ!»

— «Положимъ, это не воспрещается; но мнѣ не нравятся тонъ вашего посланія!»

«Что же вы тамъ такое изволили замѣтить? Мнѣ кажется, тамъ не было ничего предсудительнаго!»

— «Какъ не было? Да, вѣдь, вы присвоили восточнымъ патріархамъ титулъ святѣйшества, принадлежащій исключительно папамъ римскимъ, при томъ, выразились неодобрительно о латинскихъ миссіонерахъ! Это, вѣдь, чуть-ли не преступленіе!»

«Что касается до перваго, мы, дѣйствительно, присвоили патріархамъ этотъ титулъ, такъ какъ онъ имъ принадлежитъ по праву!»

— «Нѣтъ, не принадлежитъ»!

«Извольте взглянуть, монсиньоре, во всѣ дѣла Вселенскихъ соборовъ: другаго титула, кромѣ святѣйшій или блаженнѣйшій (*tua sanctitas, tua beatitudo*) патріархамъ не дается; въ старину, въ нисѣмахъ папъ къ патріархамъ точно также встрѣчается титулъ: святѣйшій или блаженнѣйшій братъ! Наконецъ, по всему Востоку онъ во всеобщемъ употребленіи. Стало быть, если это дозволялось вселенскимъ соборамъ, папамъ римскимъ и если таковъ всенародный обычай на востокѣ, то, кажется мнѣ, и мы не согрѣшили, употребивши этотъ титулъ».

— «Все это правда! Однако это было въ давно минувшее время; теперь же пропаганда титулетъ патриарховъ: высокопреподобѣйшій (Reverendissima dominatio vestra)».

Раздосадованный аргументаціею монсиньора, я сказалъ: «Какъ-же это такъ? Къ римскимъ епископамъ вы пишете: ваше преосвященство (Excellentia), а патриархамъ, первымъ по своему достоинству послѣ папы, стоящимъ даже выше кардиналовъ, вы отказываете даже въ этомъ титулѣ!»

— «Впрочемъ, это не настолько важно; гораздо серьезнѣе ваша выходка по отношенію къ миссіонерамъ! Было же въ нашемъ посланіи сказано слѣдующее: самымъ большимъ несчастіемъ для Востока то, что Западъ его не знаетъ; если-же что-нибудь доходить до свѣдѣнія Запада, то это извѣстія путешественниковъ и латинскихъ миссіонеровъ, смотрящихъ на дѣла Востока, по большей части, съ своей узкой точки зрѣнія, и, поэтому, не только вводящихъ въ заблужденіе, но вводящихъ, въ свою очередь, въ заблужденіе и другихъ.—По поводу этого я замѣтилъ, что все это сущая правда! «Нѣтъ, не правда!» крикнуть съ запальчивостію монсиньоръ».

«Да, вѣдь, въ этомъ я самъ убѣдился, въ свою бытность на Востокъ: самолично я все это видѣлъ и самъ это слышалъ!»

— «Довольно! вы должны будете письменно представить свои опроверженія!»

«Я готовъ хоть сейчасъ это сдѣлать!»

— «Нѣтъ, оправданіе должно быть написано отъ имени общества!»

«Постараюсь это сдѣлать по возвращеніи въ Парижъ!» Этихъ пока окончилась наша перепалка.

Всю эту бурю, какъ я узналъ впоследствии, вызвалъ апостольскій делегатъ въ Месопотаміи покойный уже Планшетъ (Planchet), изъ ордена іезуитовъ, недавно поставленный въ епископы въ г. Моссуль. Самъ секретарь пропаганды показывалъ мнѣ его письмо, въ которомъ онъ нападалъ на присвоеніе въ нашемъ посланіи патриархамъ титула «святѣйшество» и на неодобрительный отзывъ о дѣятельности миссіонеровъ. Привязался же онъ къ слѣдующему случаю: проживающій въ Моссулѣ халдейскій патриархъ, получивши наше посланіе, обратился, по незнанію французскаго языка, къ сказанному делегату съ просьбою разъяснить ему его содержаніе. Прочитавши посланіе, делегатъ послалъ съ одной стороны жалобу въ пропаганду, а, съ другой, поставилъ на видъ французскому консулу, прибывшему туда недавно и еще не ознакомленному съ дѣлами Востока, о неумѣстности поступка какого-то живущаго въ Парижѣ Терлецкаго, возмущающаго весь Востокъ противъ латинской церкви, отъ чего могутъ произойти непріятныя для Рима и для покровительствующей ему державы—Франціи послѣдствія. Немедля, консулъ настроивалъ на меня въ Парижъ доносъ, который французское правительство, какъ относящійся къ церковнымъ дѣламъ, препроводило своему посланнику въ Римъ для представленія чрезъ посредство кардинала Антонелли папѣ.

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ посыпались на меня обвиненія. Чтобы, однако, впоследствии не возвращаться къ этому вопросу, я расскажу теперь о томъ, чѣмъ разрѣшилась собравшаяся надъ моею головою грозовая туча. Я засталъ еще въ Римѣ, пріѣхавшаго туда съ цѣлью выхлопотать утвержденіе устава нашего общества, поименованнаго уже раньше, его секретаря. Наслышавшись о неумѣстности, по мнѣнію пропаганды, титулаціи патріарховъ и нашего отзыва о дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ, онъ поспѣшилъ въ Парижъ, созвалъ имѣющихся въ городѣ членовъ комитета, которыхъ было очень не много, такъ какъ дѣло было лѣтомъ, сообщилъ имъ объ опасности, угрожающей обществу вслѣдствіе сказанныхъ причинъ, и сталъ убѣдительно доказывать, что единственнымъ средствомъ избѣгнуть непріятностей—это принести въ жертву составителя посланія—Терлецкаго, одними словомъ, хотѣлъ выдать меня головою. Присутствующие согласились и приготовили оправдательное письмо, въ которомъ, ушывая какъ-бы отъ всего руки, не смотря на собственноручныя подписи, вся вина слагалась на меня. Къ счастью, не долго спустя послѣ его пріѣзда, пріѣхалъ и я въ Парижъ. Я собралъ засѣданіе и представилъ все дѣло въ другомъ освѣщеніи, приглашая присутствующихъ постоять за правду и защищать высказанные предъ цѣлымъ свѣтомъ и одобренные обществомъ взгляды. Всѣ пошли за мною: прежнее оправдательное письмо было уничтожено и мнѣ, и еще двумъ другимъ членамъ было поручено составленіе новаго отвѣта. Отстаивая правильность нашей точки зрѣнія, мы, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе возможныхъ въ будущемъ недоразумѣній, высказали готовность сдѣлать пропагандѣ по поводу нѣкоторыхъ выраженій уступку. Въ скоромъ времени получились изъ Рима два письма: одно отъ кардинала префекта пропаганды къ князю Бадору, а другое отъ монсиньора секретаря ко мнѣ; въ обоихъ высказывалось удовольствіе, по поводу преданности Восточнаго общества апостольскому престолу и конгрегаціи пропаганды. Итакъ, изъ большой тучи малый дождь!

Недоразумѣвія мои съ монсиньоромъ секретаремъ нисколько не помѣшали мнѣ добиться, при его посредствѣ, аудіенціи у папы, которая и была назначена въ ближайшій воскресный день. Его святѣйшество принялъ меня очень дурно, говорилъ съ какимъ-то нетерпѣніемъ, и, какъ видно было по всему, хотѣлъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, освободилъ его отъ своего присутствія. При такихъ условіяхъ, нельзя было говорить о цѣли моего путешествія. Съ тяжелыми душами и глубокимъ огорченіемъ вышелъ я изъ Ватикана, думая, что уже все пропало и не зная, что дѣлать. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, захожу я, сильно опечаленный, къ монсиньору секретарю, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, о причинѣ такой немилости папы. Монсиньоръ принялъ меня улыбаясь и сказалъ: «Вы опечалены по поводу дурнаго приѣма, оказаннаго вамъ папой: не беспокойтесь! Вчера вечеромъ самъ папа изволилъ мнѣ сообщать, что васъ дурно принялъ; причиною всему этому была ужасная

зубная боль! его святѣйшество приказалъ сейчасъ же послѣ вашего ухода выдернуть зубъ, а вамъ явиться вторично!» Надежда опять вернулась ко мнѣ. И съ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться второй аудіенціи, которую я и получилъ вскорѣ послѣ этого.

Во второй разъ папа былъ ко мнѣ весьма пріятливъ и спросилъ съ сердечнымъ участіемъ, чего я желаю?

«Святѣйшій отецъ! — сказалъ я — нѣсколько лѣтъ я уже тружусь для церкви съ полнымъ самоотверженіемъ, не ища ничего для себя и отказавшись даже отъ предложеннаго мнѣ пропагандою въ 1848 году епископскаго сана; для открытой мною въ Парижѣ миссіонерской семинаріи я не добивался никакой поддержки, взыскивая для содержанія ея средства своими заботами и трудомъ; тѣмъ не менѣе, я до сихъ поръ не получилъ отъ вашего святѣйшества ничего въ знакъ вашей ко мнѣ благосклонности!»

— «Чего-же хотите, чтобы я для васъ сдѣлалъ?»

«Ничего другаго, святѣйшій отецъ, какъ письменнаго одобренія моихъ дѣйствій!»

— «Хорошо; прикажу пропагандѣ заготовить бумагу. Чего-же вы еще желаете?»

«Въ моемъ заведеніи двое воспитанниковъ оканчиваютъ курсъ богословія; принадлежатъ они къ парижской епархіи. Прошу вашего святѣйшества позволить рукоположить ихъ въ миссіонеры парижскому архіепископу съ удержаніемъ ими восточнаго обряда».

— «Хорошо; распоряжусь, чтобы пропаганда написала парижскому архіепископу объ ихъ рукоположеніи».

«Третій воспитанникъ принадлежитъ къ латинскому обряду; прошу в. свят. о разрѣшеніи ему перейти на обрядъ греко-славянскій».

— «Объ этомъ сдѣлаете докладъ впослѣдствіи».

Затѣмъ папа повнтересовался узнать о томъ, какъ мы устроились въ Парижѣ; разспрашивалъ про Парижъ я съ большою снисходительностію предлагалъ другіе вопросы. Ободренный нравственно, съ радостнымъ настроеніемъ духа, вышелъ я изъ Ватикана. Слухъ о ласковомъ пріемѣ, оказанномъ мнѣ папою, быстро распространился по Риму; пошли даже толки о томъ, что я буду скоро поставленъ въ епископы; кто-то, другъ или недругъ, не знаю, сообщилъ даже объ этомъ моимъ знакомымъ въ Парижѣ, которые даже готовились выѣхать мнѣ на встрѣчу, чтобы меня поздравить съ новымъ назначеніемъ. Но я пріѣхалъ раньше, чѣмъ предполагали.

За полученіемъ обѣщанныхъ мнѣ бумагъ, я отправился къ монсиньору секретарю пропаганды. Онъ дѣйствительно получалъ приказаніе заготовить все, согласно данному мнѣ папою обѣщанію.

— «Но, къ чему вамъ двѣ бумаги, когда одной будетъ съ васъ достаточно» — сказалъ секретарь; мы напишемъ архіепископу относительно рукопо-

ложения; это и будет одобреніемъ вашей дѣятельности»—Я былъ настолько простодушенъ, что согласился. Монсеньоръ велѣлъ мнѣ прійти за бумагой чрезъ нѣсколько дней; но она такъ и не была написана!—Предъ отъѣздомъ изъ Рима я имѣлъ у папы еще прощальную аудіенцію. Папа принялъ меня весьма привѣтливо. Я взялъ съ собою и Ленартовича, желавшаго получить папское благословеніе. Оставивъ его въ смежной залѣ, при прощаніи, я доложилъ папѣ, что взялъ съ собою одного питомца нашего заведенія, считающагося однимъ изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ, который имѣетъ страстное желаніе представиться и исправить благословенія его святѣйшества.

— «Не тотъ-ли это—сказалъ папа съ оттѣнкомъ негодованія—который былъ какъ-то у меня?—тотъ, помнится, кричалъ такъ громко, что я долженъ былъ его остановить!»—Я догадался, что рѣчь идетъ о Мицкевичѣ.

«И тотъ, смѣю увѣрить ваше святѣйшество, въ настоящее время—преуважаемый сынъ церкви; но мой питомецъ принадлежитъ къ младшему поколѣнію».

— «Пусть придетъ!»—сказалъ папа и потянулъ за шнурокъ отъ колокольчика. Вошелъ монсеньоръ камеріере.

«Приведите товарища Терлецкаго!» Съ Ленартовичемъ бесѣдовалъ папа весьма ласково, похваливъ его намѣреніе сдѣлаться миссіонеромъ, укрѣплялъ его въ немъ, и, наконецъ, отпустилъ насъ обоихъ весьма милостиво.

Все уже было готово къ пути, французское посольство выдало мнѣ и Ленартовиту билеты на безплатный проѣздъ на военномъ пароходѣ, а письма къ архіепископу какъ нѣтъ—такъ нѣтъ! Я сталъ надоедать монсеньору секретарю; наконецъ, онъ, освѣдомившись о днѣ нашего выѣзда, велѣлъ прійти въ тотъ-же самый день. Утромъ рано въ день отъѣзда отправляюсь къ секретарю; оказывается, что онъ на конференціи у кардинала префекта: видѣть его нельзя! Раздосадованный ѣду оттуда и встрѣчаю старика генерала Шивановскаго. Узнавъ о моемъ горѣ, онъ уговорилъ меня отправиться проститься къ кардиналу префекту Франсони, къ которому и онъ отправлялся. Прощаясь съ кардиналомъ, рассказалъ я ему о невозможности добиться общаго письма. Кардиналъ отворилъ дверь въ смежную комнату и сказалъ громко: «монсеньоръ секретарь! Терлецкій ждетъ какого-то письма къ парижскому архіепископу!»

— «Еще не написалъ! слышался голосъ изъ сосѣдней комнаты—но пусть онъ ѣдетъ, я ему пошлю его въ догонку, въ Парижъ!» Такимъ образомъ, снабженный однимъ только общаніемъ, долженъ я былъ пуститься въ обратный путь.

XXXIII.

Отдыхъ въ помѣстьѣ кн. Кадора.—Новыя проволочки пропаганды.—Рукоположеніе въ священники обонхъ моихъ питомцевъ.—Хлопоты объ опредѣленіи ихъ миссіонерами.—Неудавшееся пожертвованіе въ пользу нашего заведенія.—Отъѣздъ въ Римъ.

На обратномъ пути я снова остановился въ Лионѣ съ цѣлію посѣтить князя Кадора въ его имѣніи, недалеко отъ Сэнъ-Этьенъ (Saint Etienne), въ которомъ онъ проводилъ лѣто каждый годъ. Князь просилъ меня отдохнуть у него отъ трудовъ путешествія; при томъ, я хотѣлъ съ нимъ, какъ нашимъ покровителемъ и ревностнымъ сотрудникомъ во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, подѣлиться хорошими извѣстіями изъ Рима, касающимися главнымъ образомъ дѣлъ нашего общества. Съ большимъ удовольствіемъ я провелъ у него цѣлую недѣлю.

Пріѣхавши въ Парижъ, я написалъ немедленно монсеньору секретарю пропаганды письмо, напоминая объ обѣщанной бумагѣ; вслѣдъ за этимъ я написалъ другое съ тѣмъ же самымъ напоминаніемъ. Наконецъ, получился отвѣтъ; во какой отвѣтъ? Папа-де велѣлъ вѣнскому нунцію навести у епархіальнаго начальника обонхъ питомцевъ справку о поведеніи рукополагаемыхъ, по полученіи которой не замедлитъ распорядиться ихъ рукоположеніемъ. Подобнымъ отвѣтомъ я былъ пораженъ въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что объ этомъ вовсе не было рѣчи въ Римѣ. Напрасны были письма, посылаемыя то секретарю пропаганды, то самому папѣ, въ которыхъ я выставлялъ на видъ то обстоятельство, что мои питомцы оставили свою епархію въ такомъ возрастѣ, когда о нихъ трудно было составить себѣ какое-нибудь понятіе: пришлось покориться необходимости! Наконецъ, послѣ шестимѣсячнаго ожиданія получилось разрѣшеніе рукополагать ихъ, но объ обѣщанномъ одобреніи моихъ дѣйствій ни слова!

Какъ-бы то ни было, я рѣшился достойнымъ образомъ приготовиться къ ожидаемой церемоніи. Самъ архіепископъ, обремененный своими многосложными обязанностями, не могъ рукополагать. Онъ далъ только низшія священнослужительскія степени; рукоположеніе-же на подіаконство и на двѣ священныя степени діаконства и іерейства онъ поручилъ совершить епископу Пальегуа (Pallegoix), апостольскому викарію Сіамскому, находившемуся какъ разъ тогда въ Парижѣ. Рукоположеніе совершилось въ нашей церкви при многочисленномъ стеченіи народа, 20 марта (1 апрѣля) 1854 года. Оба молодыхъ священника: Коростыньскій и Куиловскій ¹⁾ на слѣдующій день уже сами служили обѣдню.

¹⁾ О. Куиловскій въ настоящее время состоитъ соборнымъ протоіереемъ и членомъ консисторіи недавно открытой греко-уніатской епархіи въ Станиславовѣ, въ Галичинѣ.

Рукоположенію двухъ священниковъ придавало нѣкоторую санкцію непрочному еще положенію нашего заведенія. Число воспитанниковъ все увеличивалось. Поступилъ къ намъ одинъ латинскій священникъ, желавшій присоединиться къ униі, о чемъ послано было ходатайство въ Римъ. Была надежда, что въ скоромъ времени число воспитанниковъ дойдетъ до десяти.

Приходилось думать о примѣненіи къ дѣлу пріобрѣтенной въ заведеніи подготовки обоихъ молодыхъ священниковъ на поприщѣ миссіонерской дѣятельности. Между тѣмъ, возникла кровопролитная война Россіи съ Турціею и коалиціею западныхъ державъ. Восточная война загоралась страшнымъ пожаромъ и захватывала все большую и большую площадь. Да и та территория, на которой должна была, главнымъ образомъ, сосредоточиться дѣятельность нашихъ будущихъ миссіонеровъ, сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій. Мы теряли, нѣкоторымъ образомъ, почву подъ ногами. Общественное вниманіе прислушивалось къ звуку оружія, и дѣлалось глухимъ и недоступнымъ къ какой-бы то ни было мирной дѣятельности. Всѣ судили и редили о томъ, кто одержитъ верхъ въ этой исполинской борьбѣ. Съ одной стороны, брошены были на всѣмъ силы трехъ и даже четырехъ державъ: казалось, гибель Россіи была близка; а съ другой, всѣмъ извѣстна была твердость и рѣшительность характера и желѣзная воля императора Николая Павловича, неисчерпаемые ресурсы Россіи и безавѣтная храбрость ея войскъ: шансы склонялись въ пользу Россіи и въ памяти воскресали историческіе образы войны 1812 года.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я рѣшился выяснитъ наше положеніе и съ этою цѣлью отправиться въ Римъ. Это было во второй половинѣ іюля мѣсяца 1854 года.

Но прежде чѣмъ поведу читателя снова въ Вѣчный городъ, я разскажу объ одномъ происшествіи, свидѣтельствующемъ о необыкновенномъ сочувствіи, которымъ пользовалось наше заведеніе со стороны архіепископа парижскаго. Одинъ изъ благодѣтелей нашего заведенія обѣщался пожертвовать на его нужды 100,000 франковъ. Желая будущаго жертвователя связать какимъ-бы то ни было обязательствомъ, я уговорилъ его сообщить о своемъ благомъ намереніи архіепископу. Онъ это и сдѣлалъ. Однако, исполненіе обѣщанія, по неизвѣстной причинѣ, все откладывалось. Однажды Мицкевичъ, съ которымъ я бесѣдовалъ объ этомъ обстоятельствѣ, далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ: «постарайся какъ-нибудь уговорить архіепископа посѣтить этого барина: онъ ему съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ нарисуетъ картину бѣдственнаго положенія нашего заведенія и докажетъ необходимость обезпеченія его существованія какимъ-нибудь пожертвованіемъ; барская гордость заговоритъ въ немъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ выброситъ 100, а то и больше тысячъ франковъ!» Хотя я, признаться, сомнѣвался въ согласіи архіепископа, во все-таки рѣшился попытаться. На мою просьбу, архіепископъ, подумавши немного, отвѣтилъ: «дѣлать мнѣ первому визитъ иностранцу, на мой взглядъ, не

прилично, но чтобы вамъ дать доказательство моего къ вамъ благоволенія, я сдѣлаю вотъ какъ: я дамъ въ его честь обѣдъ, на который приглашу и васъ и кого пожелаете изъ вашихъ знакомыхъ; послѣ обѣда мы сдѣлаемъ на него дружную атаку!»—Поблагодаривши архіепископа, я попросилъ позволенія пригласить отъ себя одного князя Кадора. Во время званнаго обѣда, на который было приглашено еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, нашего вельможу посадили на первое мѣсто; владыко, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, расточая ему лстивыя похвалы, все заговаривалъ о дѣлѣ Восточныхъ церквей, о судьбѣ нашего заведенія и все ссылался на меня, какъ на близко-стоящее къ этому дѣлу лицо. Послѣ обѣда, когда уже подали черный кофе, владыко взялъ его подъ руку, посадилъ рядомъ съ собою на диванъ и, напомнивъ ему объ его обѣщаніи, наемкнулъ на то, что теперь, когда о. Терлецкій собирается въ Римъ, лучше всего было бы оформить это дѣло. Тутъ какъ разъ подошелъ къ нимъ князь Кадоръ и я.—Но видно, на то не было воли Божьей! Напрасно было потрачено все краснорѣчіе владыки: вельможа не отказывался, правда, отъ исполненія своего обѣщанія когда-нибудь въ будущемъ, но въ настоящую минуту не хотѣлъ или не могъ ничего сдѣлать для нашего заведенія. А между тѣмъ, отъ этого зависѣло въ значительной степени обезпеченіе его существованія!

На пути въ Римъ все какъ будто сговорилось противъ меня: я опоздалъ къ отходу поѣзда при пересадкѣ въ Арль; въ Марсели засталъ холеру въ полномъ разгарѣ; наконецъ, пропустилъ время отхода почтового парохода, на которомъ я имѣлъ бесплатный билетъ для проѣзда до Чивита Векіа. Къ тому же, по причинѣ холеры, пришлось мнѣ выдержать въ этомъ несимпатичномъ городѣ десятидневный карантинъ, который, въ виду переполненія карантиннаго зданія, пришлось отсидѣть на крохотномъ угольномъ суднѣ.

XXXIV.

Борьба съ пропагандою возобновляется. — Обѣщаніе папы дать назначеніе новопоставленнымъ священникамъ.— Переговоры съ никонольскимъ латинскимъ епископомъ.— Уклончивый его отвѣтъ.

Мнѣ было, такъ сказать, на роду написано начинать каждое дѣло съ борьбы съ пропагандою! Когда я обратился къ монсеньору секретарю съ просьбою дать рукоположеннымъ уже обоямъ молодымъ священникамъ дипломы на миссіонеровъ съ миссіонерскими привилегіями, то онъ сказалъ: «этого я не могу сдѣлать: титулъ миссіонера можетъ быть данъ только священнику латинскаго обряда». «Какъ-же это такъ? да неужели греко-католики не такіе-же сыны католической церкви, какъ и римско-католики? Не находятся-ли тѣ и другіе подъ главенствомъ папы римскаго?»

— «Что-же дѣлать: такой уже usus нашей пропаганды! Да вотъ и о. Арсеній (армянинъ), мой личный другъ, отправляясь на Востокъ, просилъ меня

свѣдѣть его титуломъ миссіонера, кому-какъ кому, а ему я отъ души радъ былъ-бы это сдѣлать, а, между тѣмъ, онъ его не получилъ! Если нельзя, такъ нельзя».

«Какъ-же я его получилъ?—Да и вы сами, монсеньоръ, дали мнѣ его!»

— «Вы другое дѣло: васъ рукополагали въ Римѣ, какъ священника католическаго!»

«Извините, монсеньоръ,—я его получилъ, перейдя уже на обрядъ греческій и отправляясь на Востокъ!»

— «Да, дѣйствительно; но знаете, тогда папа былъ новопоставленный, не ознакомленный еще съ обычаями пропаганды».

«Въ такомъ случаѣ, я стану объ этомъ просить самого папу».

— «Хорошо просите!»

На аудіенціи у папы, послѣ краткаго изложенія всего дѣла, я обратился къ его святѣйшеству съ просьбою дать мнѣ бывшихъ нитонцевъ, вмѣстѣ съ дипломами миссіонеровъ, какое-нибудь назначеніе. На лицѣ папы замѣтна была какая-то нерѣшительность: онъ какъ-будто затруднился, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Наконецъ, какъ-бы остановившись на какомъ-то рѣшеніи, папа повелѣлъ мнѣ переговорить объ этомъ съ кардиналомъ Брунелли; онъ былъ знакомъ со мною съ давнихъ поръ и выказывалъ, по крайней мѣрѣ прежде, нашему дѣлу и мнѣ искреннее расположеніе. Это обстоятельство отчасти оживило мою надежду на благополучное окончаніе дѣла.

Вслѣдствіе доклада кардинала Брунелли, я имѣлъ снова аудіенцію у папы. Хотя у папы замѣтна была прежняя нерѣшительность, но какъ видно, подъ вліяніемъ покровительствующаго мнѣ кардинала, онъ рѣшился сказать: «Хорошо, я пошлю ихъ къ никопольскому епископу, въ Болгарію; тогда я и велю мнѣ выдать дипломы на миссіонеровъ!»

Расскажу еще объ одномъ столкновеніи съ монсеньоромъ секретаремъ пропаганды. Однажды, во время бесѣды съ мнѣ покровителемъ Брунелли, я упомянулъ о томъ, что, держа миссіонерское заведеніе въ Парижѣ на свой счетъ, я никогда не просилъ въ Римѣ какой-нибудь матеріальной помощи, не смотря на то, что мнѣ приходилось часто, даже и въ самомъ Римѣ, испытывать нужду. Брунелли передалъ объ этомъ папѣ, который, думая, что я и теперь нахожусь въ бѣдственномъ положеніи, повелѣлъ пропагандѣ выдать мнѣ сто скудовъ, что-то около полутора ста рублей. Не зная ничего объ этомъ, прихожу въ пропаганду по какому-то дѣлу. Увидѣвъ меня, секретарь обращается ко мнѣ съ какими-то злорадствомъ: «Папа велѣлъ вамъ выдать сто скудовъ милостыни!» Последнее сіе выраженіе меня взорвало, и я поспѣшилъ отвѣтить: «я не прошу милостыни: я пришелъ просить миссіи для моихъ нитонцевъ!»

— «Какъ хотите! сказалъ монсеньоръ и доложилъ объ этомъ папѣ. Вскорѣ послѣ этого былъ я у кардинала Брунелли. Послѣ привѣтствія, тотъ набросался

на меня съ упрекомъ: «Отчего вы пренебрегли пожалованнымъ вамъ папою вспоможеніемъ? Папа былъ этимъ очень недоволенъ».

«Можно-ли допустить, чтобы я съ пренебреженіемъ отнесся къ дару его святѣйшества? Дѣло въ томъ, что мнѣ сказали въ пропагандѣ, что я пришелъ туда за милостынею; я отвѣтилъ, что пришелъ просить миссіи, а не милостыни!» Кардиналъ доложилъ объ этомъ папѣ, и вторично было повелѣно выдать мнѣ эти деньги, не упоминая уже вовсе о милостыни.

По распоряженію папы, пропаганда снеслась съ никопольскимъ епископомъ Парси о наміреніи его святѣйшества основать въ предѣлахъ его епархіи нашей миссіи. На мои возраженія, что можно было-бы разсчитывать на гораздо лучшіе успѣхи, если бы эта миссія находилась въ зависимости отъ греко-уніатскаго епископа, вызваннаго для этой цѣли изъ Галичины, а не отъ латинскаго, въ пропагандѣ стали увѣрять, что коль скоро число возсоединенныхъ съ римскою церковью увеличится, то не заставитъ себя ждать и назначеніе греко-уніатскаго епископа.

Въ концѣ 1854 или въ началѣ 1855 года былъ полученъ благопріятный отвѣтъ отъ епископа Парси. Тѣмъ не менѣе, пропаганда не удовольствовалась имъ и затребовала отъ епископа дополнительныхъ свѣдѣній. Очевидно пропаганда противодѣйствовала всему этому начинанію и желала всячески меня оттереть отъ этого дѣла. Въ теченіе этого времени имѣлъ я двѣ или три аудіенціи у папы и горько жаловался на претерѣваемые греко-уніатскою церковью притѣсненія не только въ отдаленныхъ отъ Рима мѣстахъ, но даже и на глазахъ самого папы, намекая этимъ на дѣлаемые мнѣ непріятности. Тогда папа, вспомнивъ, быть можетъ, о докладѣ кардинала Брунелли, я желая, чего добраго, меня принирить съ моею участію посредствомъ денежнаго вспоможенія, вручилъ мнѣ дважды собственноручно по шестидесяти римскихъ червонцевъ; но могъ-ли этотъ даръ, хотя и исходящій отъ чистаго сердца, разсѣять мои тяжелыя дуны и свѣдающую мое сердце тоску? Я, вѣдь, изнывалъ подъ тяжестью системы, унаслѣдованной отъ прежнихъ столѣтій, съ которой подчасъ и самому папѣ бороться было не подъ силу!

Наконецъ, полученъ былъ и второй, давно ожидаемый, отвѣтъ никопольскаго епископа. Высказывая свою полную готовность содѣйствовать нашему дѣлу, онъ прибавилъ, что теперешнія обстоятельства не вполне благопріятствуютъ его начинанію, такъ какъ въ предѣлахъ вѣрвенной ему епархіи свирѣпствуетъ военная буря, съ уничиженіемъ-же края онъ готовъ принять мои штифты съ распростертыми объятіями и предоставить полную свободу для ихъ миссіонерской дѣятельности.

XXXV.

Опасенія на счетъ будущности миссіонерскаго заведенія. — Рѣшеніе, послѣ внутренней борьбы, закрыть заведеніе. — Согласіе на то папы. — Распредѣленіе имуществъ. — Отъѣздъ на Востокъ.

Отвѣтъ епископа подавалъ, правда, надежду на будущую миссіонерскую дѣятельность, но новыя обстоятельства складывались такъ, что немедленное приступленіе къ ней было для меня нравственнымъ долгомъ предъ церковью и обществомъ; было даже, можно сказать, вопросомъ жизни или смерти для моего заведенія. Кромѣ того, какое-то непонятное недовѣріе папскаго престола тяготѣло надъ начатымъ мною дѣломъ, несмотря на всю привѣтливость ко мнѣ лично папы; меня утомляла борьба съ упрямыми противодѣйствіемъ пропаганды, выказывавшимъ мнѣ на каждомъ шагѣ; наконецъ, недоброжелательство нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности латинскихъ миссіонеровъ, боявшихся, повидимому, нашей конкуренціи на томъ же самомъ поприщѣ, на которомъ и они подвизались; все это наводило на меня какое-то необъяснимое уныніе и даже опасеніе за успѣшное окончаніе начатаго дѣла. Я хотѣлъ, не откладывая дальше приступленія къ дѣятельности, доказать на дѣлѣ пользу вѣцесообразности моего предпріятія, а тутъ всѣ, какъ будто-бы сговорившись, твердятъ въ одинъ голосъ: дожидайся лучшихъ временъ! А могу-ли я ждать? На моихъ рукахъ было цѣлое миссіонерское заведеніе, а между тѣмъ, оно не имѣло ни какихъ-нибудь правъ, ни преимуществъ, ни возможности прижизненнаго къ дѣлу приобретенныхъ въ немъ познаній! Къ довершенію всего, на Востокъ затянулася многолѣтняя война. Кому извѣстна была какъ несокрушимая энергія императора Николая, такъ и невозможность западныхъ державамъ отступленія безъ достиженія какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ, тотъ не сомнѣвался въ продолжительности войны. Возможно-ли было, при такихъ условіяхъ, держать все это время заведеніе въ Парижѣ, такъ сказать, на воздухѣ, не имѣя основательной надежды на улучшеніе его участи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ? Наконецъ; во время моего продолжительнаго отсутствія изъ Парижа, возникли между моими молодыми питомцами какія-то несогласія, которые уже не могли улеяться сами собой. Все это ввергло меня въ какое-то отчаяніе, одолѣть которое я уже не былъ въ состояніи!

Однако, должно было на что нибудь рѣшиться. Я попросилъ аудіенціи у папы и получилъ ее: наша бесѣда продолжалась долго; по всему видно было, что папа имѣетъ какое-то предубѣжденіе противъ парижскаго заведенія и находится въ нерѣшительности, что съ нимъ дѣлать? Наконецъ, я спросилъ: «извольте, ваше святѣйшество, сказать опредѣленно: желаете-ли, чтобы заведеніе существовало, или нѣтъ?»

Подумавши немного, папа сказалъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать ни да, ни нѣтъ!»

Такимъ образомъ, мои сомнѣнія не разсѣялись! Въ частныхъ же беседахъ съ монашьюромъ секретаремъ, на мое предупрежденіе о томъ, что, при такомъ ходѣ дѣла, я буду принужденъ закрыть заведеніе, онъ отвѣтилъ равнодушно: «дѣлайте какъ хотите!»

О такомъ поворотѣ нашего дѣла я увѣдомилъ своихъ воспитанниковъ въ Парижѣ, чтобы узнать объ ихъ взглядѣ на этотъ счетъ. Они, правда, во всемъ полагались на меня, но во всѣхъ ихъ письмахъ проглядывала какая-то недовѣрчивость къ нашей будущности и неудовольствіе теперешнимъ переходнымъ состояніемъ. Долго еще я боролся съ своими мыслями: жаль мнѣ было бросить лѣтъ нѣсколько мною мечты, уничтожить собственною рукою труды столькихъ лѣтъ и развѣять по вѣтру лучшія надежды, съ которыми я сросся всѣми силами своей души. Какъ это ни трудно было, я рѣшился разрушить собственное дѣло,—закрыть заведеніе, самому уйти изъ Европы далеко на Востокъ, и, посѣтивши еще разъ Святые мѣста, уединиться гдѣ-нибудь въ монастырѣ въ Ливанскихъ горахъ и окончить свою жизнь въ молитвѣ и покаяніи. Каково было состояніе моей души, объ этомъ рассказать трудно. Моя душевная скорбь равнялась печали матери, которая вынуждена сама обречь на смерть свое родное дѣтище!

Но прежде чѣмъ рѣшить окончательно, я хотѣлъ сдѣлать еще послѣднюю попытку. Черезъ посредство монашьюра секретаря я просилъ папу дать мнѣ письменный отвѣтъ, желательно-ли удержать наше парижское заведеніе, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда будетъ дана намъ на Востокѣ миссія? Получивъ на это отрицательный отвѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что не было воли Божіей довести мое предпріятіе до желаннаго конца, и что, поэтому, нужно закрыть заведеніе.

О моемъ рѣшеніи я доложилъ монашьюру секретарю пропаганды и сдѣлалъ изъ Рима всѣ распоряженія по поводу закрытія заведенія. Желая снабдить своихъ питомцевъ какими-нибудь средствами при выходѣ ихъ на жизненное поприще, я рѣшился оставшіяся въ заведеніи деньги раздѣлить поровну между ними. Все нищество, удобное для пересылки по почтѣ, я пожертвовалъ въ «Народный Домъ»¹⁾ во Львовѣ и на вторую городскую церковь тамъ-же, считая все это собственностью русскаго народа. При раздѣлѣ денегъ питомцы оставили что-то около 400 франковъ и на мою долю; но я не желалъ ими воспользоваться и велѣлъ ихъ употребить на пересылку церковнаго нищества и другихъ предметовъ во Львовъ.

Уладивши, такимъ образомъ, все это дѣло, я собрался, какъ можно скорѣе, выѣхать на Востокъ, такъ какъ мнѣ уже тяжело было оставаться въ Римѣ

¹⁾ „Народный Домъ“ во Львовѣ — это національно-русская институція, вмѣщающая въ своихъ стѣнахъ библіотеку, архивъ, русскую бесѣду (клубъ), русскую Львовскую гимназію, народный театръ и другія учрежденія; рядомъ же воздвигается вторая городская церковь.

и вообще въ Европѣ. На прощаніе я отправился испросить послѣднее благословеніе у папы. Папа принялъ меня холодитѣ обыкновеннаго, похвалилъ мое намѣреніе постричься въ монахи и посоветовалъ причислиться къ какой нибудь епархіи.

Выѣзжавши изъ Рима, я вторично отправился на Востокъ, не преисполненный свѣтлымъ надеждъ, какъ въ первый разъ, но съ ложившимся тяжело на сердцѣ горемъ, съ разочарованіемъ въ душѣ и съ желаніемъ успокоиться отъ суеты міра сего въ тиши мирной обители.

Архимандритъ Терлецкій.

Сообщ. Левъ Григ. Лопатинскій.

Конецъ.

Престолъ Кіево-Печерскаго монастыря при спущенной древней чудотворной иконы Успенія Божіей Матери.

Рис. проф. Ф. Г. Соляцовъ.